

Международная защита прав человека
Выпуск 2

**Европейские стандарты права
на справедливое судебное разбирательство
и российская практика**

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2004

ББК Х891
Е244

Серия «Международная защита прав человека» основана в 2001 году

Под общей редакцией *А. В. Деменевой*,
юриста Уральского центра конституционной и международной защиты
прав человека, магистра права

Европейские стандарты права на справедливое судебное разбира-
Е 244 тельство и российская практика / Под общ. ред. А. В. Деменевой. –
Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2004. – 240 с. (Международ. защита
прав человека; Вып. 2, кн. 1).
ISBN 5-7525-1229-8

Данное издание продолжает серию книг «Международная защита прав че-
ловека». В этом выпуске, подготовленном Уральским центром конституцион-
ной и международной защиты прав человека общественного объединения «Су-
тяжник», рассматриваются стандарты права на справедливое судебное разби-
рательство, установленные статьей 6 Европейской конвенции о защите прав
человека и получившие свое развитие в решениях Европейского суда по пра-
вам человека. Авторы, не претендуя на исчерпывающее исследование, прово-
дят анализ соответствия российских правовых реалий указанным стандартам.

Адресовано практикующим юристам, адвокатам, судьям, преподавателям
и студентам юридических вузов и факультетов, а также всем тем, кто интере-
суется вопросами защиты прав человека в Европейском суде по правам чело-
века.

ББК Х891

*ОО «Сутяжник» выражает благодарность Международному центру юриди-
ческой защиты прав человека «ИНТЕРАЙТС» (Лондон) за поддержку при
подготовке данного издания*

*Финансирование издания осуществлено Институтом «Открытое общество»
(Будапешт) в рамках гранта на поддержку программы в Восточной Европе
и СНГ Международного центра юридической защиты прав человека
«ИНТЕРАЙТС» (Лондон)*

© Коллектив авторов, 2004
© ОО «Сутяжник», составление,
перевод, 2004
© Л. А. Резниченко, перевод, 2004
© Издательство Уральского
университета, 2004

ISBN 5-7525-1229-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
РАЗДЕЛ 1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 6 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД	
Глава 1. Понятие справедливого судебного разбирательства и его основные элементы. <i>Дж. Мак-Брайд</i>	7
1.1. Сфера применения статьи 6 Конвенции	9
1.2. Доступ к правосудию	16
1.3. Право на обжалование судебного постановления	25
1.4. Независимость и беспристрастность суда	26
1.5. Равенство сторон	28
1.6. Право на защиту	35
1.7. Принцип публичности судебного разбирательства	42
1.8. Рассмотрение дела в разумный срок	43
РАЗДЕЛ 2. ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В СТАТЬЕ 6 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД	
Глава 2. Окончателность и стабильность судебного решения. Исполнение решений национальных судов. <i>С. Мухамбетова</i>	47
Глава 3. Презумпция невиновности. <i>С. Мухамбетова</i>	50
Глава 4. Требования части 3 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод <i>С. Мухамбетова</i>	53
РАЗДЕЛ 3. РЕАЛИЗАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 6 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В РОССИЙСКОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ	
Глава 5. Европейские стандарты защиты права на доступ к правосудию и российская правоприменительная практика. <i>А. Деменева</i>	64
5.1. Понятие права на доступ к правосудию в российской правовой системе	64
5.2. Понятие доступа к правосудию в практике Европейского суда по правам человека	67
5.3. Отдельные аспекты права на доступ к правосудию	68
5.3.1. Требования к суду	68
5.3.2. Право на возбуждение судебной процедуры	74
5.3.3. Правовая помощь по гражданским делам	79
5.3.4. Правовая помощь по уголовным делам	81
5.3.5. Пределы обязательства по обеспечению предоставления правовой помощи	86

5.4. Ограничения права доступа к суду	88
5.4.1. Ограничения в сфере возбуждения судебной процедуры	89
5.4.2. Иммунитеты и привилегии	89
5.4.3. Ограничение сроков возбуждения дела	90
Глава 6. Независимость и беспристрастность суда: требования статьи 6 Европейской конвенции и их воплощение в российском законодательстве и судебной практике. <i>Е. Гончарова</i>	93
6.1. Понятие независимости суда	93
6.2. Беспристрастность суда	103
6.3. Принцип независимости и беспристрастности суда в российском законодательстве	112
Глава 7. Минимальные гарантии справедливого судебного разбирательства в уголовном процессе в соответствии с европейскими стандартами и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. <i>С. Мухамбетова</i>	130
Приложение 1. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Бурдов против России»	150
Приложение 2. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Калашников против России»	155
Приложение 3. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Посохов против России»	192
Приложение 4. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 23 марта 1999 г. № 5-П по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»	202
Приложение 5. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 15 января 2002 г. № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Траспова	211
Приложение 6. Информационное письмо Высшего арбитражного суда РФ от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341 «Об основных	

положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие»	220
Приложение 7. Резолюция ДН (81)8 Комитета министров Совета Европы	226
Приложение 8. Резолюция ДН (95)254 Комитета министров Совета Европы	229
Приложение 9. Резолюция ДН (76)35 Комитета министров Совета Европы	233

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное издание является продолжением серии «Международная защита прав человека», которая была открыта вышедшей в декабре 2001 г. книгой «Европейский суд по правам человека: правила обращения и судопроизводства».

Во втором выпуске этой серии отражены результаты практической работы Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека с момента его основания в 2000 г. в результате совместных усилий общественного объединения «Сутяжник» (Россия, Екатеринбург) и Международного центра юридической защиты прав человека «ИНТЕРАЙТС» (Великобритания, Лондон).

Вопросы, которые рассматриваются в этой книге, связаны с необходимостью привести законодательство и правоприменительную практику Российской Федерации в соответствие со стандартами статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также с прецедентной практикой Европейского суда в сфере защиты права на справедливое судебное разбирательство.

В основной части излагаются общие требования справедливого судебного разбирательства, получившие развитие и закрепление в решениях Европейского суда, проводится анализ соответствия данным требованиям российского процессуального законодательства и дается обзор российской практики в сфере ограничения и нарушения права граждан на справедливое судебное разбирательство.

В приложениях приводятся переводы текстов трех решений Европейского суда, вынесенных против Российской Федерации, касающиеся вопросов права на судебную защиту, а также переводы резолюций Комитета министров, связанных с исполнением государствами решений Европейского суда, в которых было установлено нарушение статьи 6 Европейской конвенции.

Выражаем благодарность нашим коллегам Бориславу Петранову, Весселине Вандовой, Иренушу Кондаку за оказанную помощь при подготовке данного издания.

Материалы, представленные в книге, будут интересны и полезны российским юристам и позволят сблизить правовые системы не только в теории, но и в правоприменительной практике.

*Сергей Беляев,
президент общественного объединения «Сутяжник»
(Россия, Екатеринбург)*

РАЗДЕЛ 1
ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОГО
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
В ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 6 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

Глава 1
Понятие справедливого судебного разбирательства
и его основные элементы¹

Джеремии Мак-Брайд,
старший преподаватель
Бирмингемского университета,
вице-президент Международного центра
юридической защиты прав человека
«ИНТЕРАЙТС»

Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает:

1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних, или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена в соответствии с законом.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

¹ Представленные в данной главе сведения изложены в лекции, подготовленной для тренинга, проведенного в апреле 2000 г. в Екатеринбурге в рамках совместного проекта общественного объединения «Сутяжник» (Екатеринбург) и Международного центра юридической защиты прав человека «ИНТЕРАЙТС». Перевод с английского Л. А. Резниченко.

а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

б) иметь достаточное время для подготовки своей защиты;

в) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

д) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

е) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке².

Мало кто станет спорить с тем, что требование справедливого судебного разбирательства принадлежит к числу важнейших прав, гарантированных Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Однако вопрос о реализации этого права часто вызывает острые разногласия среди правоприменителей. Причин тому несколько.

Во-первых, в мире сформировались два очевидным образом различающихся подхода к осуществлению правосудия: состязательный и инквизиционный. Следует отметить, что статья 6 Европейской конвенции не требует от судебной системы принадлежности к какой-либо из этих моделей. Решения Европейского суда по правам человека ясно говорят, что единственно правильного подхода, позволяющего гарантировать справедливое правосудие, не существует и что различие подходов может сохраняться и далее.

Второй причиной, осложняющей реализацию принципа справедливого судебного разбирательства, является тенденция смешивать справедливость судебного процесса со справедливостью его результата: когда кому-то очевидно виновному удается избежать ответственности из-за соблюдения всех гарантий справедливого судебного разбирательства, закономерно, что справедливость как конечная цель правосудия ставится под сомнение.

С другой стороны, несправедливость процесса не может быть оправдана тем, что в результате этого процесса осудили виновного. Конечно, при приоритете справедливого судебного разбирательства преступник иногда может избежать ответственности. Однако такая возмож-

² См. текст Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в редакции дополнительного Протокола № 11 (Собрание законодательства РФ. 2001. 8 янв. № 2). Официальный перевод на русский язык.

ность возникает скорее оттого, что полиция и обвинение не смогли подготовить дело в соответствии со всеми действующими нормами и правилами; недопустимо жертвовать требованиями справедливого правосудия только для того, чтобы компенсировать недоработки следствия.

Право на справедливое судебное разбирательство – центральное во всей конструкции правового государства. Из огромного количества дел, в которых было установлено нарушение статьи 6, можно заключить, что Европейский суд тщательно следит за выполнением государствами всех налагаемых на них статьей 6 обязательств.

Требования эти чрезвычайно разнообразны, и здесь можно разяснить лишь некоторые из них. Однако необходимо заметить, что хотя главной задачей Суда остается провозглашенная Конвенцией справедливость судебного разбирательства, Суд предъявляет к судебному разбирательству и некоторые дополнительные требования помимо тех, что формально выражены в Конвенции. никоим образом не следует полагать, что разработка и уточнение требований статьи 6 завершены.

1.1. Сфера применения статьи 6 Конвенции

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных требований статьи 6, полезно прояснить, при каких именно обстоятельствах ее положения вступают в действие, т. е. при каких обстоятельствах можно говорить о разрешении спора, затрагивающего гражданские права и обязанности, или о рассмотрении уголовного обвинения. Здесь особая трудность связана с определением понятия «гражданские права и обязанности» – первой иллюстрацией того факта, что смысл какого бы то ни было понятия, встречающегося в Конвенции, нельзя считать само собой разумеющимся.

Неопределенность понятия «гражданские права и обязанности» проистекает из различия в терминах, используемых в английской и французской версиях текста статьи 6. Термины английского текста несут конституционно-правовой и публично-правовой смысл, в то время как французская версия говорит о правах и обязанностях «*d'une caractere civile*», т. е. частного-правового характера.

Из первого подхода может следовать применимость статьи 6 к большинству решений, принимаемых органами публичной власти, в то время как второй ограничивает сферу применения статьи 6 вопросами, связанными с договорами, гражданскими правонарушениями, имущественными отношениями и иными подобными интересами. В целом преобладает толкование, лежащее в основе формулировок французской версии, так что положения статьи 6 очевидным образом приме-

нимы к упомянутым выше предметам. Однако подобное толкование не носит жестко ограничительного характера, и сфера применения статьи 6 на наших глазах постоянно расширялась, так что под ее требования стали подпадать и многие действия публичных властей.

Разумеется, ссылка на то, что судебные разбирательства, справедливость которых ставится в жалобе под сомнение, относятся к сфере не частного, а публичного права, не будет служить основанием для освобождения государства от ответственности: формальная классификация того или иного права или обязанности в рамках какой-то конкретной правовой системы не имеет решающего значения. Суд более склонен придавать значение тому, имеет ли конкретное судебное решение финансовые и экономические последствия и возможна ли аналогия между затрагиваемыми в данном деле интересами и какими-то интересами бесспорно частно-правового характера. Однако было бы неразумно пытаться определить детальные правила на этот счет: судебная практика по данному вопросу развивается, приспосабливаясь к каждому конкретному случаю, и Суд все чаще принимает ссылки на положения статьи 6.

Так, под положения статьи 6, без сомнения, будут подпадать меры публично-правового регулирования профессиональной деятельности в таких областях, как медицина, право и др. Такой подход будет иметь важные последствия при рассмотрении жалоб на нарушение статьи 6 в судебных разбирательствах, связанных с аннулированием лицензий на право заниматься той или иной деятельностью, как в деле *H. v. Belgium*³, где разбирательство по ходатайству адвоката, исключенного из коллегии, о восстановлении его членства в коллегии было успешно оспорено в Европейском суде по основанию отсутствия каких бы то ни было процессуальных норм, регламентирующих рассмотрение подобных ходатайств, и отсутствия открытых слушаний по данному делу.

То же касается распорядительных полномочий, затрагивающих имущественные интересы. Это относится не только к обычной экспроприации, но и к мерам, ограничивающим право пользования имуществом в отношении земельных участков, – таким, к примеру, как явившиеся предметом разбирательства в одном из упоминающихся ниже дел ограничения на добычу гравия. Суд, без сомнения, будет применять положения статьи 6 к тем интересам, которые сами были созданы принятием какой-то системы регулирования, например системы выдачи лицензий на право управлять предприятием – от школы до службы перевозок.

Под действие статьи 6 могут подпадать даже споры, относящиеся к сфере публичного права, если только дело затрагивает приобретение

³ См. решение по делу *H. v. Belgium* от 30 ноября 1987 г.

каких-либо прав – таких, как право на компенсацию за ущерб, причиненный правонарушением, или право на пенсию по старости. С самого начала Суд рассматривал определенные выплаты по социальному страхованию как подпадающие под действие статьи 6, исходя из того, что обязанность государственных органов осуществлять подобные выплаты проистекает из уплаты лицом регулярных взносов, что делает их аналогичными частным соглашениям. Однако со временем Суд все чаще стал относить нормы статьи 6 и ко многим разбирательствам о выплатах в рамках систем социального обеспечения – если только распределение таких выплат не сопряжено с очевидными дискреционными полномочиями. Он даже счел, что под положения статьи 6 подпадают дела, связанные с обязанностью работодателя вносить деньги в фонды социального страхования, хотя в данном случае тот факт, что служащий не вносит соответствующие взносы, никак не влияет на его право заявлять требование.

Однако Суд по-прежнему не желает распространять действие статьи 6 на споры о налогообложении, хотя нельзя заранее утверждать, что постоянное расширение сферы применения статьи 6 со временем не затронет и этот предмет.

Напротив, нет никаких свидетельств, что положения статьи 6 когда-нибудь будут использоваться при разрешении споров о праве на поступление на государственную службу, о пребывании на этой службе или о профессиональном продвижении на ней. Это было вновь подтверждено решением по делу *Neigel v. France*⁴. Однако государственные служащие все еще могут ссылаться на статью 6 в спорах, касающихся их заработной платы и права на пенсию. И хотя в общем случае статья 6 может оказаться неприменимой к системе административных судов, очевидно, что во многих ситуациях ссылки на нее будут вполне возможны.

Много вопросов может вызывать то обстоятельство, что требования к слушаниям, предъявляемые статьей 6, относятся лишь к «определению» гражданских прав и обязанностей, т. е. к таким слушаниям, где обязанности и ущербы поддаются точному определению и оценке или где устанавливается возможность продолжения осуществления определенного права, например права заниматься медицинской практикой после принятия дисциплинарных мер.

Таким образом, эти требования неприменимы к разбирательству, предметом которого является лишь установление и оценка фактов, – например, к расследованию способов, которыми то или иное лицо осуществляло деловые операции. В деле *Fayed v. the United Kingdom*⁵

⁴ См. решение по делу *Neigel v. France* от 17 марта 1997 г.

⁵ См. решение по делу *Fayed v. the United Kingdom* от 21 сентября 1994 г.

подобное расследование привело к неблагоприятным для заявителей выводам, отрицательно сказавшимся на их личной и деловой репутации. Однако эти выводы не влияли на права и обязанности сторон, установленные законом. Напротив, в деле *Le Compte, Van Leuven and De Meyere v. Belgium*⁶ возбуждение дисциплинарных разбирательств в отношении врачей решающим образом влияло на их права и обязанности, поскольку вело к прекращению возможности для них заниматься медицинской практикой. Воздействие на интересы должно быть прямым, а не косвенным. Так, хотя решение о депортации может воспрепятствовать лицу в осуществлении его права на работу по найму, в данной ситуации (в споре по поводу правомерности депортации) это право не будет выступать основным предметом, подлежащим определению. Однако статья 6 будет применима к предыдущему производству, если его результаты определяют исход основного производства, а это последнее, бесспорно, относится к определению гражданских прав и обязанностей. Так, в деле *Ruiz-Mateos v. Spain*⁷ обращение в конституционный суд за толкованием положений Конституции могло повлиять на исход основного производства по делу, а в деле *Procola v. Luxembourg*⁸ результаты надзорного производства по административному решению о квотах на производство молока были необходимы для последующего возбуждения иска о возвращении суммы, несправедливо выплаченной за якобы имевшее место перепроизводство.

Определение гражданских прав и обязанностей будет признано и в том случае, когда, как в деле *Acquaviva v. France*⁹, разбирательства по уголовному делу являются необходимым предварительным этапом для получения компенсации за смерть родственника, а признание внутригосударственным судом факта самообороны при лишении жизни не позволило заявителям реализовать право на возбуждение иска для определения гражданских прав и обязанностей.

Многие из дел, по которым было установлено нарушение статьи 6, относятся к гражданскому судопроизводству. Необходимо отметить, что право на справедливое гражданское судопроизводство не только само по себе составляет материальное право, но и является важным средством, позволяющим отстаивать другие права.

Существует повсеместная убежденность, что этот аспект правовой системы вряд ли может порождать серьезные проблемы. В каком-то

⁶ См. решение по делу *Le Compte, Van Leuven and De Meyere v. Belgium* от 23 июня 1981 г.

⁷ См. решение по делу *Ruiz-Mateos v. Spain* от 12 сентября 1993 г.

⁸ См. решение по делу *Procola v. Luxembourg* от 28 сентября 1995 г.

⁹ См. решение по делу *Acquaviva v. France* от 21 ноября 1995 г.

смысле подобное отношение двигало и авторами текста Конвенции: хотя статья 6 одна из самых объемных в Конвенции, детализированы в ней только те требования, которые относятся к уголовному судопроизводству.

Таким образом, при определении требований к гражданскому процессу можно руководствоваться общими принципами, изложенными в первом пункте статьи 6 и относящимися в той же мере к уголовному судопроизводству, что и к гражданскому. Из беглого чтения этого пункта каждый легко может вынести убеждение, что правовая система его страны целиком соответствует этим принципам. Тем не менее, как уже отмечалось, среди стран – членов Совета Европы фактически нет такой правовой системы, которая не страдала бы с этой точки зрения какими-либо недостатками.

Требования соответствия принципов национального гражданского судопроизводства критериям статьи 6 Конвенции, без сомнения, проистекают из общего подхода органов Конвенции к толкованию ее норм. Подход этот давно уже стал «фирменным знаком» Конвенции и ее органов и включает в основном два принципа: при толковании норм Конвенции исходят из их цели, а формулировкам положений Конвенции приписывается автономный смысл.

Первый подход означает, что требования Конвенции толкуются шире, чем это можно вывести из буквального смысла слов и формулировок, содержащихся в тексте; второй – что специфические особенности той или иной национальной правовой системы не имеют при толковании данных требований принципиального значения. Дело, несомненно, еще больше затрудняется готовностью органов Конвенции всякий раз заново пересматривать с учетом меняющихся обстоятельств представления о том, что именно следует из той или иной нормы. Это последнее обстоятельство оказалось особенно значимым для сферы гражданского судопроизводства, оно привело к тому, что во многих случаях давно установившийся и никогда не ставившийся под сомнение порядок признавался противоречащим Конвенции.

Понятие «уголовное обвинение» подобных проблем не порождает, однако и смысл его отнюдь не сводится к тому, что отнесено к сфере действия уголовного права в правовой системе конкретной страны. Факт подобного позитивного отнесения будет иметь для Европейского суда решающее значение, однако вполне возможно, что Суд отнесет к сфере действия статьи 6 и дисциплинарное или административное производство как являющееся по своей сути разбирательством по уголовному обвинению.

Первоначально Комиссия и Суд исходили из того, что защита, предусмотренная Конвенцией, должна быть обеспечена в том случае, если внутригосударственное право определяет совершенное деяние как

уголовное. Однако впоследствии Европейский суд осознал опасность оставления на усмотрение государства толкование термина «уголовное обвинение», так как фактически любое государство могло избежать ответственности за несоблюдение процессуальных гарантий, объявив деяние административным либо дисциплинарным.

Конвенция, вне всякого сомнения, позволяет государствам при выполнении ими функций блюстителей общественных интересов сохранять или устанавливая разграничение между уголовным и дисциплинарным правом, а также проводить между ними разграничение, но только с учетом определенных условий. Конвенция предоставляет государствам свободу определять как уголовное преступление какое-либо действие или бездействие, отклоняющееся от нормального осуществления одного из прав, которые она защищает. Это особенно ясно следует из статьи 7. Такой выбор, который является следствием прочтения статей 6 и 7, в принципе не подпадает под контроль Суда.

Противоположный выбор ограничен более строгими правилами. Если бы Договаривающиеся Государства могли по своему усмотрению классифицировать правонарушение как дисциплинарное вместо уголовного или преследовать исполнителя «смешанного» правонарушения на дисциплинарном, а не на уголовном уровне, действие основных положений статей 6 и 7 было бы подчинено их суверенной воле. Такое расширение полномочий могло бы привести к результатам, несовместимым с целями и задачами Конвенции. Поэтому Суд в соответствии со статьей 6 и даже без ссылки на статьи 17 и 18 вправе убедиться в том, что дисциплинарное правонарушение никоим образом не заменяет уголовное¹⁰.

Таким образом, Европейский суд не ограничивается исследованием вопроса о том, относит ли уголовный закон государства данное деяние к уголовному или нет.

Если по внутреннему законодательству деяние, за совершение которого предъявлено обвинение, квалифицируется как уголовное, то Суд исходит из положения о том, что статья 6 применима.

Если внутреннее законодательство не считает деяние уголовным, а квалифицирует его, например, как дисциплинарное, то Суд проверяет общую практику государств – участников Конвенции, сравнивает законодательство конкретного государства с положениями законодательства других стран и, возможно, делает вывод о том, что общая практика считает такие деяния уголовными и, следовательно, при рассмотрении такой категории дел должны гарантироваться права, предусмотренные статьей 6 Конвенции.

¹⁰ См. решение по делу *Engel and others v. Netherlands* от 8 июня 1976 г.

Решающим обстоятельством здесь будут выступать вытекающие из применявшихся при разбирательстве правовых норм обязанности (относятся ли они ко всем категориям граждан, а не к отдельным профессиональным категориям) и характер наказания. Так, лишение свободы или значительный денежный штраф могут повлечь за собой вывод, что процесс на самом деле является уголовным, а вот профессиональные дисциплинарные санкции (даже такие суровые, как запрет заниматься профессиональной деятельностью) будут рассматриваться как свидетельство того, что дело целиком относится к сфере гражданского судопроизводства. В деле *Bendenoun v. France*¹¹ факт наложения значительного денежного штрафа за уклонение от уплаты налогов оказался достаточным, чтобы Суд счел, что речь идет о предъявлении уголовного обвинения. Это не означает, что Конвенция исключает возможность предъявления уголовных обвинений по правонарушениям, находящимся в ведении административных органов, например, связанным с нарушением правил дорожного движения. Но любое решение по таким правонарушениям должно быть открыто для обжалования в судебных органах с соблюдением всех требований статьи 6.

В том случае когда в качестве наказания предусмотрено лишение свободы, Суд, как правило, приходит к выводу, что обвинение может быть отнесено к категории уголовного.

К такому выводу Суд пришел при рассмотрении дела *Engel and others v. Netherlands* (решение от 8 июня 1976 г.), в котором к военнослужащим в качестве наказания за совершение дисциплинарного проступка, вызывшегося в нарушении устава, было применено наказание в виде тюремного заключения на несколько месяцев.

...Необходимо, прежде всего, узнать, принадлежат соответствующие статьи во внутреннем праве государства-ответчика к уголовному или дисциплинарному праву или к тому и другому одновременно. Это, однако, не более чем отправная точка. Полученные таким образом данные имеют формальную и относительную ценность. Сам характер правонарушения является гораздо более важным фактором. Когда военнослужащий обвиняется в каком-либо действии или бездействии, противоречащем правовой норме, регулирующей деятельность вооруженных сил, государство в принципе может применить против него дисциплинарное, а не уголовное право. Однако контроль Суда на этом не заканчивается. Это право окажется иллюзорным, если не учитывается также степень суровости наказания, которому обвиняемый рискует подвергнуться. В обществе, где действует принцип верховенства права, наказания в виде лишения свободы отнесены к уголовной сфере.

¹¹ См. решение по делу *Bendenoun v. France* от 24 февраля 1994 г.

Вместе с тем в ряде дел Суд не счел, что рассматриваемое дело может быть отнесено к уголовному. Например, дело о воинской дисциплине, где максимальным наказанием являлось пять суток строгого ареста за нарушение воинского долга; дисциплинарное разбирательство дела преподавателя, в результате которого он должен был уплатить штраф за участие в забастовке; дело фармацевта, которому пришлось уплатить штраф за нарушение правил установления цен на лекарственные препараты. Наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух недель дает основание ставить вопрос о том, что имело место уголовное обвинение.

Чтобы обвинение удовлетворяло требованиям статьи 6, достаточно, чтобы оно было предъявлено в форме простого официального извещения со стороны властей о том, что данное лицо обвиняется в правонарушении. При таком понимании уголовное обвинение может быть предъявлено уже в полицейском участке, где лицо было задержано за правонарушение, что особенно важно с точки зрения гарантий соблюдения презумпции невиновности, или с момента официального начала расследования, или же в момент, когда от лица требуют дать показания и предъявить доказательства либо отдают распоряжение о замораживании его банковского счета, как в деле *Funke v. France*¹².

В случаях уголовного судопроизводства статья 6 применима на всех стадиях вплоть до вынесения обвинительного либо оправдательного приговора или прекращения дела. Применительно к судопроизводству по гражданским делам защита статьи 6 распространяется лишь на ситуации, связанные с разрешением споров. Это значит, что должен иметь место спор, т. е. существовать потенциально обоснованное притязание при отсутствии гарантии того, что лицо, заявившее это притязание, выиграет дело. Это должен быть действительно спор, предметом которого могут быть вопросы факта, вопросы права и даже вопросы объема заявляемых прав.

1.2. Доступ к правосудию

Время доказало, что право на доступ к правосудию представляет собой один из основных элементов защиты, гарантируемых в рамках статьи 6, однако никакая норма Конвенции этого права в явном виде не предусматривает. Оно было «открыто» как элемент системы гарантий при разбирательстве дела *Golder v. the United Kingdom*¹³. Заявитель, отбывающий наказание в тюрьме, жаловался на то, что ему требовалось письменное разрешение от министра внутренних дел, чтобы

¹² См. решение по делу *Funke v. France* от 25 февраля 1993 г.

¹³ См. решение *Golder v. the United Kingdom* от 21 февраля 1975 г.

проконсультироваться с адвокатом о возможности возбудить иск против тюремного надзирателя. Заявитель хотел возбудить иск о диффамации, поскольку для него это было единственной возможностью опровергнуть выдвинутое против него надзирателем обвинение в участии в беспорядках в тюрьме. И хотя никаких законных препятствий к возбуждению дела не существовало, отказ заявителю во встрече со своим адвокатом не позволил Голдеру заявить иск. Тем не менее власти государства-ответчика не усмотрели в данном случае никаких проблем, связанных с нарушением Конвенции, поскольку формулировки положений статьи 6 в явном виде относились лишь к ходу уже возбужденного судопроизводства. Соответственно они утверждали, что обязанности в рамках Конвенции возникают лишь с момента фактического начала производства по делу. Это может показаться логичным, однако Суд пришел к выводу, что гарантия доступа к правосудию включена в Конвенцию в силу самого права, поскольку подразумевается ее текстом (особенно во французской версии) и провозглашена в ее преамбуле приверженностью к принципам правового государства.

Тем самым было закреплено право на доступ к правосудию, а последующая судебная практика позволила уточнить сферу применения этого права. Наиболее очевидное ограничение права на доступ к судопроизводству – то, которое стало предметом самого дела *Golder v. the United Kingdom*¹⁴, т. е. ситуация, когда какому-то лицу или категории лиц запрещено возбуждать дела либо для этого требуется специальное разрешение, неважно чье: министра ли, чиновника или даже самого суда.

Нарушение могут составлять и обстоятельства, когда у лица нет возможности обжаловать в судах какое-то решение, затрагивающее его интересы. Такая ситуация рассматривалась, например, при разбирательстве дела *Keegan v. Ireland*¹⁵, где отец незаконнорожденного ребенка жаловался на то, что не имел права обжаловать перед компетентным органом власти либо в суде решение об усыновлении этого ребенка и фактически вообще был лишен какой бы то ни было процессуальной правоспособности в судопроизводстве по делу об усыновлении.

Необоснованным вмешательством в осуществление права на доступ к правосудию будет сочтено также требование исчерпать до обращения в суды внутриведомственную систему подачи жалоб даже тогда, когда предметом жалобы является предполагаемое нарушение индивидуальных прав, как было в деле *Campbell and Fell v. the United Kingdom*¹⁶. Нарушение статьи 6 будет, по всей вероятности, признано

¹⁴ См. решение по делу *Golder v. the United Kingdom* от 21 февраля 1975 г.

¹⁵ См. решение по делу *Keegan v. Ireland* от 26 мая 1994 г.

¹⁶ См. решение по делу *Campbell and Fell v. the United Kingdom* от 28 июня 1984 г.

и в том случае, когда право на возбуждение дела передается какому-либо иному лицу, а не тому, чьи права пострадали. Это произошло в случае с двумя делами из Греции (*Philis v. Greece*¹⁷ и *Holy Monasteries v. Greece*¹⁸), где право требовать в судебном порядке оплату инженерных услуг и право возбуждать иски, касающиеся имущества монастырей, были переданы соответственно профессиональной ассоциации и греческой церкви и осуществлялись или не осуществлялись по их усмотрению.

Это, однако, не препятствует учреждению систем коллективных исков в ситуациях, когда в результате, например, национализации какого-то предприятия поступает множество исков от его акционеров, как было в деле *Lithgow v. the United Kingdom*¹⁹.

Не возникает проблем с доступом к правосудию и в тех случаях, когда права определенных лиц (детей, психически больных, банкротов) на возбуждение дел в судах ограничиваются с законной целью – такой, как защита их самих от эксплуатации или защита других лиц от преследований и причинения беспокойства. Даже соображения безопасности могут оправдывать определенные ограничения на доступ заключенного к адвокату. Однако в любом случае ограничения не должны быть несоразмерными и, следовательно, не должны абсолютно лишать лицо права на возбуждение дела в суде. Отсюда возникает необходимость в четких критериях, регулирующих подобного рода ограничения. Такой же подход уместен и при определении допустимости временного ограничения права на возбуждение дела. Так, соображения безопасности могут, как в деле *Klass v. Federal Republic of Germany*²⁰, воспрепятствовать возбуждению дела в суде о прослушивании телефонных разговоров в период, когда это прослушивание ведется, но эти соображения никаким иным образом не ограничивают содержание жалобы, которая может быть подана впоследствии.

В случаях когда решения, затрагивающие права, принимаются органами публичной власти, проблема гарантии доступа к судопроизводству обычно возникает либо вследствие невозможности представить дело на рассмотрение независимого судебного органа, либо вследствие того, что подобный орган оказывается некомпетентным в разрешении некоторых возникающих спорных вопросов. В одних случаях такой орган должен быть компетентен разрешать и вопрос права, и вопрос факта, в других бывает достаточно компетенции разрешать какой-то один из них. Во многих делах оказывалось, что действовавшая в госу-

¹⁷ См. решение по делу *Philis v. Greece* от 27 августа 1991 г.

¹⁸ См. решение по делу *Holy Monasteries v. Greece* от 9 декабря 1994 г.

¹⁹ См. решение по делу *Lithgow v. the United Kingdom* от 8 июля 1986 г.

²⁰ См. решение по делу *Klass v. Federal Republic of Germany* от 6 сентября 1978 г.

дарстве судебно-правовая система не удовлетворяет данным критериям, однако нарушения статьи 6 по этим делам не признавалось, так как заявитель либо имел возможность, несмотря на данный институциональный дефект, поставить перед таким органом представляющие для него интерес вопросы, либо не воспользовался имеющимися в его распоряжении процессуальными возможностями (как в деле *British-American Tobacco Ltd v. Netherlands*²¹).

В таких случаях дело должно подвергаться самому тщательному судебному исследованию: первоначально может сложиться впечатление, что нарушения не было, однако на самом деле в стране, откуда исходит жалоба, может не оказаться соответствующих юридических процедур для возбуждения подобного дела. Именно такой дефект составил предмет рассмотрения по делу *Vasilescu v. Romania*²²: юрисдикцией в отношении исков о возврате имущества – а возбуждение подобных исков составляет несомненное гражданское право – обладали лишь органы, подчиненные исполнительной власти, и соответственно в стране не было суда, наделенного компетенцией рассматривать данное дело.

Запрет на возбуждение дела не следует смешивать с выдвиганием предварительных условий, которые призваны предотвращать нарушения правопорядка в ходе процесса или защищать законные интересы других лиц. Так, в общем случае не вызывает возражений установление крайних сроков, позже которых нельзя возбуждать дела, или требование завершить определенную процессуальную стадию (например, дачу письменных показаний). Не было, например, установлено нарушения в деле *Stubbings and others v. the United Kingdom*²³, где оспаривался действовавший временной предел на возможность возбуждения дела о совершении или изнасиловании малолетнего – шесть лет после даты совершеннолетия жертвы-заявителя. Была принята во внимание как достаточная длительность срока – он был бо• льшим, чем это требовалось по некоторым международным договорам, так и тот факт, что предел был установлен для того, чтобы предотвратить возможность возбуждения дел, относящихся к событиям более чем двадцатилетней давности. Решение Европейского суда могло бы быть иным, если бы период, в течение которого допускалось возбуждение дела, был бы чрезмерно коротким (и, таким образом, фактически давал бы очень мало возможностей для возбуждения дела) или если бы в других европейских странах отсчет времени начинался с момента, когда ста-

²¹ См. решение по делу *British-American Tobacco Ltd v. Netherlands* от 20 ноября 1995 г.

²² См. решение по делу *Vasilescu v. Romania* от 23 октября 1996 г.

²³ См. решение по делу *Stubbings and others v. the United Kingdom* от 22 октября 1996 г.

новились известны существенные факты (учитывая сложность дел такого рода).

Более того, даже короткий промежуток времени мог бы быть сочтен приемлемым, если бы, как в деле *Hennings v. Germany*²⁴, существовала возможность вновь начать разбирательство дела, если судами было установлено отсутствие вины.

Не вызывает возражений и требование, чтобы лицо, обжалующее неблагоприятное постановление суда, внесло определенный залог в обеспечение издержек, которые могут быть понесены противной стороной (выигравшей дело), при условии, что оценка этих издержек разумна, что суд первой инстанции в свое время в полном объеме рассмотрел вопросы, относящиеся к делу, и что шансы на успех апелляции невелики. Важно также, чтобы у заявителя были достаточные возможности достать необходимые деньги. Однако решение может быть иным, если взимаемые суммы судебных издержек оказываются настолько велики, что не позволяют реализовать право на судебную защиту.

Маловероятно, что Суд сочтет в принципе неприемлемым требование об оплате судебных издержек, однако при оценке приемлемости величины этих издержек он скорее всего будет исходить не из заявленной суммы иска, а из финансового положения заявителя. Самое меньшее, что может потребовать Суд, это наличия у судебных органов полномочий не применять нормы об уплате судебных издержек, если такое требование оказывается для конкретного лица непреодолимым препятствием к возбуждению дела.

Весьма либеральный подход со стороны Суда к установлению процессуальных условий возможен и в тех случаях, когда условия эти вступают в силу на сравнительно поздних стадиях судопроизводства. Так, при разбирательстве в Суде дела *Levages Prestation Services v. France*²⁵ не выдвигалось никаких возражений против объявления жалобы в кассационный суд неприемлемой по тому основанию, что заявитель не представил решения апелляционного суда, на которое ссылался в обжалуемом судебном постановлении.

Следует также учитывать, что существует вполне правомерное различие между тем, как то или иное право определяется в национальном законодательстве, и ограничением, составляющим отказ в доступе к правосудию. Трудно ожидать, что человек, лишенный возможности отстаивать то, что считает своим правом, с пониманием отнесется к подобному разграничению, однако в подобных случаях жалоба на нарушение положений Конвенции возможна лишь тогда, когда фор-

²⁴ См. решение по делу *Hennings v. Germany* от 16 декабря 1992 г.

²⁵ См. решение по делу *Levages Prestation Services v. France* от 23 октября 1996 г.

мулировки закона фактически означают отказ в защите какого-либо из фундаментальных прав, гарантируемых Конвенцией.

Однако данное разграничение куда менее ясно в случаях, когда некто пользуется защитой или иммунитетом от судебного преследования в отношении некоторых вопросов. Такие иммунитеты будут признаны приемлемыми лишь в том случае, если служат законной цели и не являются несоразмерными по своим результатам. Так, в деле *Fayed v. the United Kingdom*²⁶ был признан допустимым иммунитет для лиц, расследовавших состояние дел компании, поскольку он позволял не допускать публикации какого бы то ни было отчета без предварительных слушаний в суде и поскольку в ходе расследования соблюдались процессуальные гарантии.

В отдельных случаях иммунитет от судебного преследования может быть признан допустимым, если предусматриваются какие-то альтернативные меры защиты интересов (например, какой-то порядок административной компенсации) и при этом какой-то реальный общественный интерес действительно требует, чтобы некая группа чиновников не могла привлекаться к суду. Однако если в результате действий лиц, защищаемых иммунитетом, правам другого лица был нанесен очевидный и безусловный вред, а подобный порядок внесудебной защиты отсутствует, оправдать перед Судом полный иммунитет от преследования будет довольно трудно. Именно к такому выводу пришел Суд в деле *Osman v. the United Kingdom*²⁷, где полиция пользовалась полной защитой от любой гражданской ответственности за халатность при исполнении своих функций. Это лишило заявителей возможности заявить иск в ситуации, где из-за предполагаемой халатности полиции один человек был убит, а другой ранен школьным учителем, одержимым навязчивым интересом к ученику. Европейский суд вовсе не утверждал, что никакой иммунитет или защита от преследования недопустимы, однако счел неоправданной ситуацию, когда убедительная претензия даже не изучается и не сопоставляется с противоположными требованиями, вытекающими из общественных интересов. Собственно говоря, Суд и не счел, что со стороны полиции была проявлена халатность, поскольку не установил нарушения обязанности защищать жизнь, вытекающей из статьи 2 Конвенции.

Аннулирование существующего права, без сомнения, поднимет спорные вопросы права собственности, как это произошло в деле *Presses Compania v. Belgium*²⁸, однако весьма вероятно, что такое аннулирование повлечет и выводы, касающиеся права на доступ к пра-

²⁶ См. решение по делу *Fayed v. the United Kingdom* от 21 сентября 1994 г.

²⁷ См. решение по делу *Osman v. the United Kingdom* от 28 октября 1998 г.

²⁸ См. решение по делу *Presses Compania v. Belgium* от 20 ноября 1995 г.

восудию. Существование надлежащих гарантий означает, что в большинстве случаев необходимость обращаться к этому вопросу не возникает. Однако возможны ситуации (если государство не ратифицировало Протокол № 1 или действует оговорка), когда придется привлекать положения статьи 6.

Обязательство не прибегать к судам – например, соглашение об использовании третейского суда – вряд ли вызовет возражения Европейского суда, если оно действительно явилось результатом свободного выбора и существуют гарантии против злоупотреблений. Последнему требованию, без сомнения, удовлетворит возможность судебного контроля над решениями третейского суда, гарантирующая соблюдение процессуальных стандартов и непревышение третейским судом границ его юрисдикции.

Все эти ограничения могут порождать препятствия формального характера для доступа к правосудию, однако Суд не в меньшей степени озабочен и любыми фактическими ограничениями права на доступ к правосудию. Такие ограничения могут порождаться и организацией юридического процесса, и невозможностью лица оплатить помощь юриста, без которой он не сможет пробиться через лабиринт юридических проблем.

Хотя там, где нет этой последней проблемы, преодолеть первую бывает несложно, – она может составлять отдельный мотив для оспаривания. Это явствует из двух дел, в которых фигурировала Франция: дело *De Geoffre de la Pradelle*²⁹ и дело *Bellet*³⁰. В первом деле землевладелец (который сам был к тому же юристом) не мог оспорить декрет, ограничивающий строительство на принадлежащей ему земле, из-за чрезвычайной сложности законодательства по данному вопросу. Законы были столь запутанны, что возникала неопределенность относительно правовой природы и характера декрета и порядка исчисления временных границ судебного контроля. Специфические обстоятельства дела, несомненно, позволяли с разумными основаниями ожидать, что те, чьи интересы затрагиваются данным декретом, будут извещены о ситуации лично, и соответственно одной лишь публикации декрета в официальной газете было в данном случае недостаточно.

В деле *Bellet v. France*³¹ юрист не фигурировал ни в качестве заявителя, ни в качестве адвоката, однако запрет истцу на возбуждение гражданского иска после его согласия на денежную компенсацию за заражение ВИЧ в ходе переливания крови был сочтен необоснованным. Результат парламентских слушаний по этому вопросу давал ос-

²⁹ См. решение по делу *De Geoffre de la Pradelle v. France* от 16 декабря 1992 г.

³⁰ См. решение по делу *Bellet v. France* от 4 декабря 1995 г.

³¹ См. там же.

нование предположить, что данное право никак не умаляется, однако система не содержала достаточных гарантий против подобных недоумений. Тому факту, что истец не обращался за юридической консультацией, Суд значения не придавал. Возможно, в данном случае это объясняется характером дела, однако это и очевидный знак того, что Суд не склонен легко соглашаться с ситуацией, когда лишение каких-то прав проистекает из дополнительных положений к юридическому акту, напечатанных мелким шрифтом.

Во многих случаях проблемы, порожденные сложностями законодательства и сопутствующими процессуальными препятствиями, преодолеваются путем обращения к адвокату, и потому право на доступ к судопроизводству предполагает и обязанность обеспечивать услуги адвоката тем лицам, которые не в состоянии оплатить юридическую помощь. В пункте «с» части 3 статьи 6 это явным образом признается в отношении судопроизводства по уголовным делам, однако потенциальная обязанность предоставлять подобную помощь была признана и в решении Суда по делу *Airey v. Ireland*³², где речь шла о судопроизводстве по делу о раздельном проживании супругов, каковое было для женщины единственной имеющейся у нее возможностью прекратить ее брак (закон о разводе в то время в Ирландии не существовало). Заявительница не могла позволить себе воспользоваться услугами адвоката, а такие услуги были признаны необходимыми ввиду сложности разбирательства и необходимости заслушивать показания экспертов, а также высокого эмоционального напряжения сторон.

Сказанное не означает, что на государстве лежит обязанность обеспечивать сторонам в гражданском процессе услуги юриста во всех случаях, когда те сами не в состоянии их оплатить, но это является обязательным требованием тогда, когда сама система судопроизводства требует юридического представительства интересов, когда она настолько сложна, что предполагает подобное требование, или когда лицо, являющееся стороной в процессе, не способно самостоятельно представлять собственные интересы. Можно также прийти к выводу, что само дело не настолько важно, чтобы по нему стоило предоставлять юридическую помощь (это маловероятно в делах, где затрагиваются гражданское состояние или семейные отношения), или что в предоставлении такой помощи нет необходимости, поскольку существуют более простые альтернативы. Это последнее основание отражает тот факт, что оплата государством юридической помощи не единственный способ решения данной проблемы. Она может решаться, например, благодаря упрощению процедуры. Соединенное Королевство и

³² См. решение по делу *Airey v. Ireland* от 9 октября 1979 г.

некоторые другие государства учредили специальную процедуру судопроизводства по мелким искам и издали по этой процедуре специальные руководства, которыми большинство людей способны пользоваться самостоятельно, так что во многих случаях необходимость в юридическом представительстве интересов отпадает. Оплачивать услуги юриста приходится лишь тогда, когда без этого предъявить иск действительно невозможно. Длительность судопроизводства может, как будет видно ниже, послужить основанием для отдельной жалобы, но она не может в общем случае рассматриваться как отказ в доступе к правосудию. Суд ясно дал это понять в постановлении по делу *Matos e Silva v. Portugal*³³. Однако полный застой в производстве по делу может рассматриваться и как нарушение данной обязанности обеспечения доступа к правосудию.

Дело *Airey v. Ireland* было связано в основном с юридическим представительством в ходе судопроизводства, но помощь адвоката может иметь решающее значение и на гораздо более ранних стадиях, и это обстоятельство, безусловно, учитывается при оценке исполнения конкретной обязанности, зафиксированной в пункте «с» части 3 статьи 6 в отношении уголовных дел. Примером может служить дело *Quaranta v. Switzerland*³⁴. Здесь интересы правосудия очевидным образом требовали, чтобы обвиняемый мог воспользоваться услугами адвоката. Это вытекало из серьезности правонарушения и суровости грозящего наказания (дело шло о наркоторговле, и возможное наказание по приговору могло составить три года тюремного заключения), из сложности дела (речь шла не столько о фактах, сколько о возможности приведения в исполнение вынесенного ранее условного приговора) и личности обвиняемого (он был молод, являлся иностранцем и происходил из малоимущей и малообразованной семьи). Без помощи адвоката обвиняемому было невозможно адекватным образом защищать себя. Однако необходимость в такой помощи не ограничивалась судебными слушаниями: она была признана необходимой уже на стадии рассмотрения дела следственным судьей. Признание этого отражало несомненную реальность: в ходе предварительного производства может произойти много такого, что будет иметь решающее значение для исхода дела. Во время судебных слушаний адвокат может оказаться уже не в состоянии исправить ущерб, причиненный делу на более ранних стадиях судопроизводства обвиняемым, не имевшим юридического представительства.

Эта точка зрения была в явном виде заявлена Судом в решении по делу *Imbrioscia v. Switzerland*³⁵, где необходимость участия адвоката

³³ См. решение по делу *Matos e Silva v. Portugal* от 16 сентября 1996 г.

³⁴ См. решение по делу *Quaranta v. Switzerland* от 25 мая 1991 г.

³⁵ См. решение по делу *Imbrioscia v. Switzerland* от 24 ноября 1993 г.

можно проследить начиная с первых допросов обвиняемого в полиции. В данном случае необходимого представительства на этой стадии не обеспечил собственный адвокат обвиняемого, поэтому на Швейцарию за это ответственность не возлагалась. Однако очевидно, что ответственность возникла бы, если бы в подобном упущении оказался виновен адвокат, назначенный государством.

Подобная ответственность возникает всегда, когда интересы правосудия требуют юридического представительства обвиняемого, а обвиняемый оплатить такое представительство не способен. В деле *Murray (John) v. the United Kingdom*³⁶, где обвиняемый был задержан в соответствии с законом о борьбе с терроризмом, отсутствие доступа к адвокату в течение более чем 48 часов после задержания было, безусловно, достаточным основанием, чтобы признать нарушение пункта «с» части 3 статьи 6. Чем серьезнее обвинение, тем более вероятно, что помощь адвоката будет сочтена абсолютно необходимой для обвиняемого. Любой адвокат, назначенный государством, должен быть достаточно компетентным для выполнения именно данной работы; требование может оказаться весьма важным в ситуации, когда служебные адвокаты получают назначения в порядке простой очередности. Однако суды обязаны вмешиваться и в случаях, когда представительство осуществляет адвокат, выбранный самим клиентом, если этот адвокат проявляет очевидную некомпетентность. Суды не могут стоять в стороне только потому, что в данном случае имеет место частный контракт. Эта обязанность вмешаться проистекает из общей ответственности судов за обеспечение справедливого судебного разбирательства.

1.3. Право на обжалование судебного постановления

Европейский суд, как представляется, не считает обязанностью государства учреждение апелляционных судов и специальных процедур слушания дел по апелляциям (см. дело *Delcourt v. Belgium*³⁷ и дело *Levages Prestations Services v. France*³⁸), и это не удивительно: учитывая формулировку дополнительной нормы на этот счет в статье 2 Протокола № 7, здесь вряд ли можно говорить о существовании какой-то общей обязанности, за исключением уголовных дел.

Статья 2 Протокола № 7 гласит следующее:

1. Каждый осужденный за совершение уголовного преступления имеет право на то, чтобы вынесенный в отношении него приговор или

³⁶ См. решение по делу *Murray (John) v. the United Kingdom* от 8 февраля 1996 г.

³⁷ См. решение по делу *Delcourt v. Belgium* от 17 января 1970 г.

³⁸ См. решение по делу *Levages Prestations Services v. France* от 23 октября 1996 г.

определенное ему наказание было пересмотрено вышестоящей судебной инстанцией. Осуществление этого права, включая основания, на которых оно может быть осуществлено, регулируется законом.

2. Из этого права могут делаться исключения в отношении незначительных правонарушений, признанных таковыми законом, или когда соответствующее лицо было судимо уже в первой инстанции Верховным судом или признано виновным и осуждено в результате судебного пересмотра его оправдания.

Однако важность вопросов, поднимаемых в связи с некоторыми делами – особенно с делами, затрагивающими семейные отношения, – может быть такова, что заставит Суд прийти к заключению об обязательности проведения не только слушаний в первой инстанции, но и слушаний по апелляции. Но практически невероятно, чтобы Суд настаивал на этом в отношении большинства дел, посвященных определению гражданских прав и обязанностей. Конечно, можно доказывать, что там, где существует право на обжалование, недоступность юридического представительства или уже упоминавшиеся нереалистичные требования к размерам залога на покрытие судебных издержек могут вести к отказу в доступе к правосудию.

1.4. Независимость и беспристрастность суда

Во многих случаях может быть обоснованно поставлена под сомнение беспристрастность судьи. Так, источником проблем может стать связь судьи с одной из сторон в деле или какая-то причастность к вопросу, составляющему предмет спора. Первая проблема может возникнуть в ситуации, когда в вынесении судебных решений участвуют лица, не принадлежащие к судейскому корпусу, – их общественные связи скорее всего будут гораздо обширнее, чем у судей. Так, в деле *Holm v. Sweden*³⁹, связанном с разбирательством по обвинению в клевете, участие судебных заседателей, имеющих с ответчиком общую партийную принадлежность, было по вполне понятным причинам признано недопустимым.

Аналогичная проблема неизбежно возникает в случае, когда брат судебного заседателя состоит в правлении банка, дело о банкротстве которого является предметом разбирательства в заседании суда, или когда он имел отношение к судебному разбирательству против одной из сторон в деле.

Проблемы могут возникнуть и в том случае, если судья ранее имел отношение к судопроизводству по данному делу в каком-то ином качестве, например участвовал в расследовании, вызвавшем то самое

³⁸ См. решение по делу *Holm v. Sweden* от 25 ноября 1993 г.

дисциплинарное производство, решение по которому принималось в заседании, – так было в ситуации, рассматривавшейся в деле *Debled v. Belgium*⁴⁰.

Связь судьи со спорным вопросом, разрешаемым в деле, может, разумеется, носить и профессиональный характер. Так было в случае, когда члены Conseil d'Etat (Государственного совета) страны сначала участвовали в разработке закона, а затем разбирали дело по жалобе, в которой оспаривалась юридическая сила данного закона, – этот случай был предметом разбирательства в деле *Procola v. Luxembourg*⁴¹.

Аналогичная причастность судьи к делу на более ранних его стадиях вызывает меньше проблем, если спор идет лишь о применении нормы, а не о ее оспаривании.

Обычно Суд интересуется не то, действительно ли кто-то из судей или заседателей имел предубеждение против одной из сторон, а то, были ли у этой стороны какие-то объективные основания подозревать их в подобной предубежденности. Иными словами, проблема состоит в том, существуют ли законные поводы, позволяющие усомниться в беспристрастности судьи. Мнение самого заявителя на этот счет отнюдь не имеет решающего значения.

Следует отметить, что и манера поведения судьи в ходе процесса может свидетельствовать о недостаточной справедливости его подхода к сторонам в деле. Проявление враждебности в том, как судья представляет дело, являться свидетельством того, что заинтересованная сторона была лишена надлежащего разбирательства ее дела. В деле *Kraska v. Switzerland*⁴² Европейский суд был очень близок к тому, чтобы установить нарушение: его не признали лишь по той причине, что враждебное отношение проявил только один из пяти судей и разбирательство, как представлялось, было проведено с должной тщательностью.

Важно также, чтобы судья был независим, а это может быть подвергнуто сомнению в том случае, если он подчинен кому-то из представителей исполнительной власти, как было в деле *Vasilescu v. Romania*⁴³, где принять решение по жалобе заявителя был компетентен лишь государственный прокурор, а он по должности подчинен в первую очередь генеральному прокурору, а лишь затем – министру юстиции. Ни государственный прокурор, ни генеральный прокурор не могут рассматриваться как должностные лица, независимые от исполнительной власти, хотя в данной ситуации они могли исполнять судебские функции.

⁴⁰ См. решение по делу *Debled v. Belgium* от 22 сентября 1994 г.

⁴¹ См. решение по делу *Procola v. Luxembourg* от 28 сентября 1995 г.

⁴² См. решение по делу *Kraska v. Switzerland* от 19 апреля 1993 г.

⁴³ См. решение по делу *Vasilescu v. Romania* от 23 октября 1996 г.

На независимость судьи может, разумеется, влиять и то, как именно обеспечиваются условия для его работы. Однако могут существовать и менее очевидные поводы для того, чтобы усомниться в такой независимости. Так, в деле *Van De Hurk v. Netherlands*⁴⁴ основанием для вынесения решения об утрате судьей независимости послужило имевшееся у министра право не считать себя связанным последствиями постановления арбитражного органа об определении квот на производство молока, если он сочтет, что это противоречит общественным интересам. И не имело значения, что правом этим он никогда не воспользовался: достаточно было того, что арбитражный суд реально не имел возможности разрешить дело.

Точно так же в деле *Bryan v. the United Kingdom*⁴⁵ для Суда было достаточно, что министр мог в любой момент отозвать имевшееся у инспектора по планированию полномочие принимать решение по жалобе, чтобы прийти к выводу, что статус инспектора не соответствует формальным критериям независимости, пусть даже использование министром соответствующего права не составляло в данном деле спорного вопроса.

1.5. Равенство сторон

Особое значение придается равенству процессуальных возможностей сторон, согласно которому стороны в судебном разбирательстве должны иметь равную возможность представить свое дело и ни одна из сторон не должна иметь существенных преимуществ по сравнению с другой стороной. В самом тексте Конвенции понятие «равенство сторон» отсутствует, но данный принцип Европейский суд рассматривает в качестве основополагающего принципа справедливого правосудия. Если жалоба касается нарушения конкретных прав, гарантированных частью 3 статьи 6 и при этом также есть ссылка на нарушение части 1 статьи 6, Суд, признавая нарушение конкретного права в части 3 статьи 6, не считает необходимым дополнительно рассматривать нарушение части 1 статьи 6, где говорится об общих требованиях справедливости правосудия.

При рассмотрении дел о нарушении принципа равенства сторон могут возникнуть проблемы самого разного рода. Так, хотя обязанность предоставлять переводчика в явном виде формулируется лишь применительно к уголовному судопроизводству, в некоторых случаях неспособность одной из сторон по гражданскому спору оплатить услуги переводчика в заседаниях или для перевода необходимых доку-

⁴⁴ См. решение по делу *Van De Hurk v. Netherlands* от 19 апреля 1994 г.

⁴⁵ См. решение по делу *Bryan v. the United Kingdom* от 8 декабря 1995 г.

ментов может рассматриваться как постановка одной из сторон в невыгодные условия и фактический отказ одной из сторон спора в доступе к правосудию.

Процесс не будет признан справедливым, если одна из сторон не имеет возможности защищать свою позицию по делу или представить относящиеся к нему документы. В деле *Pardo v. Italy*⁴⁶ это не было доказано установленными по делу фактами, но могло быть следствием установления нереалистичного крайнего срока или отказа в отложении заседания для вызова в суд свидетеля. Те же последствия имело решение, вынесенное *ex proprio motu* судебным органом по вопросу об иске о выплате компенсации за содержание в предварительном заключении, за которым последовал оправдательный приговор. В результате судебного решения по иску было принято без заслушивания доводов заявителя. Аналогичные трудности встретились в деле *De Haes and Gijssels v. Belgium*⁴⁷, где журналисты обвинялись в клевете в отношении нескольких судей на том основании, что содержащиеся в их статье критические высказывания в адрес этих судей не основывались на фактах. Журналисты безуспешно добивались, чтобы разбиравший их дело суд затребовал документы, относящиеся к судебному разбирательству, являвшиеся предметом их статьи. Отказ, как представляется, исходил из убеждения, что журналисты пытаются спасти безнадежное дело, в то время как в действительности они пытались защитить свои источники информации. Однако это в любом случае не имело значения: некоторые из затребованных ими материалов могли способствовать доказательству истинности выдвинутых ими обвинений, и таким образом они были поставлены в невыгодное положение по отношению к истцам.

Проблема неравенства процессуальных возможностей может возникнуть и в том случае, когда действующие в судебном органе правила рассмотрения доказательств не позволяют заслушать главного свидетеля одной из сторон и это создает преимущества для противной стороны.

Так, в деле *Dombo Beheer v. The Netherlands*⁴⁸ компания возбудила дело против банка по обвинению в неисполнении обязательств. Объем этих обязательств был в свое время согласован в ходе переговоров между директором-распорядителем компании и директором банка. И хотя последнему было разрешено дать показания в судебном заседании, первому в этом было отказано на том основании, что он владел акциями компании, а в этом суде действовало правило, что стороны

⁴⁶ См. решение по делу *Pardo v. Italy* от 10 июля 1996 г.

⁴⁷ См. решение по делу *De Haes and Gijssels v. Belgium* от 24 февраля 1997 г.

⁴⁸ См. решение по делу *Dombo Beheer v. Netherlands* от 27 октября 1993 г.

по делу не могут давать показания в качестве свидетелей. Это было очевидно несправедливо, ведь директор банка был заслушан в качестве свидетеля, и трудно представить себе, чтобы он был заинтересован в исходе дела меньше, чем акционер компании. Предметом спора было не само действовавшее в этом суде правило оценки доказательств как таковое, а применение его к конкретному случаю. Следствием такого применения было очевидное неравенство процессуальных возможностей сторон спора.

Однако следовало еще доказать, что оспариваемое правило являлось причиной нарушения принципа равенства сторон. Так, в деле *Ankerl v. Switzerland*⁴⁹ Суд не пришел к выводу, что отказ жены одного из участников спора дать показания под присягой поставил этого участника в существенно менее выгодное положение по сравнению с противником.

А вот отказ одной из сторон в возможности представить возражения на утверждения другой стороны будет рассматриваться Судом как абсолютно неприемлемый. В этом случае Суд может признать нарушение, даже если такой отказ случился при рассмотрении не предмета спора как такового, а какого-то другого предмета, тесно связанного с предметом спора. Так, в деле *Ruiz-Mateos v. Spain*⁵⁰ во внутригосударственном суде был заявлен иск о реституции экспроприированной собственности, при этом в Конституционный суд был направлен запрос о конституционности соответствующего закона. Конституционный суд получил множество разъяснений от заинтересованных органов, однако стороне, требовавшей реституции, не была предоставлена возможность ответить на их доводы, и соответственно эта сторона была решающим образом ограничена в своих возможностях воздействовать на результат судебного разбирательства, фактически предопределявшего разрешение спора по ее иску.

Крайний случай отказа в равенстве процессуальных возможностей демонстрирует дело *Stran Greek Refineries*⁵¹, где правительство прибегло к влиянию законодательного органа, чтобы помешать нормальному ходу судебного процесса, по которому выступало ответчиком.

Подход суда к доказательствам может быть оспорен и по тому основанию, что он создавал различия в положении сторон в процессе, не оправданные объективными обстоятельствами. Так, в деле *Schuler-Zraggen v. Switzerland*⁵² заявительница проиграла процесс, в котором оспаривала лишение ее пенсии по инвалидности после рождения сына.

⁴⁹ См. решение по делу *Ankerl v. Switzerland* от 23 октября 1996 г.

⁵⁰ См. решение по делу *Ruiz-Mateos v. Spain* от 12 сентября 1993 г.

⁵¹ См. решение по делу *Stran Greek Refineries v. Greece* от 9 декабря 1994 г.

⁵² См. решение по делу *Schuler-Zraggen v. Switzerland* от 24 июня 1994 г.

Принимая решение, внутрисударственный суд исходил из предположения, что даже если бы здоровье заявительницы было в полном порядке, она все равно после рождения сына не выполняла бы никаких иных функций, кроме функций матери и домашней хозяйки. Такой подход к оценке доказательств был признан нарушением статьи 14, взятой совместно со статьей 6, поскольку не предпринималось никаких попыток проверить справедливость предположения, что женщины обязательно оставляют работу после рождения ребенка. Здесь решающую роль сыграла именно возможность применить обе статьи совместно: если бы в аналогичной жалобе оспаривался закон или административное решение, жалоба не имела бы успеха в Европейском суде.

В случаях когда суды заслушивают показания экспертов, важно, чтобы у сторон была возможность делать замечания по поводу этих показаний. В деле *Mantovanelli v. France*⁵³ отсутствие подобной возможности означало, что сторона в процессе не могла оспорить доказательство, на котором основывался эксперт и о котором эта сторона ранее не знала. Аналогичным бывало мнение Суда в случае отказа в праве возражать на доводы конкретного лица, в частности на доводы генерального прокурора в ходе слушания дела в кассационном суде. Можно утверждать, что это должностное лицо участвовало в заседании в особом качестве: его функцией было обеспечить согласованность и непротиворечивость судебной практики. Но этой же цели можно было достичь и другими средствами, и в любом случае она не может служить основанием для того, чтобы в деле о дисциплинарном проступке лишать заявителя возможности возражать против утверждения, сделанного с целью консультирования суда и воздействия на его решение. В деле *Van Orshoven v. Belgium*⁵⁴ генеральный прокурор, несмотря на свои особые функции, рассматривался фактически как противная сторона по отношению к заявителю.

Особый вопрос представляет собой возможность очной ставки со свидетелем на определенных этапах процесса – не в последнюю очередь из-за сложностей, возникающих вследствие определенных преступных действий. Не раскрывать личность свидетеля широкой публике несложно, но иногда этого мало для защиты от вреда, который могут нанести свидетелю соучастники обвиняемого. В общем случае обвинение не должно основываться на показаниях кого-то, кто не выступает в качестве свидетеля (дело *Unterpertinger v. Austria*⁵⁵), или на показаниях свидетеля, остающегося анонимным (дело *Kostovski v. etherlands*⁵⁶),

⁵³ См. решение по делу *Mantovanelli v. France* от 18 марта 1997 г.

⁵⁴ См. решение по делу *Van Orshoven v. Belgium* от 25 июня 1997 г.

⁵⁵ См. решение по делу *Unterpertinger v. Austria* от 24 ноября 1996 г.

⁵⁶ См. решение по делу *Kostovski v. The Netherlands* от 20 ноября 1989 г.

поскольку это лишает обвиняемого возможности поставить под сомнение достоверность и надежность его показаний.

Однако требование это не носит абсолютного характера, и принятие внутригосударственными судами таких показаний может и не вызвать возражений Суда при том условии, что такие показания не являются единственным или главным основанием обвинительного приговора, а мотивы для отступления от данной нормы достаточно убедительны. Так, в деле *Ferrantelli and Santangelo v. Italy*⁵⁷ свидетель не мог быть вызван в суд, поскольку покончил с собой, однако в ходе процесса ранее данные покойным показания были изучены самым тщательным образом, и, кроме того, они подтверждались иными доказательствами.

Точно так же в деле *Doorson v. The Netherlands*⁵⁸ Суд согласился с использованием на процессе по делу о торговле наркотиками показаний анонимных свидетелей обвинения. Право на анонимность было предоставлено, поскольку существовала реальная угроза запугивания или насилия в отношении свидетелей, к тому же адвокату обвиняемого была в данном случае предоставлена возможность в присутствии судьи допросить свидетелей, хотя допрос проводился в отсутствие самого обвиняемого и личности этих свидетелей, известные судье, адвокату не раскрывались. В данном случае снисходительности Европейского суда к нарушению нормы, без сомнения, способствовало то, что в деле имелись и другие доказательства в поддержку обвинения.

Однако в более позднем деле *Van Mechelen v. The Netherlands*⁵⁹ Суд не согласился распространить такое допущение анонимности на сотрудников полиции. Предметом дела было обвинение, выдвинутое против четырех лиц, находившихся длительное время под наблюдением полиции после серии грабежей и арестованных после очередного случая ограбления. Решающие показания были даны осуществлявшими наблюдение полицейскими агентами. Защита на процессе могла задавать им вопросы, однако свидетели находились в другой комнате, а вопросы и ответы передавались по аудиосвязи. Личность свидетелей была неизвестна защите, однако известна судье.

Прибегли к этой процедуре из-за того, что полиция была заинтересована в сохранении анонимности агентов, ведущих наблюдение, и из-за угроз, с которыми ранее сталкивались сами агенты и их семьи. Европейский суд решительно отказался допускать, чтобы сотрудники полиции выступали на процессе в качестве анонимных свидетелей, если речь не идет о совершенно исключительных обстоятельствах. Не последнюю роль в этом сыграли обязанность сотрудников полиции подчиняться

⁵⁷ См. решение по делу *Ferrantelli and Santangelo v. Italy* от 7 августа 1996 г.

⁵⁸ См. решение по делу *Doorson v. The Netherlands* от 26 марта 1996 г.

⁵⁹ См. решение по делу *Van Mechelen v. The Netherlands* от 23 апреля 1997 г.

распоряжениям исполнительной власти и их связь с органами обвинения, не говоря уже об их возможной конкретной обязанности давать показания в открытом заседании суда. В данном случае обстоятельства дачи показаний были таковы, что защита не только не знала личности свидетелей, но и была лишена возможности наблюдать за их непосредственной реакцией на вопросы и таким образом судить о правдивости ответов.

Возможно, подобная процедура (или, что более вероятно, процедура, сравнимая с процедурой по делу *Doorson v. The Netherlands*⁶⁰, где свидетели непосредственно допрашивались адвокатом) могла бы быть признана допустимой, если бы имелись какие-то бесспорные свидетельства угрозы. Но в данном случае существовало лишь подозрение о наличии риска. Более того, не существовало никаких иных доказательств, которые могли бы служить основанием для обвинительного приговора. Вследствие всего этого принятые меры были признаны слишком серьезным ограничением возможностей защиты, подрывавшим справедливость судебного разбирательства. Таким образом, хотя тайные операции могут быть полезным средством получения необходимых доказательств, следует учитывать, что с началом судебного разбирательства скрывать личность агентов почти наверняка окажется невозможным: сколь бы неоспоримыми ни выглядели доказательства и из какого бы источника они ни исходили, защита всегда должна иметь возможность поставить их под сомнение и должным образом проверить.

Разумеется, участие в тайных операциях может заходить и дальше простого наблюдения и последующего отчета о том, кто что сказал или сделал. Возможно, полицейскому, занятому в такой операции, придется для поддержания своей легенды лично принять участие в каком-либо преступном действии. Само по себе это не создает никаких проблем с точки зрения доказательственной силы, хотя пределы иммунитета, предоставляемого подобным полицейским агентам, в разных правовых системах могут различаться. Но тайный агент может выйти за пределы не только наблюдения и отчета, но даже соучастия в преступном деянии и фактически оказаться лицом, по прямому поручению которого преступное действие совершается. В подобном случае полицейские нередко могут дать абсолютно убедительные показания о том, что именно сделал обвиняемый, и этих показаний в принципе может быть вполне достаточно для обоснования обвинительного приговора. Но теперь уже очевидно, что использование подобных доказательств будет рассматриваться Европейским судом по правам человека как несовместимое с правом на справедливое судебное разбирательство.

⁶⁰ См. решение по делу *Doorson v. Netherlands* от 26 марта 1996 г.

Это было установлено в разбирательстве по делу *Texeira de Castro v. Portugal*⁶¹, связанному с полицейской операцией по отслеживанию наркоторговли. Два тайных полицейских агента вышли на одного наркомана, подозревавшегося в мелкой торговле наркотиками, и предложили купить у него гашиш с намерением выявить его поставщика. Когда наркоман не смог установить местонахождение поставщика, полицейские заявили, что заинтересованы также и в приобретении героина, и тот познакомил их с де Кастро как с возможным поставщиком. Этот человек согласился продать им героин в требуемых количествах, приобрел для них партию наркотика. Тогда полицейские назвали и арестовали его. После этого де Кастро был обвинен в торговле наркотиками и приговорен к наказанию. Приговор основывался в основном на показаниях двух полицейских агентов и был успешно оспорен в Европейском суде по основанию нарушения права на справедливое судебное разбирательство. Суд вновь подчеркнул уже упоминавшееся различие между использованием тайных операций для расследования, с одной стороны, и последующим использованием их результатов в судебном процессе – с другой. Суд признает необходимость особых мер для выявления таких преступлений, как наркоторговля, но отказывается ради практических соображений жертвовать справедливостью при отправлении правосудия. Он, в частности, отказался признавать, что общественные интересы оправдывают использование доказательств, полученных в результате подстрекательства к преступлению со стороны полиции.

Суд счел, что в данном деле ситуация зашла дальше, чем в более раннем деле *Ludi v. Switzerland*⁶², где полицейский детектив ограничился ролью тайного агента. По мнению Суда, полицейские агенты в данном случае непосредственно спровоцировали совершение преступления: не было никаких оснований предполагать, что без их вмешательства данное преступление было бы совершено. Подобное вмешательство и его последующая роль в оспариваемом судебном процессе означали, что де Кастро был лишен справедливого судебного разбирательства с момента начала расследования. Это определение Суда не налагает полного запрета на операции с использованием агентов-провокаторов, в ходе которых преступников подталкивают к совершению новых преступлений.

В данном случае Суд придавал особое значение тому обстоятельству, что действия полиции не были составной частью общей операции по борьбе с наркоторговцами, проводимой под контролем судьи, – послед-

⁶¹ См. решение по делу *Texeira de Castro v. Portugal* от 9 июня 1998 г.

⁶² См. решение по делу *Ludi v. Switzerland* от 15 июня 1992 г.

нее является потенциально важной гарантией, в частности, в случае выдачи ордеров на обыск – и что до этого случая у полиции не было никаких оснований подозревать де Кастро в причастности к наркоторговле: он не был известен полиции, на него не имелось досье, за ним не числилось никаких правонарушений. У него во владении даже не было никаких наркотиков: он должен был купить их у третьего лица, и в момент ареста при нем не было обнаружено никаких других наркотиков, кроме тех, что были заказаны полицейскими. Если бы речь шла об известном полиции наркоторговце, ситуация могла бы быть совсем иной: в этом случае заказ со стороны полицейских агентов не обязательно был бы единственным фактором, побудившим обвиняемого к совершению преступления. Тем не менее решение Суда ясно указывает на ту границу, которую нельзя переходить при выполнении тайных операций, и недвусмысленно напоминает о том, что обвинительный приговор нельзя обосновывать доказательствами преступного поведения, полученными в результате преступления, фактически инициированного самой же полицией.

В подобной ситуации, даже если бы обвинительный приговор основывался не на показаниях самих полицейских, а на каких-то других доказательствах, например, на фотографии де Кастро, покупающего наркотики для полицейских, такой приговор, вероятно, все равно воспринимался бы как вынесенный по доказательствам, полученным незаконным путем, и создавалось бы впечатление, что обвиняемый был лишен справедливого судебного разбирательства.

1.6. Право на защиту

Лишенный помощи юриста подозреваемый может растеряться, начать сбиваться в показаниях и таким образом заранее ослабить любые доводы, которые позже будут выдвинуты в его защиту. Он может даже оказаться в ситуации вынужденного свидетельствования против себя. В Конвенции нет нормы, прямо провозглашающей право не свидетельствовать против самого себя, но такое право было выведено из более общего права на справедливое судебное разбирательство. А это не только подкрепляет требование об участии адвоката уже на самых ранних стадиях расследования, но и означает, что любые формы давления с целью заставить подозреваемого или обвиняемого дать неблагоприятные для себя показания будут признаны неприемлемыми. Так, в деле *Funke v. France*⁶³ у лица, подозревавшегося в совершении операций с иностранной валютой без необходимого для таких операций разрешения, потребовали представить различные докумен-

⁶³ См. решение по делу *Funke v. France* от 25 февраля 1993 г.

ты, касающиеся его счетов в иностранных банках. За отказ представить требуемые документы на него были наложены штраф и дополнительная пеня за каждый день задержки с представлением документов. По мнению Суда, последнее наказание преследовало цель вынудить подозреваемого представить требуемые доказательства своей вины, несмотря на его право хранить молчание и не свидетельствовать против себя. Это дало основание для вывода о нарушении его права на справедливое судебное разбирательство.

В то же время дело *Saunders v. the United Kingdom*⁶⁴ наглядно демонстрирует, что защита права не свидетельствовать против самого себя заходит гораздо дальше, чем просто запрет использовать денежные наказания, чтобы принудить лицо, подозреваемое в совершении уголовного преступления, отвечать на вопросы следствия. Данное дело касалось преследования директора компании, осуществившего захват чужой компании путем искусственного повышения биржевого курса акций своей собственной компании, благодаря которому обмен акциями выглядел более привлекательным, чем это было на самом деле.

Обстоятельства породили множество противоречий еще до начала судебного преследования. По поручению Министерства торговли было проведено административное расследование произошедшего. Расследование подкреплялось обязанностью допрашиваемых лиц отвечать на все задаваемые в ходе подобного расследования вопросы под страхом уголовного наказания в виде штрафа или лишения свободы сроком на два года. Поскольку расследование не носило уголовного характера, оспаривать установление уголовной ответственности за отказ отвечать на вопросы в данных обстоятельствах было невозможно. Однако собранные таким образом показания были впоследствии использованы в уголовном производстве против того же директора компании по обвинению в мошенничестве.

Европейский суд по правам человека постановил, что даже если ответы Саундерса носили оправдывающий характер и (в случае, если были правдивыми) подкрепляли его защиту, они все равно имели характер свидетельствования против самого себя, поскольку изобличали его в обладании определенной информацией, а факт наличия у него такой информации сам по себе свидетельствовал против него. Более того, при том, как понимается принцип справедливости судебного разбирательства в статье 6, сфера, защищаемая правом не свидетельствовать против себя, никак не может быть сведена к заявлениям о признании себя виновным или к прямо изобличающим заявлениям, поскольку показания, полученные под давлением, могут использоваться и для

⁶⁴ См. решение по делу *Saunders v. the United Kingdom* от 17 декабря 1996 г.

того, чтобы бросить тень на обвиняемого или каким-то иным образом вызвать недоверие к нему и его показаниям. Таким образом, решающее значение имело то, каким образом использовались в уголовном процессе показания, данные ранее в ходе административного расследования под принуждением.

К этому можно добавить высказанное судьей на процессе мнение, что каждое из заявлений Саундерса в ходе расследования можно рассматривать как признание вины, что ответы Саундерса в ходе административного расследования составляли существенную часть обвинительного материала, а также что обвинение в значительной степени ссылалось на показания Саундерса в ходе расследования как на доказательство, что тот действовал сознательно, и соответственно пыталось таким образом поставить под сомнение его честность, и что эти же показания адвокаты других обвиняемых по тому же делу использовали, чтобы поставить под сомнение его версию событий.

С учетом всех этих обстоятельств можно утверждать: независимо от того, являлись ли заявления Саундерса в ходе расследования прямым свидетельством против самого себя, в ходе последовавшего разбирательства по уголовному делу эти заявления использовались для того, чтобы доказать его вину. По мнению Европейского суда, ни сложность дел, связанных с мошенничеством в корпоративном бизнесе, ни заинтересованность общества в расследовании подобных мошенничеств и наказании виновных не могут оправдать столь откровенное нарушение основного принципа справедливого судопроизводства. От того что заявления были сделаны Саундерсом еще до предъявления ему обвинения, их последующее использование в ходе уголовного судопроизводства не перестает быть нарушением права не свидетельствовать против себя. Таким образом, по данному делу было установлено нарушение права не свидетельствовать против себя и соответственно нарушение части 1 статьи 6.

Однако защиту права не свидетельствовать против себя Суд до определенной степени уравнивал согласием, по крайней мере при определенных обстоятельствах, допустить право национальных судов делать умозаключения из неспособности подозреваемого как при допросах во время следствия, так и в ходе самого процесса объяснить какие-то обстоятельства. Это можно видеть на примере дела *Murray (John) v. the United Kingdom*⁶⁵. Заявитель по этому делу был арестован в Северной Ирландии в доме, где был обнаружен насильно удерживаемый полицейский осведомитель. Во время допросов в ходе следствия и на суде заявителя предупреждали, что отказ отвечать на вопросы или да-

⁶⁵ См. решение по делу *Murray (John) v. the United Kingdom* от 8 февраля 1996 г.

вать показания может быть истолкован как подтверждение имеющихся доказательств его вины. И действительно, вынося ему обвинительный приговор, внутригосударственный суд основывался на выводах, сделанных из его отказа давать показания и, в частности, отказа объяснить свое пребывание в данном доме, чего требовал здравый смысл. Хотя Европейский суд вновь подчеркнул важность права не свидетельствовать против себя и осудил отказ задержанному в доступе к адвокату на ранних стадиях расследования, он не счел недопустимым подход внутригосударственного суда, сделавшего вывод из неспособности или отказа подозреваемого давать объяснения в ситуации, когда против подозреваемого имелись улики.

Это, однако, не означает, что простой отказ от сотрудничества со следственными органами на стадии расследования может служить уликой против подозреваемого: в описываемом случае решающим был тот факт, что имелось нечто, очевидным образом требовавшее объяснения, а без такого объяснения объективно выступавшее в качестве улики. Важно также, чтобы суд имел определенную компетенцию делать выводы в ситуации, когда все предупреждения о возможных последствиях молчания не достигли цели – эти выводы не должны следовать автоматически, кроме того, осуществление такой компетенции суда должно опираться на достаточные основания. Очень важно, что в данном случае не наказывалось молчание как таковое – как было в деле *Funke*⁶⁶ – и что молчание само по себе не рассматривалось как доказательство вины. Европейский суд ставил задачу не только соблюдения права не свидетельствовать против себя, но и соблюдение презумпции невиновности, в явном виде гарантированной частью 2 статьи 6.

Бремя доказывания в общем случае должно лежать на обвинении, и Суд был готов допустить перекладывание этого бремени на защиту лишь в том случае, когда без каких-то объяснений, подтверждающих невиновность, факты очевидным образом свидетельствуют против обвиняемого. Дело *Murray (John)* представляет собой яркий пример подобной ситуации.

Другой пример – дело *Pham Hoang v. France*⁶⁷, где заявитель был задержан во время встречи с тремя другими лицами, имевшими при себе почти три тысячи граммов неочищенного сырка для производства героина и восемьдесят пять граммов почти чистого героина, а также пару пленок со следами героина на них. После этого заявитель подвергся судебному преследованию за ввоз во Францию запрещен-

⁶⁶ См. решение по делу *Funke v. France* от 25 февраля 1993 г.

⁶⁷ См. решение по делу *Pham Hoang v. France* от 10 февраля 1995 г.

ных товаров. Закон предусматривает, что ввоз определенных, перечисленных в специальных списках товаров, включая героин, считается незаконным, если не предъявляются соответствующие оправдательные документы. Однако эта презумпция незаконности ввоза не носит абсолютного характера: ее можно опровергнуть, доказав, что действие совершалось в ситуации крайней необходимости или явилось следствием ошибки, которой было невозможно избежать. В данном случае не было ссылок ни на одно из этих оправдывающих обстоятельств.

При этом показания являлись лишь одним из нескольких совпадающих доказательств, в числе которых фигурировало участие подозреваемого в тот же самый день в доставке наркоторговца на автомобиле для закупки соляной кислоты и имевшаяся у подозреваемого договоренность о доставке лиц, при которых находились наркотики, туда, куда эти наркотики должны были быть доставлены. Европейский суд установил, что внутригосударственный суд самым тщательным образом рассмотрел все имевшиеся доказательства, не полагаясь автоматически на какие-то презумпции, так что презумпция невиновности не претерпела никакого ущерба. И хотя в постановлении Суда вновь подчеркивается озабоченность тем, чтобы при вынесении судебных решений роль правовой и фактической презумпции не выходила за допустимые рамки, нет ничего недопустимого в предположении самом по себе, что лицо, имеющее во владении нечто, чем владеть в общем случае запрещено, должно каким-то удовлетворительным образом объяснить этот факт, иначе оно будет признано виновным.

Показания самого обвиняемого, полученные с помощью жестокого обращения в какой бы то ни было форме, не могут использоваться в качестве доказательства виновности. Хотя Суд до сих пор ни разу прямо не рассматривал данный вопрос, это мнение легко усматривается в мотивировочной части решений по делам *Murray (John) v. the United Kingdom*⁶⁸ и *Ferrantelli and Santangelo v. Italy*⁶⁹, хотя в последнем деле и не было необходимости рассматривать данный вопрос: утверждение, что признательные показания были получены с применением мер физического воздействия, Суд не принял, поскольку, в отличие от дела *Tomasi v. France*⁷⁰, у имевшихся у подозреваемого телесных повреждений было вполне убедительное альтернативное объяснение.

Однако еще в 1963 г. Комиссия по правам человека в решении по межгосударственному делу *Austria v. Italy*⁷¹ определила, что если обви-

⁶⁸ См. решение по делу *Murray (John) v. the United Kingdom* от 8 февраля 1996 г.

⁶⁹ См. решение по делу *Ferrantelli and Santangelo v. Italy* от 7 августа 1996 г.

⁷⁰ См. решение по делу *Tomasi v. France* от 27 августа 1992 г.

⁷¹ См. решение по делу *Austria v. Italy* от 23 октября 1963 г.

няемый в ходе предварительного следствия подвергался какой-либо форме жестокого обращения с целью получения от него признания вины, а суд впоследствии принял в качестве доказательства какое бы то ни было показание, полученное с применением подобных мер воздействия, – это неизбежно повлечет признание нарушения презумпции невиновности.

Необходимость исключать доказательства, полученные подобным способом, подчеркивается и явным образом сформулированными требованиями Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания. Статья 15 этой Конвенции в явном виде предписывает, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, *«не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства, за исключением случаев, когда оно используется против лица, обвиняемого в совершении пыток, как доказательство того, что это заявление было сделано»*⁷².

Данная норма носит более ограниченный характер, чем норма прецедентного права Европейской конвенции, поскольку относится лишь к пыткам, не распространяясь на иные формы принуждения и жестокого обращения. Однако использование понятия «заявление» поднимает еще один важный вопрос: ограничивается ли применение нормы об исключении доказательств лишь полученными непосредственно в ходе допросов признательными показаниями и иными показаниями, которые затем могут быть обращены против обвиняемого, или же эта норма относится и к тем доказательствам, которые были получены хотя и благодаря использованию подобных методов, однако уже после допросов, например в случае, когда пытки использовались для того, чтобы узнать местонахождение орудия убийства с отпечатками пальцев обвиняемого, которые и фигурируют в качестве доказательства вины.

До сих пор этот вопрос Судом не рассматривался, но сама логика мотивировки нормы об исключении доказательств основывается на том аргументе, что нарушенное право столь важно, что его нарушение ни в коем случае нельзя санкционировать возможностью получить в результате такого нарушения какие-либо выгоды или преимущества. В США подобный подход определяют как «отказ от плодов с отравленного дерева». Есть все основания полагать, что Европейский суд пойдет по тому же пути: по существу, исключение доказательств оста-

⁷² Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство обращения и наказания (Ведомости ВС СССР. 1987. 11 нояб. № 45. Ст. 747; Сборник международных договоров СССР. Вып. 43. М., 1989. С. 115–125).

ется единственным средством, позволяющим обеспечить правовую защиту жертве насилия и жестокого обращения.

Подобный подход может отбить охоту прибегать и к другим формам принуждения: в постановлении по делу *Funke v. France*⁷³ Суд дал ясно понять, что обвинительный приговор, основанный на подобном нарушении справедливости, не должен быть оставлен в силе.

Однако поскольку Суд обращает внимание не на отдельные правонарушения в ходе процесса, а на справедливый характер разбирательства дела в целом, следует признать, что в определенных ситуациях, с учетом всех других имеющихся доказательств виновности, обвинительный приговор может быть оставлен в силе даже в том случае, если в ходе судопроизводства было нарушено право не свидетельствовать против самого себя или презумпция невиновности.

Это, однако, говорит не о допустимости принятия подобных доказательств, а о том, что сам по себе факт принятия внутригосударственным судом подобного доказательства еще не может заранее предопределять исход дела. Этим скорее подчеркивается опасность плыть слишком круто по ветру: попытка опереться на доказательства, полученные противозаконным путем, может разрушить все дело, если к моменту вынесения приговора окажется, что эти доказательства являются главным основанием для обвинительного приговора.

Но до сих пор единственным делом, по которому Суд не признал нарушения норм Конвенции в отношении справедливости судопроизводства, несмотря на принятие внутригосударственными судами незаконно полученных доказательств, было дело *Schenck v. Switzerland*⁷⁴. И вынося такое решение, Суд подчеркнул, что не признает нарушения статьи 6 только потому, что обвинительный приговор основывался и на других доказательствах помимо незаконно полученного, так что процесс в целом не может быть признан несправедливым, несмотря на использование незаконно полученных записей разговоров. Справедливость разбирательства в целом как критерий возможности использовать незаконно полученные доказательства хороша для Европейского суда: он может оценивать события задним числом, когда процесс уже завершен и можно судить, как именно использование того или иного доказательства повлияло на исход дела.

Внутригосударственные суды, разбирающие дело, лишены подобного удобства. В случае нарушения прав они обязаны предоставлять судебную защиту на самой ранней возможной стадии. В этих судах наиболее разумной реакцией со стороны судьи при предъявлении до-

⁷³ См. решение по делу *Funke v. France* от 25 февраля 1993 г.

⁷⁴ См. решение по делу *Schenck v. Switzerland* от 12 июля 1988 г.

казательств, полученных путем несанкционированного вмешательства в частную жизнь или насилия, будет запрет на использование данного доказательства, пресекающий даже попытку извлечь преимущество из нарушения законности.

1.7. Принцип публичности судебного разбирательства

В уголовном судопроизводстве слушания по делу являются обязательными, однако и в гражданском процессе возможны ситуации, когда необходимо удовлетворить ходатайство одной из сторон о проведении устных слушаний. Это особенно вероятно при обстоятельствах, подобных обстоятельствам по делу *Fredin v. Sweden (№ 2)*⁷⁵, где спор о возобновлении действия разрешения на добычу гравия требовал до принятия решения прояснить некоторые факты, а данный суд был единственным, кто мог разбирать дело по существу.

Однако в случаях, когда разбираются лишь вопросы права, проведение слушаний по делу менее вероятно. В этой ситуации письменное изложение дела будет не менее, а может быть, и более эффективным. Кроме того, Суд не станет настаивать на необходимости проведения слушаний по гражданскому делу, если ни одна из сторон об этом не ходатайствовала и никакие общественные интересы этого не требовали. Собственно, в постановлении по делу *Schuler-Zraggen v. Switzerland*⁷⁶ Суд признал, что в делах, касающихся вопросов социального обеспечения, требование устных слушаний может помешать уложиться в требуемые законом крайние сроки.

Требование публичности судопроизводства тесно связано с требованием проведения слушаний, однако не совпадает с последним. Оно распространяется не только на судебные заседания, но и на вынесение постановлений суда, и на доступ к судебным документам.

При определенных обстоятельствах секретность может оправдываться требованиями неприкосновенности частной жизни или соображениями государственной безопасности. Однако это возможно лишь в исключительных ситуациях, да и тогда почти во всех случаях требуемой цели можно добиться, не прибегая к полному засекречиванию: достаточно бывает лишь частичного ограничения на доступ в зал суда или к документам или на раскрытие личности участников процесса.

Насколько важно для Европейского суда требование должной мотивировки судебных решений, явствует из решения Суда по делу *De Moor v. Belgium*⁷⁷, касавшегося отказа зачислить выпускника юридического

⁷⁵ См. решение по делу *Fredin v. Sweden (№ 2)* от 23 февраля 1994 г.

⁷⁶ См. решение по делу *Schuler-Zraggen v. Switzerland* от 24 июня 1993 г.

⁷⁷ См. решение по делу *De Moor v. Belgium* от 23 июня 1994 г.

факультета адвокатом-стажером. Судя по объяснениям, которыми совет коллегии адвокатов сопроводил это решение, оно не имело под собой никаких законных оснований, поскольку не основывалось ни на каких предписанных условиях, а неспособность, в которой обвинялся заявитель, не могла быть однозначно выведена из обстоятельств его предшествовавшей карьеры в Вооруженных силах. Из того факта, что решение совета коллегии адвокатов не сопровождалось сколько-нибудь убедительной мотивировкой, Суд без колебаний заключил, что заявитель не получил справедливого разбирательства своего дела, – это было единственное разумное объяснение факта отказа.

Нарушение статьи 6 может быть установлено и в том случае, если внутригосударственные суды попросту игнорировали доводы, представленные одной из сторон. Так, в деле *Hiro Bilani v. Spain*⁷⁸ решение Европейского суда касалось представленного одной из сторон в споре о правах на торговую марку письменного объяснения, которое нельзя было рассматривать как относящееся исключительно к отдельному частному вопросу и которое требовало явным образом сформулированного конкретного ответа, – без такого ответа нельзя было определенно утверждать, отклонил ли национальный суд этот документ или просто оставил его без внимания.

Это требование не означает, что суды обязаны представлять развернутые ответы на каждое замечание сторон, но в данном случае сторона в деле не была проинформирована по поводу реакции суда на конкретное представленное ему объяснение. Таким образом, мотивированность решения составляет абсолютно обязательное требование в рамках статьи 6. Хотя требование оглашать постановление публично не обязательно означает, что оно должно объявляться в открытом слушании, любому человеку может быть обеспечена возможность ознакомиться с данным постановлением в секретариате суда.

1.8. Рассмотрение дела в разумный срок

Темпы судопроизводства считаются прежде всего делом самих сторон, но очевидно, что на государстве лежит обязанность следить, чтобы рассмотрение дела продвигалось с разумной скоростью. При оценке соблюдения данного требования во внимание принимаются характер дела, его сложность, количество стадий судопроизводства и активность суда. Невозможно точно определить нормы времени на разбирательство какого-то дела, но не приходится сомневаться, что в тех случаях, когда контекст или последствия судопроизводства особенно важны для сторон, требования к сроку судопроизводства будут выше.

⁷⁸ См. решение по делу *Hiro Bilani v. Spain* от 9 декабря 1994 г.

Так, в спорах по поводу опеки над детьми затягивание с решением может нанести ущерб законным требованиям одного из родителей: время будет работать против него, и в конце концов менять ситуацию будет уже не в его интересах. Точно так же, если есть разумные основания опасаться, что заинтересованное лицо умрет раньше, чем сможет извлечь законную выгоду из удовлетворения своего иска, может быть необходимо рассмотреть соответствующее дело в приоритетном порядке. Это особенно очевидно на примере многочисленных дел из Франции, где лица, страдающие гемофилией, были инфицированы ВИЧ на государственных станциях переливания крови, многие из них с высокой вероятностью должны были умереть от СПИДа. То же самое относится и ко многим случаям телесных повреждений.

Сложность дела неизбежно увеличивает время, требуемое для судопроизводства, но нельзя допускать, чтобы это соображение служило оправданием для периодов бездействия. Очевидная инертность некоторых судов не перестает удивлять, однако если в течение длительных периодов в производстве по делу не происходит ничего, у Европейского суда может возникнуть оправданное сомнение в том, что длительность судопроизводства по данному делу можно считать разумной. Хороший пример того, насколько скрупулезным может быть подход Европейского суда в подобном случае, дает дело *B. v. Austria*⁷⁹. На ранних стадиях расследование натолкнулось на определенные трудности, но самая значительная задержка произошла, когда производство по делу было завершено и судье осталось лишь сформулировать постановление. Это заняло четыре года, и еще примерно три года прошли, прежде чем в отношении этого судьи были приняты дисциплинарные меры. Не приходится удивляться, что общая продолжительность разбирательства почти в пять с половиной лет была признана нарушением Конвенции. Это дело – убедительное свидетельство необходимости следить за ходом рассмотрения дел и принимать необходимые меры для предотвращения неоправданных задержек.

При решении вопроса о том, насколько оправданными или неоправданными были задержки с разбирательством дела, Суд должен будет принять во внимание и количество стадий судопроизводства. Разбирательство, которое потребовало слушаний в двух апелляционных инстанциях и обращения в Конституционный суд, несомненно, может занять больше времени, чем дело, разрешенное уже в суде первой инстанции. Однако внимание должно обращать на соблюдение разумных сроков разбирательства на каждой стадии, и в некоторых случаях длительность разбирательства бывает трудно оправдать даже с уче-

⁷⁹ См. решение по делу *B. v. Austria* от 28 марта 1990 г.

том многочисленности стадий судопроизводства. Так, во многих жалобах, поступающих из Италии, говорится о делах, которые на момент подачи жалобы все еще не были разрешены, хотя судопроизводство по ним длилось уже более десяти лет. В некоторых случаях относимые периоды превышали двадцать лет. Учитывая количество жалоб, подаваемых в Страсбург, такая практика оказывается для государства весьма дорогостоящей.

Разумеется, государство не может нести ответственность за те задержки процесса, которые происходят по вине самого заявителя, – например, если он просит об отсрочке слушаний, но государство не может снять с себя ответственность, если не побуждает противную сторону в деле с должной тщательностью и старанием проходить необходимые стадии судопроизводства. Разумеется, следует обеспечить эффективную организацию судебной системы, и, как показывают решения Суда по многочисленным делам из Италии, ссылка на перегруженность судов обычно не рассматривается как обстоятельство, освобождающее государство от ответственности.

Такая ссылка может сработать лишь в случае, когда трудности происходят из источника, который невозможно было предвидеть, такого например, как катастрофа, стихийное бедствие или резкое ухудшение экономического положения, но и тогда от государства потребуют достаточно быстрого принятия необходимых мер, чтобы исправить ситуацию. Однако в погоне за скоростью судопроизводства нельзя забывать о том, что разумный срок рассмотрения дела – это составляющая часть общего требования справедливого судебного разбирательства.

Так, в деле *Niderost-Huber v. Switzerland*⁸⁰ для того, чтобы ускорить рассмотрение апелляционной жалобы, суд низшей инстанции направил соображения по делу в апелляционный суд, не дав сторонам возможность представить по ним свои замечания. Хотя Европейский суд полностью признает необходимость беречь время, эта необходимость не оправдывает пренебрежения правом на состязательное судопроизводство.

В заключение необходимо отметить, что требование справедливости судопроизводства не ограничивается разрешением дела в суде: оно распространяется и на исполнение судебного решения. Так, будет признано нарушением статьи 6, если кто-то добился решения суда в свою пользу, но не было предпринято никаких действий, чтобы исполнить это решение – потому ли, что ответчиком выступало государство, или потому, что для этой цели не существует никаких механизмов.

В постановлении по делу *Hornsby v. Greece*⁸¹ Суд ясно дал понять,

⁸⁰ См. решение по делу *Niderost-Huber v. Switzerland* от 18 февраля 1997 г.

⁸¹ См. решение по делу *Hornsby v. Greece* от 19 марта 1997 г.

что неисполнение судебного решения составляет такое же нарушение статьи 6, что и формальное воспрепятствование возбуждению дела в суде.

Принцип верховенства права требует, чтобы права были действительно осуществимы и статья 6 всегда применялась таким образом, чтобы обеспечить исполнение этой задачи. Когда речь идет об обеспечении справедливости судебного разбирательства, Суд всегда будет обращать внимание на суть происходящего: нельзя допустить, чтобы формальности использовались как оправдание для несправедливости.

РАЗДЕЛ 2

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В СТАТЬЕ 6 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД

Глава 2

Окончателность и стабильность судебного решения. Исполнение решений национальных судов⁸²

*Светлана Мухамбетова,
юрист общественного фонда
«Правоборец»*

Признание или непризнание справедливым судебным разбирательством дела как такового может, как показывает практика, зависеть от самых различных обстоятельств: характера и состава органа, выносящего решение, процедуры, мотивировки выводов, окончательности выводов, содержащихся в решении. Кроме того, справедливое судебное разбирательство может не привести к реальной защите прав лица из-за проблем, возникших при исполнении решения.

Европейский суд придерживается точки зрения, в соответствии с которой право на справедливое судебное разбирательство соблюдено в том случае, если лицо имеет возможность получить стабильное судебное решение о своих правах и обязанностях и быть уверенным в том, что через какой-то промежуток времени оно не будет отменено. В решении по делу *Brumarescu v. Romania*⁸³ Европейский суд установил, что право на судебное разбирательство, гарантированное частью 1 статьи 6 Конвенции, должно толковаться в свете преамбулы Конвенции, которая гласит, что частью общего наследия договаривающихся сторон является верховенство права, одной из составных частей которого выступает принцип правовой стабильности. В этом деле надзорный порядок пересмотра дела без ограничения срока, в течение которого должностное лицо может принести протест в порядке надзора, был признан нарушающим требования части 1 статьи 6 Конвенции.

⁸² Представленные в данной главе сведения изложены в статье, подготовленной для брошюры «Европейский стандарт права на справедливое судебное разбирательство. Российские стандарты правосудия» в рамках проекта «Преодоление коррупции в судебной системе путем обеспечения прозрачности правосудия» при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса, Екатеринбург, 2002).

⁸³ См. решение по делу *Brumarescu v. Romania* от 28 октября 1999 г.

До недавнего времени, до принятия и вступления в силу Гражданского процессуального кодекса РФ, судебная система России «грешила» аналогичными нарушениями: множество уже исполненных решений могли быть отменены и отменялись по поступившим через несколько лет протестам председателей судов или прокуроров.

Главным аргументом в данном случае являлось отсутствие конечного срока, после которого решение не может быть отменено. В анализируемом решении Европейский суд еще раз подчеркнул, что государство само определяет, каким образом организовывать свою судебную систему, но при этом оно должно гарантировать гражданам стабильность их правового положения. Необходимо отметить, что в новом гражданском процессуальном законодательстве России определен срок, в течение которого может быть подана надзорная жалоба на вступившие в законную силу судебные постановления. В частности, часть 2 статьи 376 ГПК РФ устанавливает, что судебные постановления могут быть обжалованы в суде надзорной инстанции в течение года со дня их вступления в законную силу⁸⁴.

С принципом стабильности судебного решения связано и требование исполнимости судебного решения как неотъемлемый элемент права на справедливое судебное разбирательство.

В деле *Hornsby v. Greece*⁸⁵ два британских подданных, проживающих на острове Родос в Греции, жаловались в Европейский суд по правам человека на неисполнение греческими властями решений внутренних судов. Несмотря на то, что в пользу заявителей неоднократно выносились судебные решения, в соответствии с которыми власти должны были выдать им лицензию на открытие и эксплуатацию школы английского языка, административные органы, ответственные за образование, открыто и настойчиво отказывали им в этом праве и отказывались исполнять судебные решения.

В своей жалобе, направленной против греческого государства в Европейский суд, заявители утверждали, что такие действия администрации противоречат статье 6 Конвенции, которая гарантирует каждому право на справедливое судебное разбирательство.

В ходе процедуры в Европейском суде правительство пыталось оспорить применимость статьи 6 Конвенции к данному делу, ссылаясь на то, что эта статья предусматривает только право на справедливое судебное разбирательство в буквальном смысле и необходимые гарантии в

⁸⁴ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. 138-ФЗ; Опубликован в изданиях «Собрание законодательства РФ» (2002. 18 нояб. № 46. Ст. 4532), «Парламентская газета» (2002. 20 нояб. № 220–221), «Российская газета» (2002. 20 нояб. № 220).

⁸⁵ См. решение по делу *Hornsby v. Greece* от 19 марта 1997 г.

ходе процесса, но никак не право на исполнение уже вынесенных судебных решений.

Не согласившись с мнением правительства, Европейский суд, в частности, отметил, что право на суд, гарантированное статьей 6, стало бы *«иллюзорным, если бы правовая система государства позволяла, чтобы окончательное, обязательное судебное решение оставалось недействующим в ущерб одной из сторон»*. По мнению Суда, трудно представить, что статья 6, подробно описывая предоставляемые сторонам гарантии – справедливое, публичное и быстрое разбирательство, – оставила бы без защиты исполнение судебных решений. Суд счел, что такое положение вещей *«вероятно, привело бы к ситуациям, которые несовместимы с принципом верховенства права»*, необходимого для соблюдения Конвенции, и заключил, что *«исполнение решения, вынесенного любым судом, должно, таким образом, рассматриваться как неотъемлемая часть “судебного разбирательства” в смысле статьи 6 Конвенции»*⁸⁶.

Аналогичная точка зрения о нарушении статьи 6 была высказана Европейским судом в деле «Бурдов против России»⁸⁷.

⁸⁶ См. решение по делу *Hornsby v. Greece* от 19 марта 1997 г.

⁸⁷ Текст решения и комментарии к нему см. в прил. 1.

Глава 3

Презумпция невиновности⁸⁸

*Светлана Мухамбетова,
юрист общественного фонда «Правоборец»*

Часть 2 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает:

Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена в соответствии с законом.

Практика Европейского суда показывает, что часть 2 статьи 6 Конвенции требует, чтобы в уголовных делах суды «не исходили из убеждения или предположения, что инкриминируемое деяние совершено обвиняемым, бремя доказывания возлагается на обвинение, а сомнения толкуются в пользу обвиняемого. Из этого также следует, что обвинение должно уведомить обвиняемого о возбуждаемом против него деле, с тем, чтобы он мог соответствующим образом подготовить и представить свою защиту; оно также должно представить доказательства, достаточные для его осуждения»⁸⁹.

Однако, с точки зрения Европейского суда, допускаются отдельные презумпции в отношении фактов или права, которые при определенных обстоятельствах возлагают обязательства по доказыванию на обвиняемого, при условии, что это не будет превышать разумных пределов.

Так, Комиссия сочла не нарушающим статью 6 Конвенции положение законодательства Великобритании, в соответствии с которым лицо, сожительствующее с проституткой, при определенных обстоятельствах может быть презюмировано в связи с тем, что средства к существованию он извлекает из проституции. Когда в деле о клевете защита должна доказывать достоверность высказываний обвиняемого, это также не наносит ущерб презумпции невиновности.

Европейский суд по правам человека связывает презумпцию невиновности с получением доказательств лишь способами, разрешенными законом. Является ли способ получения доказательств законным, устанавливается на основании внутреннего законодательства.

⁸⁸ Представленные в данной главе сведения изложены в статье, подготовленной для брошюры «Европейский стандарт права на справедливое судебное разбирательство. Российские стандарты правосудия» в рамках проекта «Преодоление коррупции в судебной системе путем обеспечения прозрачности правосудия» при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса, Екатеринбург, 2002).

⁸⁹ См. решение по делу *Barbera, Messegue and Jabardo v. Spain* от 6 декабря 1988 г.

Так, в деле *Schenk v. Switzerland*⁹⁰ Суд пришел к выводу, что включение в доказательственную базу незаконно полученной магнитофонной записи не противоречит части 2 статьи 6, так как по швейцарскому праву запись считается приемлемым доказательством независимо от способа ее получения.

Однако термин «в соответствии с законом» в части 2 статьи 6, как и многие другие положения Конвенции, не подразумевает безусловной отсылки к внутреннему праву государства, следовательно, возможны некоторые ограничения для тех доказательств, которые являются допустимыми с точки зрения внутреннего права.

Так, по одному из дел Суд пришел к выводу о нарушении части 2 статьи 6, поскольку обвинение основывалось на доказательствах, полученных с помощью истязаний.

Комиссия и Европейский суд считают, что при прекращении уголовного дела ввиду истечения срока давности или смерти обвиняемого презумпция невиновности препятствует возложению судебных расходов на обвиняемого или его правопреемников, даже если вынесение обвинительного приговора было весьма вероятным.

Так, в деле *Minelli v. Switzerland*⁹¹ после прекращения дела за истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности часть судебных издержек была возложена на подсудимого, в том числе и возмещение определенных расходов потерпевших, поскольку вынесение обвинительного приговора было достаточно вероятным. Европейский суд установил, что в данном случае нарушается часть 2 статьи 6 и что такое решение может быть приравнено к наказанию.

Нарушением презумпции невиновности являются выступления должностных лиц полиции, других ведомств в средствах массовой информации, в которых еще до суда они утверждают, что определенное лицо является преступником.

Однако Европейский суд признает за должностными лицами право информировать общественность о ходе следствия, указывая при этом, что какое-либо лицо *подозревается* в совершении преступления. Если при этом должностное лицо делает ссылку на то, что вопрос о причастности данного лица к преступлению должен быть решен судом, то нарушения статьи 6 не будет.

Данный вопрос исследовался Судом при рассмотрении дела *Alletet de Ribemont v. France*⁹². 24 декабря 1976 г. был убит господин Жан де Брольи, депутат парламента и бывший министр. Это произошло ря-

⁹⁰ См. решение по делу *Schenk v. Switzerland* от 12 июля 1988 г.

⁹¹ См. решение по делу *Minelli v. Switzerland* от 25 марта 1983 г.

⁹² См. решение по делу *Alletet de Ribemont v. France* от 10 февраля 1995 г.

дом с домом, где жил заявитель. Кроме того, в этом же доме проживал финансовый советник, последний совместно с заявителем собирался стать собственником ресторана, открытие которого стало возможным благодаря займу, предоставленному ему жертвой убийства. В момент убийства господин де Рибемон направлялся к финансовому советнику.

29 декабря 1976 г. министр внутренних дел Франции совместно с директором отдела расследований и директором уголовной полиции провел пресс-конференцию, на которой упомянул имя господина де Рибемона, назвав его соучастником преступления. Впоследствии дело в отношении господина де Рибемона было прекращено. Он безуспешно выдвигал требования о возмещении ему материального и морального вреда.

При рассмотрении данного дела в Европейском суде по правам человека правительство Франции ссылалось на то, что заявление имело информационный характер, не наносило ущерба презумпции невиновности, поскольку не связывало суд, и все утверждения могли быть опровергнуты в ходе дальнейшего расследования. При этом правительство ссылалось именно на факты данного дела, поскольку обвинение было предъявлено только спустя две недели после пресс-конференции, а дело впоследствии было прекращено.

Однако Суд не согласился с подобной трактовкой. Он отметил, что в данном случае достаточно высокопоставленные чиновники называли господина де Рибемона виновным без каких-либо оговорок. Фактически это являлось заявлением о виновности, которое, с одной стороны, побуждало общественность поверить в нее, а с другой – предвзяло оценку фактов дела компетентным судом. Следовательно, имело место нарушение части 2 статьи 6.

Достаточно интересным является вопрос о нарушении презумпции невиновности средствами массовой информации. Комиссия исходит из того, что некоторые неблагоприятные публикации против обвиняемого, появляющиеся до судебного разбирательства, наносят ущерб презумпции невиновности. В таких ситуациях, по мнению Комиссии, необходимо выяснять, повлияли ли кампании в средствах массовой информации на судей до такой степени, что они забыли о соблюдении презумпции невиновности.

Глава 4

Требования части 3 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁹³

*Светлана Мухамбетова,
юрист общественного фонда «Правоборец»*

Часть 3 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает:

Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, согласно статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, как минимум следующие права:

а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

в) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

г) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

е) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Требование пункта «а» части 3 статьи 6 Конвенции перекликается с требованиями части 2 статьи 5, устанавливающей необходимость сообщать каждому арестованному (с точки зрения российского законодательства – задержанному) на понятном ему языке причины ареста и любое предъявленное ему обвинение. Необходимо отметить, что пункт «а» части 3 статьи 6 тесно связан с частью 2 статьи 5 Конвенции, гласящей, что каждому арестованному сообщаются незамедлительно на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение. Комиссия разъяснила, что пункт «а» части 3 статьи 6 требует, чтобы обвиняемый получил более точные и подробные сведения об обвинении, чем это требуется частью 2 статьи 5 Конвенции.

⁹³ Статья подготовлена для брошюры «Европейский стандарт права на справедливое судебное разбирательство. Российские стандарты правосудия» в рамках проекта «Преодоление коррупции в судебной системе путем обеспечения прозрачности правосудия» при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса, Екатеринбург, 2002).

Цель введения в часть 3 статьи 6 пункта «а» заключается в том, чтобы гарантировать лицу право на справедливое судебное разбирательство и дать ему возможность с самого начала предварительного следствия осуществлять должным образом свою защиту.

В связи с этим возникает вопрос: с какого момента у лица появляется право быть уведомленным о предъявляемом обвинении или причинах ареста.

По мнению Суда, такое право возникает в тот момент, когда суд или сторона обвинения в процессе расследования принимают решение прибегнуть к процедурным мерам против лица, подозреваемого в совершении преступления (допросу, задержанию, аресту).

В отношении требования незамедлительно сообщать информацию судебная практика является весьма скудной. Если по смыслу части 2 статьи 5 требование о незамедлительности означает несколько часов, то в свете пункта «а» части 3 статьи 6 несколько дней не являются нарушением.

При этом требование незамедлительности в свете пункта «а» части 3 статьи 6 должно увязываться с требованиями заблаговременного предоставления информации, чтобы лицо могло подготовить свою защиту.

Что представляет собой право быть *подробно* уведомленным? Изначально Комиссия и Суд не предъявляли жестких требований к подробности уведомления. В нескольких рассмотренных делах Суд, например, счел достаточным в свете пункта «а» части 3 статьи 6 разъяснения, данные государственным служащим, обвиняемым в нарушении закона, запрещающего государственным служащим принимать подарки, в том, что они обвиняются в коррупции.

Однако впоследствии Суд ужесточил требование подробности и вывел принцип, в соответствии с которым информация должна быть подробной настолько, чтобы лицо могло осуществлять свою защиту. Информация должна быть более детальной и более конкретной. Обвиняемые имеют право знать не только о фактах, но и о правовой квалификации деяния, в совершении которого их обвиняют. Так, суд в одном из своих решений указал, что обвиняемому важно знать, в каком убийстве он обвиняется: при отягчающих обстоятельствах или без таковых.

Объем необходимых подробностей зависит от обстоятельств. Сообщенных деталей должно быть достаточно, чтобы обвиняемый мог подготовить свою защиту; необходимо назвать и доказательства, послужившие причиной предъявления обвинения.

К форме, в которой должна быть сообщена информация, также не предъявляется особых требований. Устное сообщение информации не будет рассматриваться в качестве нарушения пункта «а» части 3 ста-

тьи 6, и нет обязательного требования, чтобы эта информация фиксировалась в официальном документе. Это необходимо лишь на стадии рассмотрения дела в суде. На первоначальных этапах обвиняемый может узнать о своем обвинении и из допросов его следователем.

В практике Суда возникали вопросы, связанные с обязанностью государства сообщать информацию на понятном языке. Данное требование может быть выполнено путем сообщения информации через переводчика, путем перевода судебной документации на язык, которым владеет обвиняемый, или через защитника, владеющего языком обвиняемого. Суд констатировал, что права, предусмотренные пунктом «а» части 3 статьи 6, являются правами защиты в целом, а не отдельно обвиняемого; если защитник владеет языком, на котором ведется дело, следовательно, он может надлежащим образом осуществить защиту, и дополнительно доводить информацию до обвиняемого не нужно. Несмотря на то, что требование информировать обвиняемого может повлечь необходимость предоставления обвиняемому письменного перевода обвинительного акта или любого иного документа, чтобы обвиняемый не оказался в невыгодном положении, устного перевода может оказаться достаточно, если очевидно, что обвиняемый вполне информирован обо всех обстоятельствах. Единственное требование, которое предъявляет в этом отношении Суд, – обязательный перевод обвинительного заключения. При этом обвиняемый может требовать перевода не на любой язык по его выбору, а на тот язык, которым он владеет.

В одном из дел, рассмотренном Европейским судом по правам человека, заявители жаловались на нарушение их права на основании того, что им было отказано в переводе предъявленного обвинения на их родной язык. Суд не установил нарушения, поскольку заявители владели французским языком вполне достаточно для того, чтобы понять обстоятельства предъявляемого им обвинения.

Между требованием пункта «в» части 3 статьи 6 и требованием незамедлительности сообщения информации, вытекающим из пункта «а» части 3 статьи 6, существует несомненная логическая связь.

Обвиняемого должны известить немедленно, и вместе с тем ему должно быть представлено достаточное время для подготовки своей защиты. Иными словами, должен иметься разумный срок между выдвижением обвинения и рассмотрением дела по существу.

При решении вопроса о том, что же считать достаточным временем, необходимо учитывать сложность дела, а также стадию его разбирательства. В простых случаях срок между предъявлением обвинения и рассмотрением дела по существу может быть очень коротким. Так, Суд не нашел нарушения пункта «в» части 3 статьи 6 в деле о дисциплинарном правонарушении, в котором срок между предъявле-

нием обвинения и его рассмотрением составил 5 дней. При подаче апелляции обвиняемому требуется, по мнению Суда, гораздо меньше времени в связи с тем, что многие обстоятельства дела ему уже знакомы.

В одном из дел Комиссия рассматривала жалобу, касающуюся положений австрийского законодательства, в соответствии с которым апелляционная жалоба должна быть подана в двухнедельный срок с момента вынесения решения суда по уголовному делу. Этот срок продлению не подлежал, а жалоба должна быть очень подробной. Комиссия и Суд вынесли решение о том, что этот срок довольно короток и в определенных случаях может привести к осложнениям, но в данном конкретном деле он был достаточным.

Решение вопроса о том, какие возможности необходимо должны быть предоставлены обвиняемому для подготовки своей защиты, также зависит от конкретных обстоятельств дела.

По мнению Суда, в каждом конкретном случае заявитель должен доказать, что та или иная возможность была необходима ему для подготовки его защиты.

Вместе с тем Суд выделяет некоторые гарантии, которые могут рассматриваться в качестве необходимых. Одной из таких гарантий является, по мнению Суда, право обвиняемого беспрепятственно общаться со своим адвокатом.

При этом обвиняемому должна быть предоставлена возможность общения с адвокатом без участия третьих лиц.

В деле *S. v. Switzerland*⁹⁴ заявитель утверждал, что при всех его встречах с адвокатом присутствовал тюремный служащий. Время от времени он делал какие-то пометки в своем блокноте, а однажды даже прекратил встречу, ссылаясь на то, что адвокат со своим клиентом стали говорить на отвлеченные темы.

В этом деле Суд указал, что право обвиняемого общаться со своим адвокатом является одним из основных требований справедливого судебного разбирательства.

Если у адвоката нет возможности получать от клиента конфиденциальную информацию и давать ему советы, то помощь защитника в значительной мере теряет свой смысл.

Такое право обвиняемого может быть обосновано только в том случае, если есть неоспоримые доказательства того, что адвокат вступил в преступный сговор со своим подзащитным.

В ряде дел, рассмотренных Европейским судом, возникал вопрос о том, является ли доступ к материалам дела той возможностью, которая должна быть обеспечена в свете пункта «b» части 3 статьи 6.

⁹⁴ См. решение по делу *S. v. Switzerland* от 28 ноября 1991 г.

В деле *Jespers v. Belgium*⁹⁵ Комиссия пришла к выводу, что к этим возможностям относится «возможность ознакомиться с результатами расследований, проводимых в течение всего разбирательства», и что не имеет значения, по чьему распоряжению и под чьим руководством эти расследования проводятся.

За обвиняемым признается право располагать любыми относящимися к делу материалами, которые были собраны компетентными органами, чтобы доказать свою невиновность или добиться смягчения наказания.

Суд отметил, что положение, при котором такое право может быть предоставлено только адвокату или обвиняемому, если у него нет адвоката, не противоречит пункту «b» части 3 статьи 6.

В одном из дел заявитель жаловался на нарушение своих прав, так как ему не было разрешено делать выписки из дела. Суд установил, что такая возможность была обеспечена его защитнику и, следовательно, нет оснований говорить о нарушении прав заявителя.

По мнению Суда, если обвиняемый не хочет защищать себя сам, то он должен иметь возможность воспользоваться услугами защитника по своему выбору. Если у него нет на это достаточных средств, то Конвенция признает за ним право иметь назначенного ему судом защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия. Существует также абсолютное право каждого обвиняемого пользоваться услугами защитника по своему выбору, если он располагает достаточными для этого финансовыми средствами. Если таких средств у него нет, от него нельзя требовать, чтобы он защищал себя сам, кроме тех случаев, когда *«интересы правосудия не требуют, чтобы его интересы представлял адвокат»*.

Комиссия считает, что право на выбор адвоката существует лишь в тех случаях, когда обвиняемый имеет достаточные средства для оплаты услуг защитника. Таким образом, пункт «с» части 3 статьи 6 не гарантирует лицу, пользующемуся услугами защитника, право выбирать того, кто будет представлять его интересы в суде или право высказывать свои пожелания по этому поводу. В любом случае право выбора защитника не является абсолютным, так как государство вправе регламентировать доступ адвокатов к суду, а в ряде случаев запрещать это некоторым лицам. Очевидно, что государство может устанавливать условия, которым должны будут отвечать допускаемые в суд адвокаты.

Государство не может нести ответственность за каждый промах адвоката, но в том случае, если профессиональные недостатки очевидны, государство обязано принять меры к его замене.

⁹⁵ См. решение по делу *Jespers v. Belgium*, жалоба № 00008403/78.

В деле *Artico v. Italy*⁹⁶ заявителю была предоставлена бесплатная правовая помощь. Председатель суда назначил защитника, однако защитник не смог установить контакт с обвиняемым. Заявитель и назначенный судом защитник обратились с просьбой о замене, однако суд ответил, что у защитника нет законных оснований для отказа от назначения. Адвокат уведомил заявителя о том, что он сможет работать по делу, и впоследствии продолжал бездействовать. Заявитель направил жалобу, в которой просил заменить защитника, но получил тот же ответ. Установив нарушение пункта «с» части 3 статьи 6 Конвенции, Европейский суд по правам человека заявил:

Конвенция призвана гарантировать не теоретические или иллюзорные, а практические и действенные права, это особенно относится к правам на защиту, учитывая то видное место, какое в демократическом обществе занимает право на справедливое судебное разбирательство, из которого они вытекают. В пункте «с» части 3 статьи 6 говорится о помощи, а не о назначении. Опять-таки само по себе назначение адвоката не обеспечивает оказание эффективной помощи, поскольку адвокат, назначенный для целей «правовой помощи», может умереть или серьезно заболеть, в течение длительного периода времени может быть лишен возможности действовать или уклоняться от своих обязанностей. Будучи уведомленными о такой ситуации, компетентные органы должны его либо заменить, либо заставить выполнять свои обязанности. Применение правительством ограничительного толкования привело бы к необоснованным результатам, не совместимым ни с формулировкой пункта «с» части 3 статьи 6, ни со структурой статьи 6 в целом; нередко бесплатная правовая помощь на деле может оказаться бесполезной.

При этом нужно подчеркнуть еще раз, что на государство не возлагается обязанность следить за качеством оказываемой помощи, не всегда разногласия между обвиняемым и защитником свидетельствуют о неэффективности защитника, но если государство уведомлено о возникших проблемах, оно обязано принять меры. Нарушение данного пункта может быть констатировано в том случае, если некомпетентность адвоката привела к каким-либо последствиям.

Не признается выполнением требований пункта «с» части 3 статьи 6 тот случай, когда адвокат назначается непосредственно перед судебным заседанием, не имея возможности предварительно ознакомиться с делом.

Предоставление бесплатной правовой помощи предусматривается только тогда, когда того требуют интересы правосудия. Формы предос-

⁹⁶ См. решение по делу *Artico v. Italy* от 13 мая 1980 г.

тавления этой помощи могут быть различными. В простом деле о привлечении к дисциплинарной ответственности Суд счел, что государство выполнило свою обязанность, предоставив адвоката для проведения консультации, поскольку речь шла только о процедурных моментах подачи апелляционной жалобы.

При решении вопроса о том, требуют ли интересы правосудия предоставления бесплатной правовой помощи, необходимо учитывать тяжесть совершенного преступления, сложность фактических и правовых элементов уголовного дела.

При этом интересы правосудия должны учитываться на всех стадиях рассмотрения дела. В частности, решение об отказе в предоставлении бесплатного защитника должно быть пересмотрено, если на дальнейших стадиях разбирательства становится очевидным, что интересы правосудия требуют предоставления бесплатной юридической помощи.

Термин «бесплатная правовая помощь» нуждается в уточнении. Судом может быть предусмотрена возможность возложения на лицо обязанности в последующем оплатить предоставленную помощь. Главное, чтобы в момент ее предоставления она была бесплатной. В отношении финансового аспекта необходимо лишь, чтобы размер возмещения не был несоразмерно большим и не назначался без учета возможностей лица, обязанного оплатить понесенные расходы.

Основные принципы, связанные с реализацией права, предусмотренного в пункте «d» части 3 статьи 6 и установленные Судом, следующие:

1) должна быть обеспечена состязательность сторон в ходе исследования всех доказательств по делу;

2) право на допрос не означает, что у государства есть обязанность вызывать всех свидетелей, запрашиваемых защитой; национальный суд имеет право по своему усмотрению ограничить число вызываемых таким образом свидетелей.

В отношении пункта 1, предусматривающего обеспечение состязательности при допросе, чаще всего вопросы возникают, когда в деле фигурируют анонимные свидетели или другие привилегированные или защищенные свидетели, которых не вызывают на судебное заседание для дачи показаний.

Доказательства должны предоставляться в присутствии обвиняемого в процессе публичного разбирательства дела с целью проведения состязательных прений.

Тем не менее Суд допускает возможность допроса свидетелей в ходе подготовки рассмотрения дела, но при условии соблюдения интересов защиты. Об этом было сказано при рассмотрении дела *Delta v. France*⁹⁷.

⁹⁷ См. решение по делу *Delta v. France* от 19 декабря 1990 г.

Заявитель был задержан по подозрению в ограблении. Его опознали две девушки-подростка (потерпевшая и ее подруга). Во время допросов они указали на него как на лицо, совершившее ограбление, очной ставки проведено не было.

Во время суда единственным свидетелем со стороны обвинения был полицейский, допрашивавший девушек.

Суд указал, что допустимость доказательств определяется прежде всего внутренним правом, но должно быть обеспечено справедливое судебное разбирательство в целом. Не обязательно, чтобы свидетельские показания были даны в суде, но интересы защиты должны быть соблюдены.

Поскольку ни заявитель, ни его защитник не имели возможности задавать вопросы свидетелям, то они не имели и возможности убедиться в достоверности их показаний, следовательно, имело место нарушение пункта «d» части 3 статьи 6.

По делу *Kostovski v. Netherlands*⁹⁸ заявитель был осужден на основе заключений по заявлениям двух анонимных свидетелей, причем оба были заслушаны полицией, а один из них еще и магистром, ведущим дело. Ни один из свидетелей не был допрошен в судебном заседании. Европейский суд выразил обеспокоенность по поводу надежности анонимных показаний, сделав следующее заключение:

Если защите неизвестна личность человека, которого она намерена допросить, то она может не получить именно тех деталей, которые бы позволили ей доказать, что этот человек проявляет предвзятость, враждебность или является ненадежным. Показания и другие заявления вполне могут быть умышленно неправдивыми или просто ошибочными, и защите вряд ли удастся доказать это, если она не будет располагать информацией, позволяющей ей проверить надежность автора или подвергнуть сомнению доверие к нему. Опасности, которые таит в себе подобная ситуация, очевидны.

В деле *Ludi v. Switzerland*⁹⁹ возник вопрос об анонимных свидетелях. У полиции имелась информация о том, что господин Луди связан с покупкой и продажей кокаина. Было санкционировано прослушивание телефонных переговоров Луди, а один из полицейских встречался с ним под видом потенциального покупателя. Заявителя арестовали после сообщения полицейского о том, что Луди обещал продать ему кокаин. Задержанный был информирован о прослушивании его переговоров, и во всем сознался. Суд отказал в вызове полицейского в качестве свидетеля, чтобы не раскрывать его личность.

⁹⁸ См. решение по делу *Kostovski v. Netherlands* от 20 ноября 1989 г.

⁹⁹ См. решение по делу *Ludi v. Switzerland* от 15 июня 1992 г.

Европейский суд пришел к выводу, что показания полицейского сыграли определенную роль в осуждении заявителя. Суд указал, что имелась возможность провести очную ставку и заслушать полицейского так, чтобы сохранить анонимность, а следовательно, имело место нарушение пункта «d» части 3 статьи 6.

Позиция Европейского суда по правам человека такова: право на допрос анонимного свидетеля должно быть предоставлено если не обвиняемому, то хотя бы его защитнику для обеспечения принципа состязательности сторон.

В деле *V. v. Belgium*¹⁰⁰ заявитель, тюремный надзиратель, обвинялся в содействии побегу заключенного. Он был оправдан, но впоследствии осужден апелляционным судом. Решение апелляционного суда было отменено по формальным основаниям, и второй апелляционный суд вынес более жесткий по сравнению с первым приговор, основываясь на материалах дела, и в первую очередь на показаниях одного заключенного. Заявитель ходатайствовал о вызове в качестве свидетелей других заключенных, но ему было отказано, и это не нашло отражения в решении суда.

Европейский суд указал, что право решать вопрос, вызывать или не вызывать свидетелей, принадлежит внутреннему суду, однако отказ должен быть мотивированным, в противном случае не соблюдается право на справедливое судебное разбирательство.

При рассмотрении жалоб на нарушение пункта «e» части 3 статьи 6 Конвенции Европейский суд столкнулся со следующими вопросами.

1. Будет ли являться нарушением статьи 6 Конвенции возложение на обвиняемого обязанности в последующем возместить расходы по оплате услуг переводчика?

2. Распространяется ли обязанность государства обеспечивать бесплатную помощь переводчика только на стадию судебного разбирательства дела либо государство обязано обеспечить соблюдение данной гарантии и на стадии предварительного расследования?

3. Есть ли у государства обязанность обеспечить письменный перевод всех документов, имеющихся в деле. Будет ли устный перевод считаться исполнением государством обязанности в свете пункта «e» части 3 статьи 6 Конвенции и насколько подробным должен быть перевод?

4. Распространяется ли указанная гарантия на встречи обвиняемого со своим защитником?

Бесплатная помощь переводчика должна быть предоставлена в том случае, если обвиняемый не понимает языка, на котором ведется судопроизводство, а не во всяком случае, когда язык судопроизводства не

¹⁰⁰ См. решение о неприемлемости жалобы по делу *V. v. Belgium* от 6 марта 1989 г.

является родным языком обвиняемого. Пункт «е» части 3 статьи 6 предусматривает обеспечение перевода на тот язык, который понимает обвиняемый, а не на любой язык по его выбору. Степень понимания или говорения зависит от оценки фактических обстоятельств дела, но в любом случае обвиняемый должен быть поставлен в такие условия чтобы он мог понять ход разбирательства дела и участвовать в нем в той мере, в какой это необходимо, чтобы обеспечить ему реализацию права на справедливое судебное разбирательство.

При рассмотрении дела *Luedicke, Belkacem and Koc v. Germany*¹⁰¹ Европейский суд дал однозначный ответ на первый вопрос о возможности последующего возложения на обвиняемого судебных издержек, связанных с оплатой услуг переводчика.

Все три заявителя были привлечены к уголовной ответственности (один – за драку, второй – за нарушение правил дорожного движения, третий – за причинение тяжких телесных повреждений) с возложением на них всех судебных издержек, включая расходы по оплате перевода.

Суд указал, что пункт «е» части 3 статьи 6 Конвенции достаточно определенно говорит о том, что помощь переводчика должна быть бесплатной. Последующее возложение расходов на обвиняемого может создавать препятствия в реализации последним своего права, так как страх перед возможными финансовыми последствиями может создавать условия, когда обвиняемый не будет стремиться реализовывать данное право. Таким образом, даже последующее возложение на лицо обязанности оплатить услуги переводчика является нарушением пункта «е» части 3 статьи 6 Конвенции.

Вторая группа вопросов касается пределов обеспечения данной гарантии – ограничивается ли обеспечение данной гарантии судебным следствием или распространяется также на стадию предварительного расследования.

С точки зрения Комиссии и Европейского суда по правам человека право обвиняемого на бесплатную помощь переводчика не ограничивается слушанием дела в суде первой инстанции и распространяется также на предварительное следствие и, надо полагать, на апелляционное производство.

Что касается подробности и формы перевода, то, с точки зрения Европейского суда, это положение не требует письменного перевода всей документации или обязательного перевода любого содержащегося в деле документа или доказательства. Помощь со стороны переводчика «должна позволить обвиняемому узнать, в чем его обвиняют, и защищаться, в частности излагая суду свою версию событий». Устный

¹⁰¹ См. решение по делу *Luedicke, Belkacem and Koc v. Germany* от 28 ноября 1978 г.

перевод на судебном разбирательстве не обязательно должен быть синхронным и не обязательно полным. Обобщенный последовательный перевод, не включающий вопросы к свидетелям, был сочтен достаточным. Также не является необходимым письменный перевод судебного решения при условии предоставления достаточных устных разъяснений. Так, по делу *Kamasinski v. Austria* Европейский суд подтвердил, что «обвиняемый, который не говорит на языке, используемом в суде, находится в неблагоприятном положении, если ему не обеспечивается перевод обвинительного заключения на понятный ему язык»¹⁰².

Перед Комиссией вставал вопрос о возмещении расходов на переводчика, понесенных с целью контактов обвиняемого со своим защитником, не владеющим языком, которым владел обвиняемый. Однако здесь Комиссия не нашла нарушения в возложении на обвиняемого этих расходов и указала, что обвиняемый мог бы найти себе другого защитника, т. е. защитника, владеющего языком, и нельзя толковать пункт «е» части 3 статьи 6 настолько широко.

Также хотелось бы отметить, что обязательство, налагаемое на компетентные органы пунктом «е» части 3 статьи 6 Конвенции, не ограничивается простым назначением переводчика, а подразумевает определенный контроль за качеством перевода, если поступает сигнал о необходимости такого контроля. Например, оно может включать в себя замену не справившегося с задачей переводчика.

Комиссия исходит из положения, что «права, гарантированные частью 3 статьи 6, являются правами защиты в целом, а не только обвиняемого». Из этого вытекает, что если защитнику понятно обвинение, он сможет осуществить надлежащую защиту обвиняемого, и, следовательно, участие переводчика во всех следственных действиях не обязательно. В деле *X. против Австрии* обвиняемый, который не говорил по-немецки, а владел французским и итальянским языками, утверждал, что австрийский суд нарушил пункт «е» части 3 статьи 6 Конвенции, отказавшись предоставить ему в полном объеме перевод судебной документации. Европейская комиссия отметила, что часть документации была изложена на немецком языке, который понимал адвокат обвиняемого, многие документы были составлены на французском языке и, таким образом, могли быть прочитаны самим обвиняемым; обвиняемому была предоставлена помощь переводчика в тот момент, когда его уведомили о выдвинутых против него обвинениях, а затем был предоставлен текст обвинительного заключения, переведенный на французский язык, и поэтому постановила, что указанный пункт нарушен не был.

¹⁰² См. решение по делу *Kamasinski v. Austria* от 19 декабря 1989 г.

РАЗДЕЛ 3

РЕАЛИЗАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 6 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В РОССИЙСКОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Глава 5

Европейские стандарты защиты права на доступ к правосудию и российская правоприменительная практика

*Анна Деменева,
юрист Уральского центра конституционной
и международной защиты прав человека*

5.1. Понятие права на доступ к правосудию в российской правовой системе

Понятие права на доступ к правосудию в российской юриспруденции в настоящий момент еще не утвердилось. Несмотря на то, что данный термин упоминается в Конституции РФ¹⁰³ и Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»¹⁰⁴, право на доступ к суду не рассматривается в качестве самостоятельного процессуального права ни в Гражданском процессуальном кодексе, ни в Уголовно-процессуальном законодательстве. Более того, текст международных договоров, участником которых Россия является, также не содержит формулировок о праве на доступ к правосудию. И тем не менее о наличии такого права и возможностях его национальной и международной защиты нам позволяет говорить судебная практика международных органов, которая считает право на доступ к правосудию особым и неотъемлемым аспектом права на судебную защиту. Кроме того, нарушения прав граждан в судебной системе свидетельствуют, что во

¹⁰³ Статья 52 Конституции РФ предусматривает: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» (Российская газета. 1993. 25 дек. № 237).

¹⁰⁴ Статья 1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает: «Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее – доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также *обеспечения доступа к правосудию*». (Российская газета. 2002. 5 июня. № 100).

многих случаях нарушается именно право на доступ к правосудию – не все граждане и не при любых обстоятельствах имеют реальную возможность защищать свои права в суде и не всегда имеют возможность обратиться в суд.

Ограничения права на доступ к правосудию могут быть специально установлены законом либо, наоборот, являться следствием пробела, неурегулированности вопроса и сложившейся негативной правоприменительной практики. Так, они могут быть связаны с определенными процессуальными нормами, организационными, финансовыми условиями.

Пенсионеры нечасто выигрывают судебные процессы по жилищным спорам и искам о неправильном начислении пенсий. Это сложные категории дел, по которым необходима помощь квалифицированного юриста как перед подачей иска, так и в самом судебном процессе. Однако квалифицированные юристы просто не по карману пенсионеру, а система предоставления бесплатной или хотя бы доступной по цене юридической помощи по гражданским делам в России отсутствует как юридически, так и фактически. Общественные организации, где можно получить бесплатную правовую помощь, как правило, имеют определенную специализацию и не способны охватить весь спектр проблем по нарушению прав, а организации, не имеющие строгой специализации, просто не в силах решить проблемы всех жителей города или региона. В результате право на судебную защиту в силу Конституции и процессуального законодательства существует, а реальная возможность реализовать это право отсутствует из-за неэффективности борьбы гражданина «в одиночку» как с процессуальным противником, так и с самой судебной системой.

Что касается правовой помощи по уголовным делам, то право на бесплатного адвоката действительно закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако все мы знаем, что такой бесплатный адвокат работать зачастую будет не очень напрягаясь, знакомясь с материалами дела перед входом в зал суда. Отказаться от него можно, но просить у государства другого бесплатного адвоката – квалифицированного и вызывающего доверие – нет.

Статья 26 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает случаи оказания юридической помощи гражданам Российской Федерации бесплатно.

1. Юридическая помощь гражданам Российской Федерации, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума, установленного законом соответствующего субъекта Российской Федерации, оказывается бесплатно в следующих случаях:

1) истцам – по рассматриваемым судами первой инстанции делам о взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного смертью кормильца, увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с трудовой деятельностью;

2) ветеранам Великой Отечественной войны – по вопросам, не связанным с предпринимательской деятельностью;

3) гражданам Российской Федерации – при составлении заявлений о назначении пенсий и пособий;

4) гражданам Российской Федерации, пострадавшим от политических репрессий, — по вопросам, связанным с реабилитацией.

2. Перечень документов, необходимых для получения гражданами Российской Федерации юридической помощи бесплатно, а также порядок предоставления указанных документов определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

3. Юридическая помощь оказывается во всех случаях бесплатно несовершеннолетним, содержащимся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних¹⁰⁵.

После решения проблемы законодательного закрепления случаев оказания правовой помощи бесплатно возникает множество вопросов о реализации на практике данных положений: до сих пор оказание бесплатной адвокатской помощи по гражданским делам осуществлялось по усмотрению самих адвокатов. Более того, могут возникать проблемы при определении перечня документов, которые гражданин должен предоставить адвокату для оказания бесплатной юридической помощи, поскольку норма части 2 статьи 26 Закона носит отсылочный характер и не определяет, какие именно документы являются подтверждением наличия оснований для бесплатной адвокатской помощи.

Если порядок компенсации в случае оказания адвокатских услуг бесплатно по уголовному делу определен (за счет средств федерального бюджета), то порядок компенсации оказания бесплатной адвокатской помощи по гражданским делам неясен.

Кроме того, статья 26 Закона предусматривает основания предоставления бесплатной правовой помощи только гражданам Российской Федерации. Законодательство оставляет открытым вопрос создания системы доступной юридической помощи для граждан бывшего СССР и других иностранных граждан и лиц без гражданства, в то время как практика показывает, что эти категории населения относятся к социально уязвимым и нуждающимся в юридической помощи.

Помимо доступа к правовой помощи в сфере доступа к правосу-

¹⁰⁵ Статья 26 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

дию существует еще множество проблем: это и стоимость экспертизы, которую судья назначил и обязанности по оплате которой возложил на лицо, заведомо не имеющее возможности ее оплатить; и закрепленная процессуальным законодательством невозможность обжалования некоторых определений суда; и отчетные периоды в канцеляриях судов, когда от граждан не принимаются заявления, а в случае пропуска срока по этому основанию нет никакой гарантии, что его восстановят. Узкие коридоры, высокие лестницы и отсутствие пандусов в зданиях судов – по этой причине мы почти никогда не видим в судах инвалидов. Таким образом, для людей с ограниченными возможностями существуют и физические препятствия доступа к суду.

Как показывает практика, национальных средств для эффективной защиты права на доступ к правосудию оказывается явно недостаточно. Международные нормы о защите права на доступ к суду необходимо исполнять в российских судах и в Европейском суде по правам человека как раз для того, чтобы изменить существующую правоприменительную практику и законодательство, создающие препятствия гражданам в судебной защите их прав. Федеральным законом о ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁰⁶ Российская Федерация признала обязательную юрисдикцию Европейского суда по правам человека в сфере толкования положений Конвенции, что позволяет российским гражданам ссылаться в российском судебном процессе на прецеденты Европейского суда по правам человека и содержащиеся в них стандарты защиты.

5.2. Понятие доступа к правосудию в практике Европейского суда по правам человека

Хотя право на доступ к правосудию специально не упоминается в статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Европейский суд признал это право неотъемлемым элементом статьи 6 Конвенции. Часть 1 статьи 6 не только содержит процессуальные гарантии в отношении справедливого судебного разбирательства, но также дает право на саму судебную процедуру – право на доступ к суду.

Первый параграф статьи 6 Конвенции относится к праву на справедливое публичное слушание дела судом, оставляя неопределенным, существует ли данное право только по тем делам, где уже началась судебная процедура, или подразумевает и предполагает право на такую судебную защиту. Прецедентная практика Европейского суда по пра-

¹⁰⁶ См.: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514).

вам человека показывает, что если у лица нет права на доступ к суду, то и право на справедливое судебное разбирательство бессмысленно.

В деле *Golder v. the United Kingdom*¹⁰⁷ суд установил, что статья 6 Конвенции должна толковаться в свете двух правовых принципов:

1) принципа возможности предъявления гражданского иска в суд как одного из фундаментальных и признанных принципов права;

2) принципа международного права, запрещающего отказ в осуществлении правосудия:

*Принимая во внимание сказанное, можно заключить, что право на доступ к суду представляет собой элемент, который является неотъемлемой частью права, установленного частью 1 статьи 6. Это не является расширительной интерпретацией, налагающей на государства-участники новые обязательства: право доступа к суду основано на самой терминологии первого предложения части 1 статьи 6, вытекает из контекста статьи, отвечает целям Конвенции и общим принципам права...*¹⁰⁸

Такое толкование и определение права на доступ к суду позволило Европейскому суду по правам человека установить в деле *Golder v. the United Kingdom*, что имело место нарушение части 1 статьи 6: право на доступ должно не просто существовать, оно должно быть эффективным.

Конституция Российской Федерации гарантирует право на государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (статья 45), право на судебную защиту (статья 46), право на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 47), право на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48)¹⁰⁹. Именно эти права и являются составляющими элементами права на доступ к правосудию, так как от реализации каждого из них зависит возможность эффективной защиты гражданином своих прав в суде.

5.3. Отдельные аспекты права на доступ к правосудию

5.3.1. Требования к суду

Практикой Европейского суда по правам человека выработано несколько критериев, которым должен отвечать судебный орган, рассматривающий спор.

1. Каждое лицо имеет право на рассмотрение его дела *независимым и беспристрастным судом* для определения его гражданских прав или обязанностей или предъявления любого уголовного обвинения, т. е.

¹⁰⁷ См. решение по делу *Golder v. the United Kingdom* от 21 февраля 1975 г.

¹⁰⁸ См. там же.

¹⁰⁹ См.: Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (Российская газета. 1993. 25 дек. № 237).

право на то, чтобы такой независимый и беспристрастный суд существовал, иначе право на доступ к суду не защищено (дело *Le Compte, Van Leuven and De Meyere v. Belgium*)¹¹⁰.

2. У суда должны быть соответствующие полномочия принимать решение о правах и обязанностях лица. Так, в деле *W., B., and R. v. the United Kingdom*¹¹¹ Европейский суд установил, что хотя родители имели возможность обжаловать решение в суде или возбудить процедуру опеки и тем самым иметь доступ к пересмотру английскими судами решений административных органов, было выяснено, что полномочия суда по делам об опеке и в определении прав родителей незначительны и не отвечают требованиям части 1 статьи 6, так как они не распространяются на рассмотрение дела по существу.

В деле *Obermeier v. Austria*¹¹² Европейский суд установил, что имело место нарушение права на доступ к суду, поскольку национальный суд мог лишь определить, использовали ли исполнительные власти свои дискреционные полномочия в соответствии с целями и задачами примененного закона или нет, но не мог определить права и обязанности лица.

3. Суд должен быть создан на основании закона. Этот критерий тесно связан как с процедурой создания суда, которая должна соответствовать закону, так и с критерием наделения суда компетенцией по рассмотрению дел.

В российской судебной системе данное требование является особенно актуальным и несет в себе некоторые серьезные проблемы, некоторые из них уже явились объектом внимания Европейского суда по правам человека.

В соответствии со статьей 118 Конституции РФ судебная система устанавливается Конституцией РФ и Федеральным Конституционным законом¹¹³.

Федеральным Конституционным законом «О судебной системе в РФ» от 31 декабря 1996 г.¹¹⁴ (с изменениями и дополнениям от 15 декабря 2001 г.)¹¹⁵ и Законом РСФСР «О судостроительстве» от 8 июля 1981 г.

¹¹⁰ См. решение по делу *Le Compte, Van Leuven and De Meyere v. Belgium* от 23 июня 1981 г.

¹¹¹ См. решение по делу *W. v. the United Kingdom* от 8 июля 1987 г.

¹¹² См. решение по делу *Obermeier v. Austria* от 28 июня 1990 г.

¹¹³ См.: Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

¹¹⁴ См.: Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» (Российская газета. 1997. 6 янв. № 3; Собрание законодательства РФ. 1997. 6 янв. № 1. Ст. 1).

¹¹⁵ См.: Федеральный конституционный закон «О внесении дополнения и изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации”» (Собрание законодательства РФ. 2001. 17 дек. № 51. Ст. 4825).

№ 976 (в редакции от 25 июля 2002 г.)¹¹⁶ определен порядок организации Президиума суда субъекта Федерации.

В соответствии со статьей 32 Закона «О судостроительстве РСФСР» состав Президиума утверждается Президентом РФ по представлению председателя Верховного суда РФ при наличии положительного заключения квалификационной коллегии судей субъекта РФ. Президиумы многих областных и краевых судов являются незаконными, так как при их создании не была соблюдена процедура, предусмотренная законом (не было вынесено представление председателя Верховного суда РФ, не было заключения квалификационной коллегии судей, не был принят указ Президента РФ об утверждении составов президиумов). Таким образом, предполагается, что постановления таких президиумов не являются актами, вынесенными судом, созданным на основании закона, а потому вызывает сомнение их соответствие требованиям статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Также проблема суда, созданного на основании закона, возникает при рассмотрении дел с участием народных заседателей судов общей юрисдикции. Народными заседателями, как это определено в части 2 статьи 1 Федерального закона «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции РФ», являются лица, наделенные в порядке, установленном настоящим федеральным законом и федеральными процессуальными законами, полномочиями по осуществлению правосудия по гражданским и уголовным делам в составе суда и исполняющие обязанности судей на непрофессиональной основе¹¹⁷.

До 2 января 2000 г. народные заседатели наделялись полномочиями в порядке Закона «О судостроительстве» 1981 г., а затем их полномочия неоднократно продлялись Указами Президента в 1995¹¹⁸, 1997¹¹⁹, 1998¹²⁰ гг.

¹¹⁶ См.: Федеральный закон «О судостроительстве РСФСР» (Ведомости ВС РСФСР. 1981. Т. 28. Ст. 976).

¹¹⁷ См.: Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции РФ» от 2 янв. 2000 г. № 37-ФЗ (Российская газета. 2000. 10 янв. № 5).

¹¹⁸ См.: Указ Президента РФ от 22 марта 1995 г. № 299 «О продлении срока полномочий народных заседателей районных (городских) судов» (Собрание законодательства РФ. 1995. 27 марта. № 13. Ст. 1124; Российская газета. 1995. 29 марта. № 62).

¹¹⁹ См.: Указ Президента РФ от 23 января 1997 г. № 41 «О продлении срока полномочий народных заседателей Верховных судов республик, краевых, областных судов, Московского и Санкт-Петербургского городских судов, суда автономной области, судов автономных округов, районных и военных судов» (Собрание законодательства РФ. 1997. 27 янв. № 4. Ст. 525; Российская газета. 1997. 28 янв. № 18).

¹²⁰ См.: Указ Президента РФ от 12 декабря 1998 г. № 1564 «О продлении срока полномочий народных заседателей Верховного суда РФ (Собрание законодательства РФ. 1998. 14 дек. № 50. Ст. 6129).

2 января 2000 г. был принят Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции РФ»¹²¹. Закон установил новый порядок наделения полномочиями народных заседателей и сроки исполнения ими полномочий.

Статья 2 Федерального закона устанавливает, что общий список народных заседателей районного суда формируется соответствующим представительным органом местного самоуправления на основе списка избирателей района, на территорию которого распространяется юрисдикция данного районного суда. При этом число народных заседателей определяется из расчета 156 народных заседателей на одного судью районного суда.

Общий список утверждается законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации и представляется им в соответствующий районный суд не позднее чем за месяц до истечения срока полномочий народных заседателей, включенных в предыдущий общий список.

В соответствии со статьей 9 Закона народные заседатели привлекаются к исполнению своих обязанностей в районном суде на срок 14 дней, а в случае, если время рассмотрения конкретного дела превышает указанный срок, на срок рассмотрения данного дела.

Статья 13 Закона «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции РФ» отменила действие статей Закона «О судостроительстве» от 1981 г., на основании которых избирались прежние народные заседатели. Более того, со времени вступления в силу Закона утратили силу вышеназванные указы Президента РФ о продлении полномочий народных заседателей, поскольку срок их действия был ограничен моментом принятия закона о народных заседателях. Таким образом, государство оказалось перед ситуацией, когда новые народные заседатели еще не наделены полномочиями, а срок полномочий предыдущих уже прекращен. В связи с этим и. о. Президента издал Указ от 25 января 2000 г. № 103 «О продлении срока полномочий народных заседателей судов общей юрисдикции РФ»¹²². Данный Указ фактически откладывал действие Федерального закона «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции РФ» на неопределенный срок и продлил срок полномочий народных заседателей, уже занимавших свои должности до принятия закона, впредь до представления в соответствующие суды общих списков народных заседателей, утвержденных

¹²¹ Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции РФ» от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ.

¹²² См.: Указ Президента РФ «О продлении срока полномочий народных заседателей судов общей юрисдикции РФ» (Собрание законодательства РФ. 2000. 31 янв. № 5. Ст. 473; Российская газета. 2000. 9 февр. № 28).

законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации.

Поскольку срок представления этих списков в законе не установлен, то, даже если они утверждены и представлены в суд, в судебных креслах продолжают заседать не те народные заседатели, которые наделены полномочиями, не в порядке, установленном законом от 2 января 2000 г., а те, чьи полномочия продлялись неоднократно указами Президента. Это значит, что в Российской Федерации в течение более чем двух лет выносились решения и приговоры незаконными составами судей, что несовместимо как с требованиями Гражданского процессуального законодательства (в соответствии со статьей 308 Гражданского процессуального кодекса РСФСР рассмотрение дела в незаконном составе являлось основанием для отмены решения суда)¹²³, Уголовного процессуального законодательства (в соответствии со статьей 345 УПК РСФСР и статьей 381 УПК РФ вынесение приговора незаконным составом суда является основанием для отмены приговора в кассационном порядке), а также требованиями статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Не случайно правовая проблема незаконного состава суда с участием народных заседателей стала предметом рассмотрения Европейского суда в третьем деле, рассматривавшемся против Российской Федерации. 4 марта 2003 г. в деле *Posokhov v. Russia*¹²⁴ Европейский суд по правам человека принял беспрецедентное для России решение о признании нарушения права заявителя на рассмотрение его дела судом, созданным на основании закона. Европейский суд по правам человека признал, что рассмотрение уголовного дела заявителя народными заседателями, которые были назначены в нарушение порядка, установленного Федеральным законом от 2 января 2000 г., является несовместимым с требованиями статьи 6 Конвенции и нарушает право гражданина на рассмотрение его дела судом, образованным в соответствии с законом. Европейский суд указал в своем решении, в частности, следующее: «Суд напоминает, что фраза “созданным на основании закона”, относится не только к регламентации самого существования суда в силу закона, но также и к законности состава суда...»¹²⁵ Помимо невыполнения требований Закона «О народных заседателях»

¹²³ См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. П. 1 ч. 2 ст. 308. Первоначальный текст документа опубликован в издании «Ведомости ВС РСФСР» (1964. № 24. Ст. 407). Текст документа в редакции от 5 янв. 1988 г. опубликован в издании «Свод законов РСФСР» (Т. 2. С. 7).

¹²⁴ См. решение по делу *Posokhov v. Russia* от 4 марта 2003 г. Перевод текста решения на русский язык см. в прил. 3.

относительно выбора народных заседателей путем жеребьевки и 14-дневного срока исполнения ими полномочий

Суд обращает особое внимание на тот факт, что Неклиновская районная администрация – орган, ответственный за назначение народных заседателей, подтвердил, что списка народных заседателей не имелось до 4 февраля 2000 г. Таким образом, властные органы не смогли представить никаких юридических оснований участия народных заседателей Стрелянской и Ховяковой в отправлении правосудия в день слушания дела заявителя, также принимая во внимание тот факт, что список народных заседателей, составленный 4 февраля 2000 г., вступил в силу только 15 июня 2000 г. после его утверждения Ростовским областным законодательным собранием. Эти обстоятельства в совокупности не позволяют Суду заключить, что Неклиновский районный суд, рассматривавший дело 22 мая 2000 г., может рассматриваться как «суд, образованный на основании закона»¹²⁶.

Необходимо отметить, что ситуация, которая рассматривалась Европейским судом по правам человека в данном деле, имела место во всех субъектах Федерации, и признание Европейским судом нарушения в отношении конкретного заявителя также приводит к выводу, что на протяжении более чем двух лет по всей стране выносились приговоры и решения незаконными составами судей. Несмотря на то, что вынесение приговора в незаконном составе суда являлось безусловным основанием отмены решения в кассационном порядке согласно пункту 2 части 2 статьи 308 ГПК РСФСР, суды кассационной инстанции не принимали аргументы об отсутствии полномочий у народных заседателей, рассматривавших дело, и не признавали такой состав суда незаконным. Таковым его признал только Европейский суд, решение которого для Российской Федерации обязательно. С 1 февраля 2003 г. со вступлением в силу Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации народные заседатели не участвуют в рассмотрении гражданских дел, однако продолжают участвовать в рассмотрении уголовных дел до 1 января 2004 г. Парадокс состоит в том, что даже после вынесения решения Европейским судом, в котором фактически подтвердилась незаконность достаточно значимых элементов судебной системы нашего государства, в рассмотрении уголовных дел до сих пор принимают участие народные заседатели, которые сидят в судейских креслах десятилетиями и наделены полномочиями не в соответствии с законом. Пункт 2 части 2 статьи 381 УПК РФ устанавливает, что постановление приговора незаконным составом суда является

¹²⁵ См. решение по делу *Posokhov v. Russia* от 4 марта 2003 г., п. 37.

¹²⁶ См. там же.

безусловным основанием к отмене приговора. Казалось бы, решение по делу *Posokhov v. Russia* должно стать для представителей судебной власти тревожным сигналом катастрофического увеличения количества жалоб в Европейский суд от российских граждан уже только по указанному основанию. Однако есть объективные основания полагать, что в тех субъектах федерации, где народные заседатели до сих пор заседают, не будучи избранными согласно новым спискам, и заседают более 14 дней в году или дольше продолжительного конкретного уголовного дела, ситуация и не будет срочно изменена, так как до полного упразднения института народных заседателей в судебной системе Российской Федерации осталось менее года.

5.3.2. Право на возбуждение судебной процедуры

Судебная защита начинается с обращения в суд. Статья 46 Конституции РФ, гарантируя право на судебную защиту, не устанавливает каких-либо ограничений этого права:

1. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

2. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд¹²⁷.

Однако существуют как законодательные нормы, так и практика, которые зачастую не позволяют гражданину обращаться в суд за защитой своего права.

Например, ряд определений суда первой инстанции по Гражданскому процессуальному кодексу РФ не может быть обжалован в суде, то же касается обжалования гражданами в Конституционном суде РФ нормативных указов Президента.

До вступления в силу Гражданского процессуального кодекса РФ суды всех уровней отказывали гражданам в праве обжаловать нормативные указы Президента РФ со ссылкой на то, что такое обжалование не было прямо предусмотрено Гражданским процессуальным кодексом РСФСР.

Судебная практика нередко формируется в негативном направлении, создавая препятствия для реализации права на доступ к правосудию. Одним из частных случаев нарушения права на доступ к правосудию является вынесение судьей определения об отказе в принятии искового заявления или жалобы на том основании, что права заявителя, по мнению суда, не нарушены. Тем самым суд оценивает фактически обстоятельства дела на досудебной стадии, препятствуя лицу в предо-

¹²⁷ Конституция Российской Федерации. Ст. 46. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

ставлении предусмотренной законом и Конституцией РФ возможности защищать свои права в суде при рассмотрении дела по существу.

Негативное значение могут играть и вопросы, связанные с организацией деятельности суда (например, суд не принимает иски по почте, а судья, на приеме у которого подаются заявления, тратит на это два часа в неделю рабочего времени), или вопросы, связанные с поведением самого суда (например, судья требует от представителя лица в процессе помимо надлежащим образом оформленной доверенности также заявление от доверителя о рассмотрении дела в его отсутствие). Отсутствие такого заявления используется судьей для того, чтобы отложить слушание дела, в то время как гражданское процессуальное законодательство предусматривает возможность права вести дела лично или через представителя, причем реализация права на ведение дела через представителя не обусловлена предоставлением каких бы то ни было заявлений, помимо документов, оформляющих полномочия представителя. Заявление о рассмотрении дела в отсутствие истца не предусмотрено гражданским процессуальным законодательством, но тем не менее многие судьи отказываются рассматривать дела без подобных заявлений.

По некоторым делам, например при обращении с жалобой в Конституционный суд РФ от юридического лица, установлена достаточно высокая государственная пошлина, что также может являться препятствием к обращению. Кроме того, достаточно серьезно фактически ограничены в возможности вести гражданские дела по своим искам и жалобам лица, находящиеся в местах лишения свободы. Государство в данном случае не обязано предоставлять лицу бесплатную правовую помощь, в то время как заключенные ограничены в средствах и не могут оплатить помощь адвоката, лишены доступа к юридической литературе и правовой информации.

Что же касается стандартов, выработанных практикой Европейского суда по правам человека, то вопросы права на возбуждение судебной процедуры детально были рассмотрены Европейским судом в делах *Campbell and Fell v. the United Kingdom*¹²⁸, *Philis v. Greece*¹²⁹, *Golder v. the United Kingdom*¹³⁰.

В деле *Golder v. the United Kingdom*¹³¹ факты, послужившие основанием к обращению с жалобой, сводятся к следующему. Заявитель отбы-

¹²⁸ См. решение по делу *Campbell and Fell v. the United Kingdom* от 25 февраля 1982 г.

¹²⁹ См. решение по делу *Philis v. Greece* от 27 августа 1991 г.

¹³⁰ См. решение по делу *Golder v. the United Kingdom* от 21 февраля 1975 г.

¹³¹ См. решение по делу *Golder v. the United Kingdom* от 21 февраля 1975 г.

вал наказание, где произошли беспорядки. Офицер тюремной службы, раненный во время беспорядков в тюрьме, на следующий день заявил, что среди нападавших на него был именно заявитель. Вследствие этого заявитель и ряд других заключенных были помещены в отдельную часть тюремного здания. Однако через несколько дней офицер тюремной службы изменил свои показания, теперь он утверждал, что сомневается, что именно заявитель напал на него во время тюремных беспорядков. Другой офицер тюремной администрации дал показания, что во время беспорядков заявитель находился постоянно рядом с ним, поэтому не мог участвовать в нападении на офицера и причинить ему вред. Заявитель был возвращен в обычную камеру.

Заявитель, мистер Голдер, руководствуясь тюремными правилами 1964 г., обратился в Министерство внутренних дел с просьбой разрешить ему получить консультацию адвоката о возможности предъявления гражданского иска против сотрудника тюрьмы за диффамацию. Его ходатайство было отклонено министром внутренних дел. Таким образом, Голдер совершенно ясно выразил свое намерение «предъявить гражданский иск в защиту чести и достоинства» и вступить в контакт с адвокатом именно с этой целью, что само по себе является нормальным предварительным шагом, а в положении господина Голдера – единственно возможным по причине его нахождения в тюрьме. Запретив мистеру Голдеру вступить в такой контакт, министр внутренних дел фактически воспрепятствовал возбуждению возможного судебного дела. Формально не лишая Голдера принадлежащего ему права обратиться в суд, министр внутренних дел фактически лишил его права обратиться в суд.

Европейский суд по данному делу сделал несколько принципиальных выводов по толкованию части 1 статьи 6 Конвенции.

1. Часть 1 статьи 6 не говорит прямо о доступе к правосудию. В части 1 статьи 6 провозглашаются иные права, но все они вытекают из одной и той же основополагающей идеи и, будучи взяты в совокупности, составляют единое право, хотя и не получившее точного определения.

2. Если бы текст части 1 статьи 6 понимался как текст, говорящий исключительно о движении дела, которое уже передано в суд, то Высокие Договаривающиеся стороны могли бы, не нарушая эту статью, упразднить все суды или вывести из их юрисдикции рассмотрение некоторых видов гражданских дел, поручив их органам, находящимся в зависимости от правительства. Подобные упущения, неотделимые от опасности произвола, имели бы весьма серьезные последствия, которые несовместимы с указанными выше принципами.

3. По мнению Суда, было бы немислимо, чтобы часть 1 статьи 6 содержала подробное описание предоставляемых сторонам процессу-

альных гарантий в гражданских делах и не защищала бы в первую очередь то, что дает возможность практически пользоваться такими гарантиями, – право доступа.

4. Все вышесказанное приводит к выводу, что право доступа к правосудию является одним из неотъемлемых составляющих права, гарантированного частью 1 статьи 6.

5. Препятствие в доступе к правосудию, констатированное в деле, ущемило право, гарантированное частью 1 статьи 6. У Голдера были все основания получить консультацию у юриста для того, чтобы обратиться в суд. Оценка перспектив предполагаемого дела не относится к компетенции министра внутренних дел, только независимый и беспристрастный суд вправе вынести соответствующее решение. Отказав в выдаче разрешения на общение с адвокатом, министр внутренних дел нарушил применительно к заявителю право на обращение в суд в том виде, как оно гарантировано частью 1 статьи 6.

В деле *Campbell and Fell v. the United Kingdom*¹³² заявители – господин Кэмпбелл и отец Фелл, католический священник, были осуждены за ряд преступлений и отбывали наказание в тюрьме. Во время отбывания наказания в тюрьме произошел инцидент – протест шестерых заключенных, среди которых были и заявители. Против них было возбуждено дисциплинарное производство за нарушение правил внутреннего распорядка тюрьмы. Они заявили ходатайство перед министром внутренних дел о предоставлении им юридической помощи в связи с возможным гражданским разбирательством по фактам указанного инцидента, в том числе по факту нанесения им телесных повреждений. В соответствии с существовавшей в то время практикой им было отказано в удовлетворении этой просьбы до окончания внутреннего тюремного разбирательства их жалоб.

Заявители утверждали, что задержка разрешения на получение помощи адвоката для подготовки исков о компенсации за нанесенные телесные повреждения во время инцидента является нарушением их права на доступ к правосудию, что противоречит части 1 статьи 6, как это разъяснено ранее в решении Суда по делу Голдера.

Европейский суд по правам человека пришел к следующему выводу: задержка в разрешении заявителям получить юридическую помощь имела место в 1976–1977 гг. как следствие «правила предварительного рассмотрения дела». Впоследствии внутреннее законодательство было изменено. Это правило было заменено другим – «одновременного рассмотрения дела» – в декабре 1981 г. До этой даты данное измене-

¹³² См. решение по делу *Campbell and Fell v. the United Kingdom* от 25 февраля 1982 г.

ние, естественно, не могло дать возможности заявителям использовать их права по части 1 статьи 6. В связи с этим нельзя говорить о решении, пусть даже частичном, этого вопроса, и Европейский суд по правам человека признал нарушение права на доступ к правосудию.

В деле *Philis v. Greece*¹³³ у гражданина Филиса, работавшего инженером-консультантом, возникли разногласия по поводу суммы вознаграждения за выполненные им работы по заключенному с тремя фирмами (А, В, С) договорами.

Заявитель обратился в Техническую палату, которая в соответствии с греческим законодательством обладала исключительным правом возбуждения исков в суде о взыскании причитающейся инженерам оплаты труда, с ходатайством о возбуждении иска против фирмы А.

Палата возбудила от имени заявителя несколько исков в суде, но для дальнейшего продвижения дела потребовала от него предварительной уплаты предусмотренного законом сбора и предоставления банковской гарантии покрытия затрат противной стороны (в случае проигрыша дела), так как считала перспективы успеха по этим искам маловероятными. Между гражданином Филисом и Палатой возникло множество споров по вопросам ведения его дела в суде, связанных с намерением Палаты добиваться исключительно декларативного решения, ее отказом оспаривать возражения фирмы А и длительность судебных разбирательств.

Против фирмы Б и С Филис сам попробовал возбудить судебную процедуру, но его иски не были приняты, поскольку, согласно греческому законодательству, только Палата уполномочена возбуждать иски по взысканию платежей, и ей переданы соответствующие права инженера.

Европейский суд по данному делу сделал следующие выводы.

1. Хотя право на обращение в суд (т. е. право на возбуждение исков в судах по гражданским делам) и составляет один из аспектов воплощенного в части 1 статьи 6 права на разбирательство дела судом, это право не абсолютно и может подвергаться ограничениям, так как нуждается в регулировании со стороны государства.

2. Такие ограничения не должны ущемлять право лица на обращение в суд таким образом и до такой степени, чтобы наносить ущерб самой сути этого права.

По этим основаниям Европейский суд решил, что поскольку гражданин Филис не мог прямо и независимо возбуждать дело по взысканию причитающихся ему платежей, был нанесен ущерб самой сути его права на обращение в суд. Так как это не могло быть

¹³³ См. решение по делу *Philis v. Greece* от 27 августа 1991 г.

возмещено никаким средством правовой защиты, доступным в рамках греческого законодательства, было допущено нарушение части 1 статьи 6.

5.3.3. Правовая помощь по гражданским делам

Еще одной причиной возникновения препятствий при обращении гражданина в суд может стать его правовая неграмотность и невозможность получения эффективной бесплатной правовой помощи при написании искового заявления или жалобы.

Таким образом, вопрос о предоставлении правовой помощи тесно связан с вопросом доступа к суду. Основным прецедентным решением, уже используемым российскими гражданами в национальных судебных процессах, является дело *Airey v. Ireland*¹³⁴.

В данном деле Суд рассматривал вопрос нарушения права на доступ к суду в связи с недоступностью правовой помощи по гражданскому делу. Госпожа Эйри пыталась добиться в судебном порядке раздельного проживания со своим мужем, поскольку в Ирландии в то время расторжение брака путем развода было невозможно. Она консультировалась с юристами, но не смогла найти никого, кто бы согласился представлять ее интересы. Бесплатная правовая помощь по такого рода делам не предоставлялась, а у госпожи Эйри не было достаточных средств, чтобы самой оплатить стоимость услуг адвоката. В то же время специалист в области семейного права Ирландии господин Алан Дж. Шаттер указал, что Высокий Суд, в котором слушалось дело, является наименее доступным в системе правосудия не только потому, что «плата за представительство в нем очень велика», но также в силу того, что «процедура обращения с исками очень сложна», в частности с исками о раздельном проживании супругов. В таком процессе, который затрагивает деликатные вопросы (требует доказательств супружеской измены, противоестественной этики интимных отношений или, как в настоящем случае, жестокости) для установления фактов приходится обращаться к экспертам, искать свидетелей, которые будут вызваны в суд и допрошены.

Европейский суд указал:

Конвенция направлена на то, чтобы гарантировать не теоретические и иллюзорные права, а права, осуществимые на практике и эффективные. В особенности это относится к праву доступа к правосудию в свете того значения, которое имеет в демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство. Поэтому надлежит установить, будет ли обращение госпожи Эйри в Высокий Суд без

¹³⁴ См. решение по делу *Airey v. Ireland* от 9 октября 1979 г.

помощи адвоката эффективным, сможет ли она правильно и убедительно представить свое дело¹³⁵.

В указанных условиях Европейский суд счел нереальным, чтобы человек, который находился в таком же положении, как госпожа Эйри, мог эффективно самостоятельно вести собственное дело. Эта точка зрения подтверждается ответами представителя правительства на вопросы Суда, которые показывают, что заявители были представлены адвокатом во всех без исключения 255 судебных процессах о раздельном проживании супругов на период с января 1972 по декабрь 1978 г.

Европейский суд сделал вывод из вышеуказанного, что возможность предстать перед Высоким Судом лично не дает заявителю эффективного права доступа, а потому не представляет собой внутреннего средства защиты нарушенного права. Тем самым Суд признал в отношении госпожи Эйри нарушение права на доступ к правосудию, гарантированное статьей 6 Конвенции.

В этом же деле было установлено, что данное правило не означает обязанность предоставлять правовую помощь по всем гражданским делам. Часть 1 статьи 6 требует предоставления правовой помощи, только когда помощь юриста необходима для обеспечения реального доступа к правосудию либо по причине того, что по определенным категориям дел юридическое представительство является обязательным по внутреннему законодательству некоторых государств-участников или в силу сложности процесса.

Вопрос о предоставлении правовой помощи был переосмыслен в деле *Andronicou and Constantinou v. Greece*¹³⁶. Суд подчеркнул, что в то время как статья 6 Конвенции гарантирует эффективность права доступа к правосудию при установлении гражданских прав и обязанностей, она оставляет государствам право выбора тех средств, которыми будет достигнута эта цель. Предоставление правовой помощи – это одно из средств, но есть и другие. По фактам дела предложение генерала-атторнея предоставить денежные средства заявителю, в них нуждающемуся, было достаточным.

Другое средство обеспечения права доступа к правосудию – это упрощение процесса. В одном из дел Комиссия установила, что правовое представительство в промышленных трибуналах не является необходимым, поскольку эти процедуры ведутся в практической и целенаправленной манере, без перегруженности формальностями (см. комментарий Суда к пункту 26 в деле *Airey v. Ireland*).

Помимо предоставления правовой помощи в принципе в отноше-

¹³⁵ См. решение по делу *Airey v. Ireland* от 9 октября 1979 г.

¹³⁶ См. решение по делу *Andronicou and Constantinou v. Greece* от 9 октября 1997 г.

нии части 1 статьи 6 может также возникнуть вопрос об обстоятельствах, при которых правовая помощь может быть предоставлена. В деле *X. v. the United Kingdom*¹³⁷ Комиссия установила, что отказ в предоставлении правовой помощи по гражданским делам, которые не имеют шанса на успех, не является отказом в доступе к правосудию, если отказ не является произвольным и если лицо может добиться возбуждения судебного процесса другими средствами. По мнению Комиссии, очевидно, что идея правовой помощи может работать эффективно в условиях ограниченности ресурсов денежных средств, только если установить правила, в каких случаях необходимо предоставлять эти денежные средства.

В Российской Федерации, несмотря на юридически закрепленную возможность получения бесплатной адвокатской помощи по гражданским делам для определенных категорий граждан¹³⁸, система предоставления юридических услуг и представления граждан в процессе не сложилась. Возможная причина этого – отсутствие санкций в отношении адвокатов за отказ в предоставлении юридической помощи бесплатно, если данная категория лиц имеет по закону право на получение такой помощи, и, как было уже указано, отсутствие механизма возмещения государством адвокатам стоимости оказанных бесплатно услуг.

5.3.4. Правовая помощь по уголовным делам

Правовая помощь по уголовным делам имеет некоторую специфику. В правовых системах многих стран действительно существует система бесплатной правовой помощи по уголовным делам, соответственно существует и сложившаяся практика ее предоставления, которая, однако, не всегда соответствует международным стандартам. Рассмотрим основные требования, которые предъявляет к правовой помощи по уголовным делам Европейский суд по правам человека.

С точки зрения прецедентной практики предоставление бесплатной правовой помощи не исключает обязанности позже оплатить ее стоимость. Единственное условие: она должна быть бесплатной во время судебного разбирательства и до того времени, пока заявитель nebude в состоянии оплатить ее. В деле *Croissant v. Germany*¹³⁹ положение правовой системы Германии, согласно которому подсудимого могут обязать оплатить стоимость услуг после рассмотрения дела су-

¹³⁷ См. решение по делу *X. v. the United Kingdom* от 24 октября 1981 г.

¹³⁸ См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Ст. 26.

¹³⁹ См. решение по делу *Croissant v. Germany* от 25 сентября 1992 г.

дом, как таковое не было признано нарушением Конвенции, и последующее возмещение стоимости услуг адвоката при необходимости, если размер возмещения не слишком велик, также не несет в себе нарушения. В соответствии с практикой Комиссии проблема возникает только в случае, если данное обязательство принуждают исполнить, не учитывая финансовое положение лица. Далее следуют два условия.

1) Финансовые возможности. В деле *Pakelli v. Germany*¹⁴⁰ правительство оспаривало тот факт, что заявитель не обладал необходимыми финансовыми возможностями для оплаты услуг адвоката при подаче апелляционной жалобы. Европейский суд удовлетворил требования заявителя, основываясь на документах, им представленных, и на том факте, что он нашел достаточно доказательств для получения правовой помощи.

2) Интересы правосудия. Условие о том, что правовая помощь в случае ее предоставления изменит ход процесса, не требует доказывания, как это утверждалось правительством в деле *Artico v. Italy*¹⁴¹, например при ссылке на сроки исковой давности. Данный факт невозможно доказать, и он сводит на нет все предоставленные гарантии. Однако может считаться необходимым приведение причин, почему на определенных стадиях процесса осужденному требуется помощь адвоката, например, материалы дела содержат такие документы, которые требуют работы и оценки адвоката.

При решении вопроса, требуют ли интересы правосудия предоставления правовой помощи, Суд обращает внимание на серьезность преступления и на тяжесть возможного приговора. Сложность дела является дополнительным фактором, отсутствие которого не является определяющим. В деле *Quaranta v. Switzerland*¹⁴², например, где не было сложности в установлении фактов, Суд пришел к выводу, что вопрос, касающийся принимаемых мер и условий, связан с личностью заявителя, его иностранным происхождением, длительным криминальным прошлым, которые в большой степени влияют на приговор. Он признал, что в условиях совершенного преступления, связанного с мелким оборотом наркотиков и грозящего 18 месяцами лишения свободы, заявитель был не в состоянии адекватно представлять свои интересы.

Подача апелляционной жалобы на приговор касается установления уголовного обвинения, а гарантии части 1 статьи 6 и статьи 3 продолжают действовать, хотя сущность апелляционной жалобы будет зависеть от природы и значительности апелляционного и кассаци-

¹⁴⁰ См. решение по делу *Pakelli v. Germany* от 25 апреля 1998 г.

¹⁴¹ См. решение по делу *Artico v. Italy* от 13 апреля 1980 г.

¹⁴² См. решение по делу *Quaranta v. Switzerland* от 25 мая 1991 г.

онного производства с учетом полномочий суда и способа, каким интересы заявителя представлены и защищены.

Апелляционные процедуры могут различаться. Процедура рассмотрения письменной апелляционной жалобы – когда прокурор отсутствует – может не требовать правовой помощи. В деле *Monell and Morris v. the United Kingdom*¹⁴³ заявителям была предоставлена правовая помощь в суде первой инстанции и возможность подачи письменной апелляционной жалобы. Суд посчитал, что они были в состоянии самостоятельно представлять свои интересы в апелляционном производстве, а интересы правосудия обеспечивались возможностью подачи письменной жалобы, учитывая тот факт, что правовых оснований для подачи апелляционной жалобы не было.

Наоборот, в шотландской системе, где существует только общее право подачи апелляционной жалобы, без выделения права на подачу письменной апелляционной жалобы, и заявители присутствуют лично на очных процедурах, в которых участвует прокурор и который имеет право выступать в суде, было установлено, что такая природа процедуры для соблюдения законности и равенства процессуальных возможностей сторон требует предоставления правовой помощи.

В деле *Granger v. the United Kingdom*¹⁴⁴ интересы правосудия требовали предоставления адвоката, поскольку в деле имело место решение серьезного вопроса, по поводу которого перед судом выступал Генеральный солиситор и в решении которого заявитель не мог играть большую роль. Также в деле *Pham Hoang v. France*¹⁴⁵, где заявителю, осужденному к штрафу в несколько миллионов франков за совершение преступления, связанного с оборотом наркотиков, было отказано в предоставлении правовой помощи в кассационном производстве. Интересы правосудия требовали предоставления правовой помощи с учетом серьезных обстоятельств, сложности затрагиваемых вопросов, неспособности заявителя представить и развить подходящие аргументы (только опытный адвокат мог бы заставить суд отказаться от влияния предыдущего приговора).

В уже упоминавшемся деле *Pakelli v. Germany*¹⁴⁶ также было признано нарушение части 1 статьи 6 Конвенции, так как заявитель без оказания ему правовой помощи был не в состоянии отвечать на вопросы суда и содействовать более глубокому изучению дела.

Комиссия отклонила некоторые заявления, касающиеся непредоставления правовой помощи в делах о преступлениях неболь-

¹⁴³ См. решение по делу *Monell and Morris v. the United Kingdom* от 2 марта 1987 г.

¹⁴⁴ См. решение по делу *Granger v. the United Kingdom* от 29 марта 1990 г.

¹⁴⁵ См. решение по делу *Pham Hoang v. France* от 10 февраля 1995 г.

¹⁴⁶ См. решение по делу *Pakelli v. Germany* от 25 апреля 1998 г.

шой тяжести. Она считала, что интересы правосудия не требуют предоставления правовой помощи, например, при назначении приговора о девяти месяцах лишения свободы за нападение – в данном деле Комиссия установила отсутствие сложных правовых вопросов, требующих предоставления помощи.

В Российской Федерации актуален даже не столько сам вопрос о возможности получения бесплатной правовой помощи по уголовным делам, поскольку эта возможность закреплена юридически и формально реализуется: статья 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ определяет право подозреваемого, обвиняемого на защиту, статья 51 Уголовно-процессуального кодекса – случаи обязательного участия защитника.

Статья 50

Приглашение, назначение и замена защитника, оплата его труда

1. Защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников.

2. По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем, прокурором или судом.

3. В случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь, прокурор или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа – принять меры по назначению защитника. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного следственного действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель, следователь вправе произвести данное следственное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2–7 части первой статьи 51 настоящего Кодекса.

4. Если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель, следователь или прокурор принимает меры по назначению защитника. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2–7 части первой статьи 51 настоящего Кодекса.

5. В случае если адвокат участвует в производстве предварительного расследования или судебном разбирательстве по назначению

дознателя, следователя, прокурора или суда, расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета.

Статья 51

Обязательное участие защитника

1. Участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если:

1) подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном статьей 52 настоящего Кодекса;

2) подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним;

3) подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту;

4) подозреваемый, обвиняемый не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу;

5) лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь;

6) уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей;

7) обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в порядке, установленном главой 40 настоящего Кодекса.

2. В случаях, предусмотренных пунктами 1–5 части первой настоящей статьи, участие защитника обеспечивается в порядке, установленном частью третьей статьи 49 настоящего Кодекса, а в случаях, предусмотренных пунктами 6 и 7 части первой настоящей статьи, – с момента заявления хотя бы одним из обвиняемых ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей либо ходатайства о рассмотрении уголовного дела в порядке, установленном главой 40 настоящего Кодекса.

3. Если в случаях, предусмотренных частью первой настоящей статьи, защитник не приглашен самим подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого, то дознаватель, следователь, прокурор или суд обеспечивает участие защитника в уголовном судопроизводстве¹⁴⁷.

Гораздо больше вопросов возникает по поводу эффективности предоставляемой бесплатной помощи, потому как нередко лицо, которое

¹⁴⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Парламентская газета» (2001. 22 дек. № 241–242); «Российская газета» (2001. 22 дек. № 249); «Собрание законодательства» (2001. 24 дек. № 52 (ч. 1). Ст. 4921).

не может оплатить услуги адвоката, отказывается и от предоставленного государством защитника, поскольку расхожее мнение о пассивности бесплатного адвоката и его бесполезности в процессе, как правило, имеет под собой определенную почву.

Некоторые проблемы, как показывает практика, может создавать содержание части 2 статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая устанавливает, что «*в качестве защитников допускаются адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый*»¹⁴⁸. Допустим, существует ситуация, когда предоставленный государством адвокат не вызывает доверия у подозреваемого или обвиняемого, и в качестве защитника необходимо пригласить родственника или другого юриста, не имеющего статуса адвоката. Допуск такого представителя является исключительным дискреционным полномочием судьи. Статья не определяет никаких критериев, руководствуясь которыми судья должен допустить такого защитника или отказать в его допуске, что создает основания для произвола судьи в данной сфере и снижает степень защищенности лица в процессе. Практика показывает, что действия судьи по отказу в допуске другого защитника, даже юриста, невозможно обжаловать. Во-первых, потому, что статья сформулирована таким образом, что предоставляет судье в данном вопросе ничем не ограниченную свободу усмотрения, а во-вторых, потому, что для обжалования такого отказа не установлено никакой процессуальной формы, а органы судебского сообщества в ход ведения судьей уголовного дела не вмешиваются. В отношении содержания и качества предоставляемой государством правовой помощи необходимо исследование стандартов и требований, которые могут к ней предъявляться.

5.3.5. Пределы обязательства по обеспечению предоставления правовой помощи

Назначение адвоката для осуществления правовой помощи не означает выполнения государством своих обязанностей. Предоставляемая правовая помощь должна быть эффективной, и если власти замечают, что адвокат, назначенный для предоставления правовой помощи, не в состоянии исполнять свои обязанности, они должны заменить его. Например, в деле *Artico v. Italy*¹⁴⁹ адвокат отказался от представления

¹⁴⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Ч. 2. Ст. 29.

¹⁴⁹ См. решение по делу *Artico v. Italy* от 13 мая 1980 г.

интересов клиента в силу иных обязанностей, которые у него существуют, а власти не нашли ему замены. Европейский суд по правам человека установил, что имело место нарушение пункта «с» части 3 статьи 6, т. е. что государство не выполнило обязательств по предоставлению правовой помощи.

В случаях когда адвокат назначается в обстоятельствах, которые могут повлиять на эффективность его участия в процессе, может возникнуть проблема, как это произошло в деле *Goddi v. Italy*¹⁵⁰, когда суд не проинформировал адвоката заявителя о слушании дела, а адвокат, назначенный в качестве замены, ничего не знал ни о клиенте, ни о его деле.

Неэффективность защиты осужденного была признана Комиссией в деле *Biondo v. Italy*¹⁵¹, где адвокат не появился в апелляционном процессе, а интересы правосудия требовали его присутствия, чтобы отвечать на вопросы прокурора и расширить основания апелляционной жалобы. Некомпетентность адвоката может также ставить вопрос об эффективности представительства, где оно имеет большое значение и влияет на позицию защиты.

В деле *Daud v. Portugal*¹⁵² представленные адвокатом основания для апелляционного производства в Верховном суде были неадекватны и не было ссылок на допущенные нарушения. Комиссия большинством голосов признала нарушение пункта «с» части 3 статьи 6, ссылаясь на грубость допущенной ошибки, результатом которой стало обращение в Верховный суд с нарушением сроков; она также указала, что поскольку заявитель был иностранцем, государство было обязано предоставить ему эффективную правовую защиту.

Государство, однако, не всегда отвечает за ошибки, допущенные адвокатом. Поведение защиты – это дело адвоката и подзащитного, и компетентные власти обязаны вмешиваться только в том случае, если допущенные ошибки адвоката при оказании правовой помощи очень значительны или привлекли внимание иным способом – как это было в деле *Kamasinski v. Austria*¹⁵³.

Суд следит за процессом в целом, а тот факт, что адвокат иногда действует не так, как полагает необходимым действовать подзащитный, не означает, что предоставление правовой помощи было ниже требуемой стандарт. В деле *Kamasinski v. Austria*¹⁵⁴ заявитель критиковал непродолжительность визитов адвоката, а также то, что ад-

¹⁵⁰ См. решение по делу *Goddy v. Italy* от 19 апреля 1994 г.

¹⁵¹ См. решение по делу *Biondo v. Italy* от 26 апреля 1992 г.

¹⁵² См. решение по делу *Daud v. Portugal* от 2 декабря 1993 г.

¹⁵³ См. решение по делу *Kamasinski v. Austria* от 19 декабря 1989 г.

¹⁵⁴ См. там же.

вокат не проинформировал его обо всех доказательствах обвинения, не протестовал, принимал определенные письменные заявления и т. д.

Комиссия не испытывает сочувствия к тем обвиняемым, которые отказываются от своего адвоката во время процесса. В случае когда подсудимый меняет большое количество адвокатов, возможно, причина кроется в его собственном поведении, и национальный суд может обоснованно расценить такое поведение как затягивание процесса. Требуется наличие грубой или очевидной ошибки со стороны адвоката, серьезных расхождений в вопросе тактики защиты, чтобы органы Конвенции смогли наложить обязательство на компетентные органы заменить адвоката или признать нарушение в случае отказа от его замены со стороны государства.

5.4. Ограничения права доступа к суду

Как уже указывалось ранее, право на доступ к правосудию не является абсолютным, и установленные государством в данной сфере ограничения могут преследовать правомерные цели защиты конституционного строя и интересов правосудия.

Однако основное требование в данной сфере означает, что ограничения не должны лишать лицо самой сущности права обратиться в суд и добиться эффективной защиты. Выработанные практикой Европейского суда в деле *Lithgow v. the United Kingdom* принципы состоят в следующем:

1. Право на доступ к суду может подлежать ограничениям, – они допустимы в связи с тем, что *«по самой своей природе право на доступ к правосудию требует регулирования со стороны государства — регулирования, которое может меняться в соответствии с нуждами и возможностями общества и индивида»*¹⁵⁵.

2. В установлении такого принципа для Высоких Договаривающихся Сторон содержится некоторая степень усмотрения, но окончательное решение относительно соблюдения требований Конвенции остается Европейскому суду. Должно быть установлено, что примененные ограничения ущемляют право на доступ к суду до такой степени, что нарушается сама сущность этого права.

3. Более того, ограничение не является совместимым с требованием части 1 статьи 6, если не преследует законную цель и нет разумного соотношения между использованными средствами и преследуемой целью.

¹⁵⁵ См. решение по делу *Lithgow v. the United Kingdom* от 8 июля 1986 г.

5.4.1. Ограничения в сфере возбуждения судебной процедуры

Право на инициирование процедуры в гражданском деле, как уже было замечено, – один из аспектов права на доступ к правосудию. Оно также может быть ограничено, но опять же если данное ограничение преследует законную цель и отвечает требованиям пропорциональности ограничения и преследуемой цели.

Ограничения права по возбуждению процедуры в суде для несовершеннолетних, лиц, страдающих психическими расстройствами или злоупотребляющих правом на подачу жалоб и исков, правомерны тогда, когда они полностью не исключают обращение данного лица за судебной защитой (например, имеется возможность обращаться через представителей или имеются альтернативные процедуры восстановления права).

В деле *Winterwerp v. Netherlands*¹⁵⁶ заявитель жаловался, что, будучи пациентом психиатрической клиники, он не имел возможности ни управлять своей собственностью, ни участвовать в процессах управления собственностью через представителя. Европейский суд указал:

*Как бы ни было оправданно лишение психически больного лица возможности управления собственностью, гарантии части 1 статьи 6 тем не менее должны соблюдаться. Хотя психическое заболевание оправдывает некоторые ограничения, связанные с правом обращения в суд, эти ограничения не могут выражаться в полном отсутствии такого права*¹⁵⁷.

В общем виде лицо может отказаться от своего права обращения в суд, например передав дело на рассмотрение третейского суда или арбитра. К подобной ситуации Европейский суд подходит следующим образом: необходимо, чтобы у лица была возможность добровольно выбрать этот вариант разрешения спора. Такой отказ от права обращения в суд должен быть не результатом кабальной сделки, а устанавливаться по соглашению сторон.

В частности, в деле *Malmstrom v. Sweden* Комиссия указывала, что *«...необходимо делать различие между добровольным установлением арбитража в качестве органа, рассматривающего спор, и обязательным установлением такого условия. Нет никакой угрозы нарушению части 1 статьи 6, если лицо принимает такое решение добровольно»*¹⁵⁸.

5.4.2. Иммунитеты и привилегии

Иммунитеты и привилегии, установленные в национальном праве для определенных категорий лиц, могут являться серьезным препятствием в определении гражданских прав и обязанностей судами.

¹⁵⁶ См. решение по делу *Winterwerp v. Netherlands* от 24 октября 1979 г.

¹⁵⁷ См. там же.

¹⁵⁸ См. решение по делу *Malmstrom v. Sweden*, жалобы № 8588/79 и 8589/79.

Подходы Европейского суда по правам человека в данной сфере различны. Например, в деле *Ashingdane v. the United Kingdom*¹⁵⁹ заявитель, который содержался в психиатрической больнице, не имел возможности подать иск против Государственного секретаря за нарушение обязанностей, так как акт о психическом здоровье предусматривал иммунитет от несения ответственности любого лица, действующего в соответствии с этим актом, пока не будет установлено, что действие совершалось с явным злым умыслом или без надлежащей предусмотрительности. Используя толкование, данное праву на доступ к правосудию в вышеупомянутом деле *Golder v. the United Kingdom*¹⁶⁰, Суд установил, что такое положение неправомерно ограничивало право заявителя на доступ к суду в нарушение части 1 статьи 6.

В деле *Osman v. the United Kingdom*¹⁶¹ заявители (Ахмет Осман и его мать) возбудили процедуру против неосторожных действий полиции за то, что они не предприняли надлежащих мер, чтобы задержать лицо, которое преследовало Ахмета Османа и его отца. В результате халатных действий полиции Ахмет Осман был ранен, а его отец убит. Иск был отклонен национальным судом на том основании, что полиции требуется иммунитет от иска в подобных ситуациях. Национальным судом было установлено, что наложение ответственности на полицейских может привести к ведению полицией «политики осторожности», когда защита от ущерба будет занимать большую часть времени, и в конечном итоге полиция вместо раскрытия преступлений будет уделять основное внимание своей защите от исков. По данному делу Европейский суд единогласно признал, что заявление об исключении ответственности без учета баланса общественных интересов ограничило право заявителя на доступ к правосудию в нарушение статьи 6 Конвенции.

5.4.3. Ограничение сроков возбуждения дела

Чрезмерно короткие сроки обращения могут являться нарушением права на доступ к суду и части 1 статьи 6 Конвенции. В деле *Stubbings and others v. the United Kingdom*¹⁶² заявители, которые ссылались на сексуальные домогательства в отношении них, когда они были детьми, жаловались на решение палаты лордов, которое устанавливало не подлежащий изменению 6-летний период для обращения в суд по делам такой категории, и это лишило их возможности впоследствии об-

¹⁵⁹ См. решение по делу *Ashingdane v. the United Kingdom* от 28 мая 1985 г.

¹⁶⁰ См. решение по делу *Golder v. the United Kingdom* от 21 февраля 1975 г.

¹⁶¹ См. решение по делу *Osman v. the United Kingdom* от 28 октября 1998 г.

¹⁶² См. решение по делу *Stubbings and others v. the United Kingdom* от 22 октября 1996 г.

ратиться в суд для определения их прав и обязанностей. Иски о возмещении ущерба были поданы с нарушением сроков давности, так как они осознали, что есть причина для возбуждения дела, после истечения сроков.

В данном деле Европейский суд хотя и признал, что ограничение сроков, так же, как и другие ограничения права доступа к Суду, может преследовать законную цель и являться пропорциональным, тем не менее отклонил аргументы заявителей:

Ограничение сроков по делам о возмещении ущерба личности относятся к общим элементам национальной правовой системы Высоких Договаривающихся Сторон. Они преследуют важные цели, в частности, гарантировать юридическую определенность, защищать потенциального ответчика от устаревших исков и предотвращать несправедливость, которая может возникнуть в случаях, когда суды рассматривают факты, которые происходили в далеком прошлом – на основе сомнительных доказательств, которые утратили свою силу из-за прошествия времени.

По мнению Суда, поскольку национальное право позволяло заявителям уже в возрасте 18 лет предъявлять иск в течение 6 лет и поскольку не было срока исковой давности по уголовным делам, назначение указанного срока исковой давности не наносит вреда сущности права на доступ к правосудию.

Аналогичное решение было принято в деле *Dobbie v. the United Kingdom*¹⁶³, где заявительница утверждала, что она не знала о том, что имела право на подачу иска за халатность медицинских работников в течение 15 лет после операции.

В деле *Stedman v. the United Kingdom*¹⁶⁴ Комиссия также считала, что установление двухгодичного периода для подачи иска о незаконном увольнении в суд и в промышленные трибуналы не является нарушением статьи 6 Конвенции, так как преследует законную цель – защиту работодателей от излишнего бремени – и является соразмерным. Однако в деле *Perez de Rada Cavanilles v. Spain*¹⁶⁵ Европейский суд признал нарушение статьи 6 Конвенции, так как срок исковой давности был установлен в отношении отдельного заявления, и такое установление не было обоснованным.

Таким образом, рассматривая вопросы ограничений, установленных в национальном праве для реализации права на доступ к суду,

¹⁶³ См. решение по делу *Dobbie v. the United Kingdom*, решение о неприемлемости жалобы от 16 октября 1996 г.

¹⁶⁴ См. решение по делу *Stedman v. the United Kingdom*, решение о неприемлемости жалобы от 9 апреля 1996 г.

¹⁶⁵ См. решение по делу *Perez de Rada Cavanilles v. Spain* от 28 октября 1998 г.

Европейский суд по правам человека предоставляет свободу усмотрения государству до тех пор, пока не задета сама сущность права на доступ к правосудию и есть альтернативные пути восстановления права, а сами установленные ограничения преследуют законные цели и этим целям пропорциональны.

В российской судебной практике некоторые проблемы возникают в связи с установлением срока обращения в суд за разрешением споров по трудовым делам. Срок, установленный для обращения в суд работника, составляет три месяца со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении его права, в то время как срок, установленный для обращения в суд работодателя с требованиями к работнику о возмещении вреда, причиненного организации, составляет один год¹⁶⁶. Сам по себе достаточно короткий срок для обращения в суд работника, возможно, не налагает препятствий на право доступа лица к правосудию, однако в сравнении с установленным в этой же статье сроком для обращения в суд работодателя данное условие создает сомнения в обоснованности установления такого ограниченного для защиты права работника срока.

Концепция права на доступ к правосудию, детально разработанная практикой Европейского суда по правам человека и продолжающая получать развитие в прецедентах Европейского суда, является правовой основой для защиты права на доступ к суду в условиях российской правовой реальности. При этом совершенствование российского законодательства и российской практики в сфере доступа к правосудию возможно как путем использования международного механизма защиты (обращения граждан и организаций в Европейский суд), так и путем использования норм и прецедентов Европейского суда в российском правоприменительном процессе.

¹⁶⁶ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации. Ст. 392; Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (Российская газета. 2001. 31 дек. № 256).

Глава 6

Независимость и беспристрастность суда: требования статьи 6 Европейской конвенции и их воплощение в российском законодательстве и судебной практике

*Елена Гончарова,
юрист Уральского центра конституционной
и международной защиты прав человека*

6.1. Понятие независимости суда

Справедливость судебного разбирательства обеспечивается и такой важной гарантией, как независимость и беспристрастность суда. Как и другие критерии справедливости, перечисленные в части 1 статьи 6 Конвенции, независимость и беспристрастность толкуются Европейским судом по правам человека с учетом особенностей и обстоятельств каждого рассматриваемого дела.

Критерии понятий «независимость» и «беспристрастность» выработаны прецедентной практикой Европейской комиссии и Европейского суда. Особенность названных критериев справедливости судебного разбирательства заключается в том, что, с одной стороны, Европейский суд разделил эти два понятия, выработав для каждого из них вполне определенные и четкие признаки. С другой стороны, Европейский суд при рассмотрении конкретных дел делает вывод о том, что понятия «независимость» и «беспристрастность» тесно связаны, и «Суд применительно к конкретному делу будет рассматривать их вместе»¹⁶⁷.

Независимость Европейский суд толкует как независимость суда от органов государственной власти и от сторон. Независимость суда в первом случае обеспечивается независимостью судебной власти от других ветвей власти, главным образом от исполнительной. Принцип, на котором основывается понятие независимости, заключается в разделении властей, но ни сама Конвенция, ни созданные в ее рамках органы не указывают на те условия, которые обеспечивают такое разделение.

Европейский суд, решая вопрос, был ли суд независимым, оценивает «способ назначения его членов; сроки пребывания в должности; существование гарантий от внешнего давления; наличие у органа внешних признаков независимости»¹⁶⁸.

Для определения независимости суда решающее значение имеет положение судей: если они в любой момент своей деятельности могут быть

¹⁶⁷ См решение по делу *Findley v. the United Kingdom* от 25 февраля 1997 г.

¹⁶⁸ См. решение по делу *Bryan v. the United Kingdom* от 22 ноября 1995 г.

отстранены от выполнения своих функций по решению органов исполнительной власти или другими внесудебными органами, то независимость суда не является обеспеченной. Следовательно, гарантией независимости суда является наличие в национальном законе срока полномочий судей, в течение которого они не могут быть произвольно освобождены от выполнения своих функций представителями исполнительной власти. Если исполнительная власть может в любой момент оказать влияние на ход судебного процесса, устранив судью, рассматривающего дело не так, как это устраивает исполнительную власть, то о независимости говорить не приходится. Кроме того, если судьи или суды подвергаются контролю или находятся под влиянием внесудебных структур, то может иметь место нарушение части I статьи 6 Конвенции.

К числу факторов, свидетельствующих о наличии такого контроля, Европейский суд относит условия оплаты судей, возможность получения судами инструкций от других ветвей власти или угрозы перевода судей на другие должности в случае, если решение не будет соответствовать ожиданиям или инструкциям.

Важно помнить, что гарантии независимости судебной власти от власти исполнительной должны быть предусмотрены в законе так же, как и процедура назначения судей на должность, закрепление их полномочий, чтобы исключить возможность произвольного перераспределения компетенции между судами по решению исполнительных органов.

В деле *Beaumartin v. France*¹⁶⁹ Государственный совет передал решение вопроса о толковании договора Министерству иностранных дел и отклонил жалобу заявителя на основании данного толкования. Европейский суд определил, что заявители были лишены права на справедливое разбирательство их дела по следующим основаниям:

*По смыслу части I статьи 6 в качестве «суда» может быть назначено только учреждение, которое обладает всей полнотой юрисдикции и отвечает ряду требований, таких, как независимость от исполнительной власти, а также от сторон*¹⁷⁰.

В деле *Findley v. the United Kingdom*¹⁷¹ заявитель был обвинен в нападении с оружием на солдат своего подразделения, сопряженным с угрозой убийства. Решение о выдвигении обвинения против господина Финдли было принято военным должностным лицом-офицером, имеющим право созывать заседания военного трибунала. Созывающий

¹⁶⁹ См. решение по делу *Beaumartin v. France* от 24 ноября 1994 г.

¹⁷⁰ См. там же.

¹⁷¹ См. решение по делу *Findley v. the United Kingdom* от 25 февраля 1997 г.

офицер назначил офицера-обвинителя и членов военного трибунала, который состоял из председателя и четырех членов; все они были офицерами более низкого звания, чем созывающий офицер, и служили под его командованием. Службой юрисконсульта короны по военному и морскому праву был назначен также консультант по вопросам военного судопроизводства, барристер, чья роль заключалась в юридической помощи военному трибуналу. Соответственно заявитель жаловался на нарушение части 1 статьи 6 Конвенции, в том числе и на нарушение принципа независимости суда.

В этом деле Суд тщательно проанализировал все факторы, влияющие на независимость военного трибунала, в частности анализу подверглись полномочия созывающего трибунал офицера. Именно характер его полномочий и стал определяющим в решении вопроса, была ли обеспечена независимость военного трибунала или нет:

Суд отмечает, что созывающий военный трибунал офицер, чья компетенция определялась в соответствии с применявшимися в то время нормами, играл значительную роль до начала слушаний по делу господина Финдли. Он решал, какие обвинения должны быть предъявлены и какой тип военного трибунала лучше всего подходит для данного дела. Он созывал военный трибунал, назначал его членов, а также офицеров, осуществлявших обвинение и защиту.

Согласно действовавшим тогда нормам в его задачу входила подготовка для обвинителя и консультанта по военному судопроизводству резюме доказательств по делу, причем он имел право отмечать в показаниях те из них, которые могли быть объявлены неприемлемыми. Он обеспечивал участие на суде свидетелей обвинения, а также тех свидетелей, которых «обоснованно требовала» защита. Таким образом, созывающий офицер был центральной фигурой в этом деле¹⁷².

Независимость членов военного трибунала вызвала у Европейского суда озабоченность, поскольку помимо того, что все они были ниже по званию созывающего офицера и были назначены в состав трибунала по его распоряжению, они могли быть распущены до или после суда также по воле созывающего офицера. Суд посчитал существенным в этом деле то обстоятельство, что офицер, созывающий трибунал, действует и как офицер, утверждающий его решения. Приговор военного трибунала вступает в силу лишь после такого утверждения, причем офицер вправе изменять приговор так, как считает целесообразным. В итоге Европейский суд сделал следующие выводы:

Для веры в независимость и беспристрастность суда важны внешние признаки. Поскольку все члены военного трибунала, который ре-

¹⁷² См решение по делу *Findley v. the United Kingdom* от 25 февраля 1997 г.

шал дело господина Финдли, были ниже по званию созывающего офицера и находились под его началом, сомнения господина Финдли по поводу независимости и беспристрастности суда объективно оправданы.

...Требование к членам военного трибунала принести присягу не является достаточной гарантией независимости. Указанные недостатки не компенсировались последующим судебным контролем, обеспечивающим гарантии, предусмотренные частью 1 статьи 6, «утверждающий» офицер был тем же самым лицом, что и созывающий офицер, а в состав надзорного органа входили офицеры вооруженных сил...

...Это (возможность отмены решения трибунала созывающим офицером. – Е. Г.) противоречит глубоко укоренившемуся принципу, что право принимать обязывающие решения, которые не могут быть изменены несудебными властями, является неотъемлемым правом самого суда и представляет собой один из компонентов той «независимости», которую требует часть 1 статьи 6.

...Не устраняются перечисленные пороки организации военных трибуналов и участием консультанта по военному судопроизводству, который в состав трибунала не входит и чьи рекомендации трибуналу не предаются огласке¹⁷³.

Требование независимости и беспристрастности в равной степени распространяются как на постоянно действующие судебные органы, так и на суд присяжных, если в соответствии с национальным законодательством дело должно быть разрешено с участием присяжных заседателей.

В деле *Holm v. Sweden*¹⁷⁴ Суд пришел к выводу о нарушении принципа независимости и беспристрастности суда в связи с особой процедурой формирования состава суда присяжных для рассмотрения дела заявителя.

Заявитель выдвинул частное обвинение в клевете против автора – издателя книги, в которой утверждается, что заявитель, господин Хольм, является членом нацистско-фашистской группы. Автор книги, против которого Хольм выдвигал обвинение, являлся советником по идеологическим вопросам политической партии, против которой активно и публично выступал господин Хольм. В ответ на просьбу защиты о ведении дела судом присяжных господину Хольму были предложены на выбор два списка присяжных заседателей: первый из этих списков более чем наполовину состоял из фамилий членов партии; во втором они составляли менее половины. В окончательный список при-

¹⁷³ См решение по делу *Findley v. the United Kingdom* от 25 февраля 1997 г.

¹⁷⁴ См. решение по делу *Holm v. Sweden* от 25 ноября 1993 г.

сяжных вошли пять действующих членов партии. Всего присяжных было девять. Из обстоятельств данного дела явно следует, что суд присяжных, связанный с ответчиком по делу членством в одной политической партии, заранее не был независимым. По мнению Европейского суда, правосудие должно не только осуществляться независимо, независимость должна быть видимой. По этому делу Суд постановил, что:

*...Опасения заявителя относительно того, что такой суд присяжных не является независимым и беспристрастным, являются объективно оправданными, и, следовательно, имеет место нарушение части 1 статьи 6 Конвенции*¹⁷⁵.

В деле *Sramek v. Austria*¹⁷⁶ спор, вытекающий из договора, предметом которого был земельный участок, рассматривался судом по имущественным сделкам. В состав суда входил сотрудник правительственного учреждения одной из земель Австрии. Именно этот член суда по своему служебному положению в профессиональной деятельности был подчиненным по отношению к стороне, с которой у заявителя, господина Шрамека, возник спор. Суд в этом деле сделал важный вывод:

*...Хотя срок полномочий членов суда по имущественным сделкам является ограничительным и они могут быть уволены, этих фактов недостаточно для того, чтобы подвергать сомнению независимость и беспристрастность членов этого суда*¹⁷⁷.

Хотя, если оценивать эти же самые обстоятельства с субъективной точки зрения, то у любого разумного человека такой состав суда может вызвать сомнения относительно его независимости. В связи с этим Суд указал, что

...В этих обстоятельствах участники процесса могут иметь законные сомнения в независимости данного лица. Подобное положение наносит серьезный ущерб доверию, которое должны внушать судебные учреждения в демократическом обществе.

В деле *Langborger v. Sweden*¹⁷⁸ заявитель, жилец многоквартирного дома, возбудил дело об исключении из своего договора аренды «положения о переговорах о квартирной плате», согласно которому он и домовладелец были связаны соглашениями о квартирной плате, достигнутыми между Национальным союзом квартиросъемщиков и Союзом домовладельцев. Двое из четырех судей, заседавших в жилищно-арендном суде, были «внештатными заседателями», один из кото-

¹⁷⁵ См. решение по делу *Holm v. Sweden* от 25 ноября 1993 г.

¹⁷⁶ См. решение по делу *Sramek v. Austria* от 22 октября 1984 г.

¹⁷⁷ См. там же.

¹⁷⁸ См. решение по делу *Langborger v. Sweden* от 22 июня 1989 г.

рых был назначен Союзом квартиросъемщиков, а другой – Союзом домовладельцев. Несмотря на то, что каждый заседатель действовал в личном качестве, оба они были связаны с назначившими их союзами. Каждый из этих союзов был заинтересован в сохранении положений о переговорах, которые опротестовывал заявитель. Поскольку заявитель добивался исключения этого положения из своего договора аренды, он мог вполне реально опасаться, что у внештатных заседателей имеется общий интерес, противоположный его собственному. Суд констатировал нарушение части 1 статьи 6, указав, что

...Если даже некоторые лица имеют соответствующую квалификацию для рассмотрения данного дела и даже если нет субъективных оснований сомневаться в их честности, важно, чтобы сохранялась внешняя сторона независимости и беспристрастности¹⁷⁹.

Таким образом, в делах *Holm v. Sweden*, *Sramek v. Austria*, *Langborger v. Sweden* четко прослеживается такой аспект независимости суда, как независимость от сторон, участвующих в деле. Позиция Европейского суда в таких делах вполне определена: даже если член или члены суда обладают высокой квалификацией для рассмотрения конкретного спора, если они не дают своим поведением, тактикой ведения судебного процесса оснований сомневаться в их независимости, беспристрастности, одно только обстоятельство профессиональной подчиненности члена суда одной из сторон в деле является достаточным поводом для возникновения сомнений в независимости и заинтересованности судьи в исходе дела. И, может быть, в действительности конкретный судья (или член состава суда) рассмотрел бы данное дело именно как независимый суд, не принимая во внимание свою профессиональную связь с одной из сторон по делу. Если использовать юридический язык, то можно сказать, что общеизвестным фактом, не требующим доказывания, является то, что профессиональная подчиненность судьи одной из сторон по делу предопределяет зависимость суда от этой стороны. Наличие профессиональных взаимоотношений будет достаточно, чтобы заявитель воспринял ситуацию как нарушающую его право на независимый и беспристрастный суд.

Европейский суд рассмотрел несколько дел, связанных с применением части 1 статьи 6 Конвенции в отношении административных органов, наделенных, в соответствии с национальным законодательством, правом «определять гражданские права и обязанности». В соответствии с законодательством многих европейских государств такие административные органы наделены разнообразными функциями, начиная от рассмотрения гражданских дел и заканчивая разработкой общеобяза-

¹⁷⁹ См. решение по делу *Langborger v. Sweden* от 22 июня 1989 г.

тельных правил, контролем за их исполнением. По своей сущности эти органы ближе к исполнительной власти, в связи с чем возникают вопросы о независимости и беспристрастности членов административных органов при рассмотрении споров.

Дело *Campbell and Fell v. the United Kingdom*¹⁸⁰ касалось дисциплинарных нарушений правил внутреннего распорядка тюрьмы. Заявители, господин Кэмпбелл и господин Фелл, были признаны виновными в причинении телесных повреждений тюремному персоналу во время протеста нескольких заключенных. Дело о дисциплинарном нарушении рассматривалось в Совете посетителей, по решению которого их подвергли наказанию. Наказание представляло собой утрату права на существенное сокращение срока заключения, обычно предоставляемого за хорошее поведение.

В своих жалобах заявители помимо иных нарушений указывали на то обстоятельство, что Совет посетителей не является независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. По их мнению, советы практически являются инструментом исполнительной власти, многие их функции контролируются администрацией тюрем. Советы также обязаны выполнять директивы министра внутренних дел. Таким образом, советы не являются независимыми при исполнении судебных функций, т. е. при рассмотрении дел о дисциплинарных нарушениях заключенных.

Европейская комиссия, рассмотрев жалобу, пришла к выводу, что недостаточно провозгласить независимость и беспристрастность. Для того чтобы быть действительно независимым, орган не должен зависеть от исполнительной власти при осуществлении своих функций. Только такая независимость гарантирует справедливое разбирательство. По мнению Комиссии, Совет не обладает необходимой независимостью по следующим причинам:

*Во-первых, его члены назначаются министром внутренних дел на определенный период времени и, очевидно, могут быть заменены в течение этого срока. Во-вторых, хотя Совет и не является частью администрации, тем не менее при выполнении своих функций он осуществляет столь тесный повседневный контакт с официальными тюремными властями, что может быть отождествлен с администрацией тюрьмы*¹⁸¹.

Европейский суд при рассмотрении жалобы заявителей подтвердил критерии, уже ранее использовавшиеся для определения независимости суда:

¹⁸⁰ См. решение по делу *Campbell and Fell v. the United Kingdom* от 28 июня 1984 г.

¹⁸¹ См. там же.

При определении того, может ли этот орган считаться «независимым» как от исполнительной власти, так и от сторон в деле, Суд считает важной процедуру назначения членов Совета посетителей, продолжительность службы в этом качестве, существование гарантий от давления на них, а также то, имеет ли данная организация внешние атрибуты независимости¹⁸².

Суд проанализировал все вышеобозначенные критерии «независимости» и пришел к выводу, что нарушения части 1 статьи 6 не было, поскольку:

1) тот факт, что члены Совета назначаются министром внутренних дел, не свидетельствует о зависимости Совета от исполнительной власти. В ином случае, по мнению Европейского суда, любой судья, назначенный на свою должность по рекомендации представителя исполнительной власти, будет считаться «зависимым»;

2) директивы и инструкции, которые вправе принимать министр внутренних дел для Советов, не являются для них обязательными при принятии решений судебного характера;

3) члены Совета работают в этом качестве в течение трех лет или менее продолжительный период в зависимости от решения министра внутренних дел. Этот срок является относительно непродолжительным, но Суд в этом случае принял во внимание другое обстоятельство: то, что члены Совета работают в своем качестве на безвозмездной основе. Поэтому трудно было бы найти людей, которые бы согласились работать на таких условиях более продолжительный период времени;

4) положения национального законодательства Бельгии не предусматривают оснований для освобождения членов Совета от должности, а также гарантий невозможности их досрочного отзыва. Существование самой возможности по решению министра внутренних дел досрочного прекращения полномочий членов Совета не может рассматриваться как какое бы то ни было посягательство на принцип независимости членов Совета при исполнении ими функций судебного характера. Таким образом, даже если несменяемость судей формально не установлена на уровне закона, это еще не предполагает их зависимости от исполнительной власти при условии, что этот принцип фактически признается и что существуют другие гарантии несменяемости судей;

5) сложность в вопросе о независимости Совета от исполнительной власти представляет то, что Совет обладает одновременно функциями судебными и надзорными. Действительно, Совет при осуществлении своих надзорных функций достаточно часто контактирует с тюрем-

¹⁸² См. решение по делу *Campbell and Fell v. the United Kingdom* от 28 июня 1984 г.

ными служащими, равно как и с заключенными. Впечатление, которое может создаться у заключенных о якобы тесной связи Совета с тюремной администрацией, является весомым фактором для применения формулы части 1 статьи 6, что «*правосудие не только должно осуществляться, но должно быть видно, что оно осуществляется*». Однако такое восприятие заключенными роли Советов не является достаточным для вывода об отсутствии «независимости».

Таким образом, Европейский суд указал, что для признания нарушения принципа независимости недостаточно одного лишь факта контактов членов Совета с администрацией тюрьмы, поскольку такого рода контакты у членов Совета существуют и с заключенными.

По изложенным выше причинам в этом деле Суд не признал и нарушение принципа беспристрастности суда:

*Совет посетителей не проводил каких-либо дисциплинарных разбирательств в отношении заявителя до 6 октября 1976 г., когда он впервые приступил к рассмотрению его дела. В том, как оно было организовано, Суд не видит ничего, что могло бы оказать отрицательное влияние на объективную беспристрастность Совета*¹⁸³.

Суд также пришел к выводу об отсутствии оснований для признания нарушений принципа независимости суда в деле *Piersack v. Belgium*¹⁸⁴, в котором заявитель утверждал, что он стал жертвой нарушения части 1 статьи 6 Конвенции, поскольку суд, рассматривавший его дело, не был «независимым судом, созданным на основании закона». Это утверждение заявитель основывал на том, что председатель суда ассизов, который вынес ему приговор, участвовал в указанном деле на более ранней стадии в качестве заместителя Королевского прокурора:

*Согласно указанию заявителя, суд, который осудил его 10 ноября 1978 г., не был «независимым судом». С этим утверждением, в обоснование которого он не представил никаких подтверждающих его доказательств, нельзя согласиться. В соответствии с Конституцией (статьи 99, 100) и по закону три профсоюзных судьи, которые входят в суд ассизов, пользуются широкими гарантиями, направленными на то, чтобы защитить их от внешнего давления, и этим же целям служат некоторые из весьма жестких правил, регулирующих назначение состава этого суда (статьи 217–253 Судебного кодекса)*¹⁸⁵.

Решение Суда по делу *Piersack v. Belgium* позволяет сделать два важных вывода для подготовки и ведения дела в Европейском суде.

1. При определении соблюдения критерия «независимости» Суд бу-

¹⁸³ См. решение по делу *Campbell and Fell v. the United Kingdom* от 28 июня 1984 г.

¹⁸⁴ См. решение по делу *Piersack v. Belgium* от 1 октября 1982 г.

¹⁸⁵ См. там же.

дет анализировать национальное законодательство с точки зрения его соответствия стандартам части 1 статьи 6 Конвенции. Закон государства может детально прописать процедуру назначения судей на должности, ведения процесса, гарантии независимости, как они понимаются в данном государстве. Европейский суд может прийти к выводу, что национальный суд, рассматривавший дело, был создан на основании закона, но сам закон не соответствует требованиям Конвенции, поскольку не обеспечивает каждому лицу рассмотрение дела «независимым» судом.

2. Если заявитель считает себя жертвой нарушения принципа «независимости» суда, то обязанность доказать и представить аргументы, подтверждающие эту позицию, лежит на нем. В ином случае Европейский суд ограничится только анализом национального законодательства, не принимая во внимание правоприменительную практику.

В некоторых делах Европейский суд рассматривал понятие независимости суда в аспекте понимания самой сути национального судебного органа, рассматривающего конкретное дело. Суд как орган, определяющий гражданские права и обязанности и рассматривающий предъявляемые уголовные обвинения, должен обладать рядом качеств. В деле *Belilos v. Switzerland*¹⁸⁶ Суд сформулировал требования, вкладываемые в понятие «суд»:

«Суд», как его понимает сложившаяся практика Европейского суда, это юрисдикционный орган, решающий вопросы, отнесенные к его компетенции на основе норм права, в соответствии с установленной процедурой.

Применительно к конкретным обстоятельствам дела отсутствие указанных характеристик суда приводит к тому, что суд не может быть независимым.

Так, в деле *Van de Hurk v. Netherlands*¹⁸⁷ заявитель утверждал, что предоставление органам исполнительной власти возможности не выполнять решения, принимаемые судебными органами, является нарушением части 1 статьи 6 Конвенции. Европейский суд с этим согласился, связав требование независимости с понятием определения права или обязанности:

Право принимать обязательное для исполнения решение, которое не может быть изменено несудебным органом в ущерб отдельной стороне, содержится в самом понятии «суд», что подтверждает слово «определение». Это право может также рассматриваться как один из элементов «независимости», предусмотренной частью 1 статьи 6.

¹⁸⁶ См. решение по делу *Belilos v. Switzerland* от 29 апреля 1989 г.

¹⁸⁷ См. решение по делу *Van de Hurk v. Netherlands* от 19 апреля 1994 г.

6.2. Беспристрастность суда

В ранее упоминавшемся деле *Piersack v. Belgium* Суд не усмотрел нарушения принципа независимости в том, что председатель суда ассизов ранее участвовал в деле по обвинению заявителя в качестве заместителя Королевского прокурора¹⁸⁸. Оценивая доводы заявителя о нарушении принципа непристрастности, Европейский суд пришел к несомненно иным выводам. Но прежде всего Европейский суд провел различие между объективными и субъективными факторами, которые следует использовать при определении непристрастности судей.

*Несмотря на то, что непристрастность обычно означает отсутствие предубеждения или пристрастия, ее отсутствие или, наоборот, наличие, может быть проверено различными способами в соответствии с частью 1 статьи 6 Конвенции. В данном контексте можно провести различие между субъективным подходом, отражающим личные убеждения данного судьи по конкретному делу, и объективным подходом, который определяет, имелись ли достаточные гарантии, чтобы исключить какие-либо сомнения по этому поводу»*¹⁸⁹.

Итак, объективная непристрастность означает видимую (или внешнюю) непристрастность суда, исключающую любые сомнения. Именно она наиболее тесным образом связана с принципом независимости суда. Субъективная непристрастность – личное отношение члена суда к рассматриваемому делу, к заявителю. Она презюмируется до тех пор, пока не доказано обратное.

Далее речь пойдет о тех случаях, когда судья, рассматривающий дело, ранее участвовал в этом деле, но выполнял отнюдь не судейские функции, а функции иных должностных лиц. Дела, рассмотренные Европейским судом, в которых заявители утверждали, что имело место нарушение принципа непристрастности суда, как правило, связаны с тем, что судья, рассматривающий дело, ранее участвовал в этом деле в ином качестве – как следователь или прокурор.

Идея, согласно которой в составе справедливого суда не должно быть лиц, ранее участвовавших в разбирательстве, основана на предположении, что люди склонны придерживаться прежнего мнения даже в иной роли. В этом смысле они будут оценивать себя при рассмотрении соответствующего дела, нарушая общий принцип права, согласно которому никто не может быть судьей в собственном деле.

В решениях, посвященных этому вопросу, Европейский суд выяснял, какой объем предшествующего участия судьи отвечает требованиям сохранения непристрастности согласно части 1 статьи 6. При

¹⁸⁸ См. решение по делу *Piersack v. Belgium* от 1 октября 1982 г.

¹⁸⁹ См. там же.

рассмотрении каждого дела Суд изучал конкретные действия судьи на предыдущих этапах разбирательства, чтобы определить, есть ли разумные основания считать такое участие создающим вероятность, что у судьи сложилось негативное мнение в отношении обвиняемого.

Таким образом, позиция Европейского суда основана на признании права за судьей участвовать на иных стадиях уголовного разбирательства, но при условии, что такое участие не противоречит принципу беспристрастности суда. Иными словами, участие судьи на предыдущих стадиях уголовного преследования не должно приводить к формированию у судьи определенной негативной позиции по делу не в пользу обвиняемого. Так же как и при проверке соблюдения принципа независимости, Суд в подобных ситуациях будет исходить из возможной вероятности формирования у судьи определенной позиции по делу. Совсем не обязательно, что такая позиция действительно сформировалась у судьи. Подход Европейского суда в этом вопросе заключается в том, что обстоятельства и условия, в которых судья участвовал в деле на предыдущих стадиях, давали ему объективную возможность такое мнение сформировать, а следовательно, внешних признаков беспристрастности нет, и заявитель может вполне обоснованно сомневаться в отсутствии беспристрастности. Таким образом, для установления нарушения принципа беспристрастности Суд принимает во внимание степень участия члена суда в расследовании уголовного обвинения в качестве следователя или прокурора.

В деле *Piersack v. Belgium*¹⁹⁰ заявитель еще в национальном суде Бельгии указывал на нарушение принципа беспристрастности, поскольку председателствующий в судебном заседании ранее участвовал в этом деле в качестве заместителя королевского прокурора и возглавлял секцию прокуратуры, которая вела предварительное расследование по обвинению заявителя в убийстве. Однако Кассационный суд Бельгии не принял во внимание данное обстоятельство, так как посчитал, что представленные документы не свидетельствовали об участии председателствующего в деле в качестве заместителя Королевского прокурора.

Европейский суд, напротив, установил в данном деле нарушение принципа беспристрастности суда:

Тем не менее этот критерий (видимо, речь идет о критерии, избранном Кассационным судом Бельгии для оценки доводов о г-на Пьерсака о нарушении принципа беспристрастности, т. е. о письменных доказательствах. – Е. Т.) не вполне удовлетворяет цели части 1 статьи 6. Для того чтобы суды могли внушать общественности необ-

¹⁹⁰ См. решение по делу *Piersack v. Belgium* от 1 октября 1982 г.

ходимое доверие, следует учитывать также вопросы их внутренней организации. Если судья по характеру прежней работы в прокуратуре мог иметь дело с данным случаем и впоследствии принимает участие в его рассмотрении, общественность вправе опасаться отсутствия достаточных гарантий беспристрастности¹⁹¹.

В этом деле Суд пришел к выводу, что один лишь факт, что судья когда-то работал в прокуратуре, еще не является основанием сомневаться в его беспристрастности. Необходимо установить роль и характер его полномочий, степень влияния на принимаемые решения, и только после этого можно сделать вывод о соблюдении либо несоблюдении требования беспристрастности. Как вышестоящий начальник прокуроров, расследовавших дело заявителя, он был вправе вносить любые поправки в направляемые в суд по этому делу документы, обсуждать с ними позицию, которую следует занять по делу, давать им советы по вопросам права. Кроме того, он играл заметную роль в судебном разбирательстве по делу. В частности, как председательствующий суда он пользовался во время совещаний и слушаний обширными полномочиями, в том числе дискреционными в силу национального закона, по вынесению решения вместе с другими судьями о виновности заявителя. На основании исследованных обстоятельств дела Европейский суд пришел к выводу, что нарушение части 1 статьи 6 (принципа беспристрастности суда) имело место.

Одним из первых дел, в котором Суд разрешал вопрос, насколько участие судьи на предшествующих стадиях процесса в ином качестве может влиять на беспристрастность суда, было дело *De Cubber v. Belgium*¹⁹². В этом деле один из трех судей, судивших заявителя за подлог, ранее выступал в роли так называемого «судьи-следователя» по данному делу и как таковой отвечал за предварительное следствие. В соответствии с бельгийским правом судья-следователь уполномочен вызывать обвиняемого или выдавать ордер на его задержание, доставку в суд или арест, допрашивать обвиняемого, заслушивать свидетелей, проводить с ними очные ставки, осматривать место преступления, входить в помещения и производить в них обыск, изымать доказательства и т. п.

Перечисленные полномочия судьи-следователя со всей определенностью свидетельствуют о том, что закон позволяет судье-следователю принимать активное участие в расследовании уголовного преступления. И не важно, что на стадии расследования в обязанности судьи-следователя входит собирание доказательств, не только избобляю-

¹⁹¹ См. решение по делу *Piersack v. Belgium* от 1 октября 1982 г.

¹⁹² См. решение по делу *De Cubber v. Belgium* от 26 октября 1984 г.

щих вину обвиняемого, но и оправдывающих его; суть заключается в том, что судья-следователь имеет возможность знакомиться со всеми доказательствами, в том числе и не в пользу обвиняемого.

Таким образом, справедливый баланс между обвинением и защитой не соблюдается, поскольку судья, ранее выступавший в роли судьи-следователя, все доказательства, предъявляемые защитой и обвинением, будет воспринимать так, как он воспринимал их еще будучи следователем, он будет анализировать принятые следственные постановления, составленные им же, и, естественно, в случае обнаружения, например, процессуальной ошибки судья не будет исключать такие постановления из списка доказательств. Описанная ситуация именно такова, какой воспримет ее обвиняемый после того, как станет ясно, что судья, который будет вести судебный процесс, участвовал в его деле в качестве судьи-следователя. И объективные причины к такому восприятию ситуации есть; но Европейский суд утверждает, что не должно быть даже возможности сомневаться в беспристрастности суда. В данном деле Суд пришел к следующему выводу:

*Учитывая, что судья хорошо ознакомился с подробностями дела, обвиняемый вполне мог опасаться, что у судьи успеет сложиться мнение о его вине или невиновности, а также что он сможет непредсказуемо влиять на решение судебной инстанции, включая возможный пересмотр его собственных решений как судьи-следователя*¹⁹³.

На этом основании Суд признал, что было нарушено право заявителя на разбирательство его дела независимым и беспристрастным судом.

В деле *Fey v. Austria*¹⁹⁴ судья местного суда, которая вела дело по обвинению заявителя в мошенничестве, до этого допрашивала свидетеля регионального суда, когда расследовались более серьезные обвинения; она же производила ряд расследований по обвинениям, которые ему в конечном итоге предъявили, она же назначила дело к слушанию в суде. Вывод Европейского суда относительно такой ситуации был следующим:

...1) Личная беспристрастность судьи не оспаривалась. 2) Проведенный судьей допрос свидетеля регионального суда не был связан с рассмотрением существования обвинений против заявителя, и действия судьи до суда носили подготовительный характер, ограничиваясь приведением в окончательный порядок документов для слушания в суде. 3) Решение судьи о назначении дела к слушанию в суде не отражало ее убежденности в вероятности вины заявителя, а соответствовало тре-

¹⁹³ Решение по делу *De Cubber v. Belgium* от 26 октября 1984 г.

¹⁹⁴ См. решение по делу *Fey v. Austria* от 24 февраля 1993 г.

бованию, предусматривающему такие действия после проведения необходимого предварительного следствия. 4) Судья имела возможность составить какое-либо мнение о виновности заявителя только во время самого слушания дела, и поэтому опасения по поводу ее беспристрастности не были объективно обоснованы. 5) Таким образом, нарушения части 1 статьи 6 не было¹⁹⁵.

Таким образом, если меры, принимаемые судом до слушания дела, являются ограничительными и формальными и не свидетельствуют о том, что судья провел обширные следственные действия по делу, включая многочисленные допросы обвиняемого, как это было в деле *De Cubber v. Belgium*¹⁹⁶, то опасения по поводу беспристрастности суда не должны возникать. Примерно такой же вывод был сделан судом в деле *Padovani v. Italy*¹⁹⁷, где заявитель был арестован за хранение краденого. Допросивший его и двух других обвиняемых судья издал ордер на арест, возбудил против всех троих судебное дело. Этот же судья проводил разбирательство дела и признал заявителя, господина Падовани, виновным. Заявитель поставил перед Европейским судом вопрос о нарушении принципа беспристрастности судебного органа. В этом деле Комиссия установила нарушение части 1 статьи 6, однако Суд пришел к другому выводу и на этот раз, проявив свое нежелание трактовать предшествующее участие судьи в рассмотрении дела как основание для сомнения в его беспристрастности:

...Так как судья просто допросил этих трех обвиняемых и при издании ордера на арест руководствовался собственными показаниями заявителя, нарушения части 1 статьи 6 не было допущено¹⁹⁸.

Особый интерес представляет позиция Суда, изложенная в делах, связанных с уголовным обвинением, когда заявитель утверждал о нарушении права на беспристрастный суд на том основании, что судья, рассматривавший дело по существу в целях вынесения приговора (обвинительного или оправдательного), ранее принимал решение о заключении его под стражу или производил иные процессуальные действия, которые, с точки зрения обвиняемого, были направлены на то, чтобы установить его вину в совершении предъявляемого преступления.

В последующих делах Европейский суд продолжал обсуждать обозначенный вопрос применительно к различным обстоятельствам. Так, в деле *Hauschildt v. Denmark*¹⁹⁹ он постановил, что хотя датский судья принимал предварительные решения по уголовному делу, включая

¹⁹⁵ См. решение по делу *Fey v. Austria* от 24 февраля 1993 г.

¹⁹⁶ См. решение по делу *De Cubber v. Belgium* от 26 октября 1984 г.

¹⁹⁷ См. решение по делу *Padovani v. Italy* от 26 февраля 1993 г.

¹⁹⁸ См. там же.

¹⁹⁹ См. решение по делу *Hauschildt v. Denmark* от 24 мая 1989 г.

решение о содержании обвиняемого под стражей, требования статьи 6 не препятствуют такому судье председательствовать на процессе. В этом деле, в отличие от дела *De Cubber v. Belgium*²⁰⁰, отсутствуют обстоятельства, свидетельствующие о том, что судья вел преследование до суда. В Дании это входит в полномочия полиции и прокуроров, а не судей-следователей, как в Бельгии. Судья, ведущий дело до суда, просто решает, предъявлены ли достаточные доказательства, которые оправдывают задержание человека. Однако фактические обстоятельства дела свидетельствовали о том, что судья, беспристрастность которого была поставлена под сомнение заявителем, неоднократно принимал постановления на основании нормы закона, требовавшей для принятия решения по конкретному вопросу доказать «особо обоснованные подозрения». Суд постановил, что разница между этим выводом и тем, который пришлось бы делать судье на процессе, «незначительна», и в этих обстоятельствах имеет место нарушение части 1 статьи 6.

Таким образом, позиция Суда в этом вопросе следующая.

1. Одно то, что судья выносил решения до суда, нельзя считать оправданием опасений по поводу его беспристрастности.

2. Действительное значение имеют объем и характер решений, принимаемых судьей до судебного заседания по рассмотрению предъявленного обвинения по существу.

3. Решение о заключении под стражу, принятое до суда, не свидетельствует о наличии нарушения, если в этом решении судьи дают лишь краткую оценку имевшим место фактам с целью установить, существенны ли подозрения полиции и дают ли они основания опасаться, что обвиняемый скроется.

Личная беспристрастность как субъективное мнение судьи в отношении сторон спора презюмируется до тех пор, пока не доказано обратное. В деле *Remli v. France*²⁰¹ Суд установил нарушение принципа беспристрастности суда только на том основании, что национальный суд, рассматривавший дело господина Ремли, не провел должного расследования по заявлению его адвокатов. Суть дела заключалась в том, что заявитель является французом алжирского происхождения. За попытку бегства из тюрьмы и убийство охранника в отношении него было возбуждено уголовное дело, переданное в суд ассизов Роны. В ходе рассмотрения дела, в момент перерыва, один из членов жюри в беседе с другими членами жюри сказал, что он расист. Адвокаты заявителя просили суд зафиксировать высказывания расистского толка, приоб-

²⁰⁰ См. решение по делу *De Cubber v. Belgium* от 26 октября 1984 г.

²⁰¹ См. решение по делу *Remli v. France* от 23 апреля 1996 г.

шить к материалам дела письменное заявление М., которая не была связана с этим делом, но оказалась единственной свидетельницей произнесенной членом жюри фразы. Суд ассизов Роны отказал в удовлетворении первой просьбы, но распорядился о приобщении письменного заявления к делу. Европейский суд, рассмотрев жалобу господина Ремли, пришел к следующему выводу:

Поскольку суд ассизов не проверил факты, на которые ссылался заявитель, последний вполне может усомниться в его беспристрастности, и опасения заявителя в этом плане объективно оправданны. Следовательно, налицо нарушение части 1 статьи 6 Конвенции.

Утверждение судьи, что он является расистом, свидетельствует о его предвзятом мнении по отношению к представителям других рас. Естественно, что это влияет на его личную беспристрастность. Европейский суд, принимая решение по данному делу, ограничился констатацией фактов, что адвокаты заявителя обратили внимание суда на упомянутое высказывание, которое носит серьезный характер, и попросили его зафиксировать. Национальный суд отклонил эту просьбу, не вникнув в представленное ему доказательство под формальным предлогом, что он не может «приобщать к делу факты, имевшие место вне зала суда». Кроме того, суд не распорядился провести расследование по этому факту, в то время как он был уполномочен это сделать. Следовательно, заявитель не имел возможности ни добиться замены данного члена жюри на кого-либо из запасных, ни сослаться на вышеупомянутый факт в своей кассационной жалобе. Он не имел также возможности дать отвод вышеназванному лицу, поскольку состав жюри уже был образован, а подача апелляционной жалобы на решение суда ассизов невозможна.

Суд считает, что часть 1 статьи 6 Конвенции подразумевает, что любой национальный судебный орган в серьезных случаях, подобных этому, обязан проверять, является ли данный состав суда «беспристрастным судом» в свете этой статьи. Однако в данном случае суд ассизов Роны не провел такую проверку, создав, таким образом, ситуацию, противоречащую требованиям Конвенции. Этого уже достаточно, учитывая важность доверия, которое суды в демократическом обществе обязаны внушать представшим перед ними, чтобы Суд констатировал нарушение части 1 статьи 6²⁰².

В деле *Delcourt v. Belgium*²⁰³ заявитель жаловался на участие в его деле в Кассационном суде представителя Генеральной прокуратуры. Его роль заключалась в том, что он после выступления сторон по делу

²⁰² См. решение по делу *Remli v. France* от 23 апреля 1996 г.

²⁰³ См. решение по делу *Delcourt v. Belgium* от 17 января 1970 г.

представлял суду свое мнение. По этому делу Европейский суд установил, что такой порядок не подрывает независимость и беспристрастность Кассационного суда, поскольку подразделение генеральной прокуратуры является самостоятельной структурой, независимой от той части прокуратуры которая осуществляла уголовное преследование заявителя.

Спустя двадцать лет Европейский суд, рассматривая жалобу *Borgers v. Belgium*²⁰⁴, пересмотрел свою позицию в отношении участия представителя Генеральной прокуратуры, высказанную в предыдущем деле. В деле Боргерса Суд признал нарушение части 1 статьи 6, поскольку участие представителя Генеральной прокуратуры не обеспечивает справедливость судебного процесса, обвиняемый лишен возможности представить доводы в свою защиту, адвокат обвиняемого не имеет права ответить на замечания представителя Генеральной прокуратуры, и, таким образом, не обеспечивается «равенство сил» с обвинением. Иными словами, Суд, с одной стороны, оставил в силе выводы, сделанные в деле Делькурта, а с другой – фактически отменил их, поскольку в решении Суда было указано:

*Никто не оспаривает объективности функций Генеральной прокуратуры в Кассационном суде... Тем не менее мнение Генеральной прокуратуры нельзя считать нейтральным с точки зрения сторон в кассационном разбирательстве. Рекомендую удовлетворить или отклонить апелляцию обвиняемого, должностное лицо Генеральной прокуратуры объективно становится его союзником либо противником. Во втором случае часть 1 статьи 6 требует, чтобы уважались права защиты и принцип равенства сил*²⁰⁵.

Можно говорить о том, что в деле *Borgers v. Belgium*²⁰⁶ Суд рассмотрел природу принципа беспристрастности в несколько другом аспекте, чем в предыдущих делах.

В деле *Belilos v. Switzerland*²⁰⁷ Суд пришел к выводу о нарушении части 1 статьи 6 Конвенции. Суть дела заключалась в том, что заявительница по решению полицейской комиссии при муниципалитете была оштрафована за участие в несанкционированном митинге. Соответственно заявительница считала, что Комиссия при муниципалитете полностью зависима от полицейских властей, поскольку состоит из единственного полицейского чиновника, и не может не принимать сторону этих властей.

²⁰⁴ См. решение по делу *Borgers v. Belgium* от 30 октября 1991 г.

²⁰⁵ См. там же.

²⁰⁶ См. там же.

²⁰⁷ См. решение по делу *Belilos v. Switzerland* от 29 апреля 1988 г.

По своей сущности Комиссия действительно является административным органом, наделенным судебной функцией. Единственный член Комиссии назначается муниципалитетом, но, по мнению Суда, это совершенно не означает, что можно подвергнуть сомнению его независимость и беспристрастность, тем более что во многих странах – участниках Конвенции судьи назначаются исполнительной властью. Несмотря на то, что член Комиссии работает в личном качестве, при исполнении своих обязанностей он не подчиняется ни муниципалитету, ни полиции и в течение всего четырехлетнего срока работы в указанной должности он не подлежит увольнению, все же имеются обстоятельства, которые подрывают доверие к Комиссии:

...То, что член Комиссии мог взять на себя выполнение иных полицейских функций, ощущать свою подчиненность другим должностным лицам полиции и лояльность по отношению к коллегам, могло подорвать представление о его беспристрастности. Поскольку подсудимый мог обоснованно сомневаться в независимости и организационной беспристрастности управления полиции, требования части 1 статьи 6 не были выполнены²⁰⁸.

Подводя итоги, можно сказать, что Европейский суд по правам человека, рассматривая вопрос о беспристрастности суда в различных делах, недостаточно последовательно формулировал стандарты для принятия решения, достигло ли лицо, принимавшее решение, требуемого уровня «объективной беспристрастности» или нет.

Европейский суд по правам человека не признает нарушение принципа независимости и беспристрастности суда в том случае, если лицо, называющее себя жертвой нарушения части 1 статьи 6, не воспользовалось в национальном суде правом заявить отвод тому члену суда, в беспристрастности которого оно сомневается. Подтверждением этому служит дело *Bulut v. Austria*²⁰⁹, в котором председательствующий судья направил защитнику письмо, попросив ответить, не желает ли он заявить отвод одному из членов суда S., который участвовал в допросе двух свидетелей в ходе предварительного следствия, поскольку, согласно национальному законодательству, судья, проводивший судебное следствие, не может участвовать в рассмотрении дела по существу и должен быть отстранен от участия в процессе. На обращение председательствующего судьи защитник не ответил ни после первого письма, ни на стадии судебного разбирательства. В протоколе судебного заседания было зафиксировано, что стороны отказались от права ставить вопрос об отводе члена суда. Однако впоследствии защит-

²⁰⁸ Решение по делу *Belilos v. Switzerland* от 29 апреля 1988 г.

²⁰⁹ См. решение по делу *Bulut v. Austria* от 22 февраля 1996 г.

ник заявил о недействительности такого отказа, что не было принято во внимание председательствующим судьей.

В итоге рассмотрения данной жалобы Европейский суд установил:

1. Независимо от того, был ли заявлен отвод, нет основания ставить под сомнение подход, принятый внутренними судами, согласно которому такой отвод судьи, неправомочно участвовать в слушании, не может быть закономерно заявлен. 2. Суд не может презюмировать личную пристрастность судьи S., т. к. не было высказано никакого предположения о предубежденности или пристрастности с его стороны. 3. С учетом того, что S. а) не отвечал за подготовку дела к суду или за решение о необходимости предания заявителя суду и б) его роль не предусматривала никакой оценки доказательств или вынесения заключения о вовлеченности заявителя в преступление, опасения в отношении недостаточной беспристрастности суда объективно неправомерны. 4. В любом случае заявитель не мог заявить, что имеет законные основания сомневаться в беспристрастности суда, если он воздержался от отвода его состава, несмотря на его право это сделать. Таким образом, нарушения части 1 статьи 6 в этом отношении не было²¹⁰.

Итак, если национальное законодательство предусматривает право заявить отвод суду или члену суда в связи с тем, что сторона сомневается в беспристрастности и независимости, сторона, по крайней мере, должна воспользоваться этим правом, дабы публично заявить о своих сомнениях и существующих доказательствах. Вместе с тем Европейский суд по правам человека не рассматривает требования к заявлению отвода в качестве обязательного критерия для обращения с жалобой на нарушение части 1 статьи 6. Заявление об отводе и мнение национального суда по этому заявлению являются важными доказательствами того, что человек пытался оспорить факт несоответствия состава суда требованиям независимости и беспристрастности, но его доводы не были приняты во внимание, не была обеспечена тщательная процедура расследования доводов заявителя.

6.3. Принцип независимости и беспристрастности суда в российском законодательстве

Российское законодательство также закрепляет принципы независимости и беспристрастности суда в качестве основополагающих принципов гражданского и уголовного процесса. Прежде всего, статья 10 Конституции РФ закрепляет в качестве основ конституционного строя принцип разделения и самостоятельности законодательной, исполни-

²¹⁰ См. решение по делу *Bulut v. Austria* от 22 февраля 1996 г.

тельной и судебной власти²¹¹. Данный принцип означает самостоятельность соответствующих органов власти, принадлежащих к той или иной ветви, в осуществлении принадлежащих им полномочий, исключаяющих вмешательство одной ветви власти в деятельность другой. Независимость судебной власти от органов законодательной и исполнительной власти обеспечивается за счет запрета каким бы то ни было органам власти вмешиваться в осуществление судьями их полномочий, влиять на принимаемые судом решения.

Сложно привести пример из российской судебной практики, затрагивающий этот принцип. Но нарушение принципа разделения властей было предметом разбирательства в Европейском суде в 1994 г., когда рассматривалось дело *Stran Greek Refineries v. Greece*²¹². Компания «Стрэн» обратилась в суд, поскольку греческое правительство прекратило действие ранее заключенных между ним и заявителем договоров о строительстве завода, по которому правительство было обязано приобрести землю, но не выполнило своих обязательств. Требования компании «Стрэн» были удовлетворены судом. В период, когда правительство оспаривало решение национального суда, парламент Греции принял закон, который предусматривал, что все оговорки в договорах, заключенных в период военного режима, отменяются, судебные решения теряют свою юридическую силу, а все претензии, вытекающие из подобных договоров, подпадают под действие срока исковой давности. Европейский суд пришел к выводу, что вмешательство законодателя в данное дело произошло в то время, когда шел судебный процесс, в котором государство было одной из сторон:

*Принцип верховенства права и понятие судебного разбирательства, гарантированные статьей 6 Конвенции, препятствуют любому вмешательству со стороны законодательной власти в отправлении правосудия. Принятие парламентом закона сделало фактически невозможным изучение дела кассационной инстанцией. Следовательно, государство нарушило права заявителей, предусмотренные частью 1 статьи 6 Конвенции, осуществив вмешательство, которое стало решающим для того, чтобы предвосхитить благоприятный для государства результат судебного разбирательства, в котором оно было одной из сторон*²¹³.

Другой аспект независимости суда проявляется в запрете упразднить созданные суды как органы государственной власти. Статья 17 Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ» закрепляет правило, согласно которому упразднение судов возможно

²¹¹ См.: Конституция Российской Федерации. Ст. 10. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (Российская газета. 1993. 25 дек. № 237).

²¹² См. решение по делу *Stran Greek Refineries v. Greece* от 9 октября 1994 г.

²¹³ См. там же.

только путем внесения поправок в соответствующий раздел Конституции РФ²¹⁴. Но даже если решение об упразднении судов было принято, то фактически судебный орган не может быть ликвидирован до тех пор, пока предоставленные ему полномочия по рассмотрению споров, находящиеся в его производстве дела не будут переданы другому судебному органу.

В соответствии с Федеральным конституционным законом «О судебной системе РФ» судьи, присяжные, народные и арбитражные заседатели, участвующие в осуществлении правосудия, независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и законам²¹⁵. Гарантии их независимости устанавливаются Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом.

К числу гарантий, обеспечивающих независимость судебной власти и судей как носителей судебной власти, действующее законодательство относит:

1) установленный законом порядок формирования корпуса судей, присяжных и народных заседателей;

2) установленный порядок приостановления и прекращения полномочий судей;

3) несменяемость судей;

4) неприкосновенность судей;

5) ответственность за воздействие на суд с целью воспрепятствования всестороннему, полному и объективному рассмотрению конкретного дела;

6) установленную систему мер государственной защиты жизни, здоровья, имущества судей всех судов общей юрисдикции, народных и присяжных заседателей и их близких.

Порядок назначения судей на должности установлен как в Федеральном конституционном законе «О судебной системе»²¹⁶, так и в законе РФ «О статусе судей»²¹⁷. Он включает в себя несколько этапов.

1. Любой гражданин, соответствующий предъявляемым требованиям к кандидатуре на должность судьи, вправе сдать квалификационный экзамен экзаменационной комиссии, функционирующей при соответствующей квалификационной коллегии судей.

²¹⁴ См.: Федеральный конституционный закон «О судебной системе РФ» от 31 декабря 1996 г. в редакции от 15 декабря 2001 г. Первоначальный текст документа опубликован в «Российской газете» (1997. 6 янв. № 3), «Собрании законодательства РФ» (1997. 6 янв. № 1. Ст. 1).

²¹⁵ См.: Там же.

²¹⁶ См.: Там же.

²¹⁷ См.: Закон РФ «О статусе судей в РФ» от 26 июня 1992 г. в редакции от 15 декабря 2001 г. Первоначальный текст документа опубликован в «Российской газете» (1992. 29 июля. № 170).

2. Соответствующая квалификационная коллегия судей выдает рекомендацию о назначении на вакантную должность судьи.

3. Рекомендация квалификационной коллегии судей направляется председателю соответствующего суда, который в случае согласия вносит соответствующее представление о назначении кандидата на должность судьи, а в случае несогласия возвращает в квалификационную коллегия судей для повторного рассмотрения.

4. Назначение на должность судьи осуществляет Президент РФ на основании представления председателей соответствующих судов: если речь идет о назначении судей Верховного суда, то они назначаются по представлению председателя Верховного суда; судьи Высшего арбитражного суда и федеральных арбитражных судов назначаются по представлению председателя Высшего арбитражного суда РФ. Подробно этот порядок описан в статье 6 Федерального закона «О статусе судей в РФ».

Следует обратить внимание, что до принятия в декабре 2001 г. изменений в Законе «О статусе судей в РФ» судьи судов общей юрисдикции и иных арбитражных судов назначались на должности Президентом РФ с учетом мнения представительного органа субъекта РФ. Однако законом от 15 декабря 2001 г. действие этой нормы отменяется по истечении 6 месяцев с момента вступления в силу закона об органах судейского сообщества. Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в РФ» был принят 14 марта 2002 г., вступил в действие с момента официального опубликования 18 марта 2002 г. Таким образом, правило о том, что назначение кандидата на должность судьи производится с учетом мнения представительного органа субъекта РФ, действовало до 18 сентября 2002 г.

Учитывая, что Европейский суд по правам человека не признает в качестве нарушения принципа независимости судей такой порядок назначения судей на должности, когда кандидатуры судей предлагаются органами исполнительной власти; сложно объяснить мотивы лишения представительного органа субъекта РФ полномочий на согласование кандидатур на должности судей.

Таким образом, порядок назначения кандидатур на должность судьи подробно прописан в законе и соответствует стандартам статьи 6 Конвенции о независимости суда; этот порядок исключает воздействие органов исполнительной власти на процесс формирования судейского корпуса.

Порядок приостановления и прекращения полномочий судьи регламентируется Законом «О статусе судей РФ»²¹⁸. Статьи 14 и 15 закона

²¹⁸ См.: Закон РФ «О статусе судей в РФ» от 26 июня 1992 г., в редакции от 15 декабря 2001 г.

содержат исчерпывающий перечень оснований для приостановления и прекращения полномочий судьи, что исключает возможность произвольного ограничения полномочий судьи или расширительного их толкования. Приостановление и прекращение полномочий судьи осуществляется по решению соответствующей квалификационной коллегии судей в порядке привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, что установлено частью 1 статьи 12 Закона «О статусе судей в РФ».

Несменяемость судей позволяет исключить возможность органов власти в любой момент освободить судью от занимаемой должности или отстранить от рассмотрения конкретного дела в случае, если судья рассматривает спор не так, как это угодно заинтересованным лицам. Статья 15 Закона «О судебной системе РФ» устанавливает, что судья не может быть назначен на другую должность без его согласия²¹⁹. Тем самым законодатель гарантирует, что судья не может быть произвольно лишен возможности осуществлять свои полномочия по отправлению правосудия. Срок полномочий судьи не ограничен конкретным сроком, что служит дополнительной гарантией для реализации принципа несменяемости судей. Единственное ограничение, которое установлено законодателем, это предельный возраст пребывания в должности судьи – 65 лет.

Неприкосновенность судей в соответствии со статьей 16 Закона «О статусе судей в РФ»²²⁰ обеспечивается за счет гарантий неприкосновенности его личности, занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений).

Особый порядок привлечения судьи к уголовной ответственности также обеспечивает неприкосновенность судей. В частности, закон предусматривает специальную процедуру привлечения судьи к уголовной ответственности, в которой участвует генеральный прокурор, принимающий постановление о возбуждении уголовного дела, коллегия соответствующего суда в составе трех судей, которая дает заключение о наличии в действиях судьи признаков состава преступления, соответствующая квалификационная коллегия судей, которая уполномочена

²¹⁹ См.: Федеральный конституционный закон «О судебной системе РФ» от 31 декабря 1996 г. в редакции от 15 декабря 2001 г.

²²⁰ См.: Закон РФ «О статусе судей в РФ» от 26 июня 1992 г. в редакции от 15 декабря 2001 г.

дать согласие на возбуждение уголовного дела или отказать в этом. В отношении судей Конституционного суда РФ согласие на возбуждение уголовного дела дает Конституционный суд РФ.

Неприкосновенность судей обеспечивается запретом на привлечение судьи к уголовной ответственности за то мнение, которое было им высказано при осуществлении правосудия, если только вина судьи в вынесении заранее неправосудного судебного акта или злоупотребления полномочиями не была установлена приговором суда, вступившего в законную силу. Этот запрет существует даже после истечения сроков полномочий судьи.

Ответственность за воздействие на суд с целью воспрепятствования всестороннему, полному и объективному рассмотрению конкретного дела установлена статьей 294 Уголовного кодекса РФ²²¹. Любое вмешательство в деятельность суда с указанной целью является уголовно наказуемым деянием.

Представляется, что нарушение принципа независимости суда от других ветвей власти имеет место на уровне законодательного регулирования вопросов финансирования судебных учреждений. Статья 124 Конституции РФ предусматривает, что финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с Федеральным законом²²². Однако статья 2 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации»²²³ предусматривает, что законами субъектов РФ мировым судьям могут быть установлены дополнительные гарантии материального обеспечения и социальной защиты за счет средств бюджета субъекта РФ. Таким образом, независимость мировых судей от органов государственной власти субъектов РФ может быть поставлена под сомнение, поскольку решением именно этих органов власти будет определяться размер дополнительного финансирования мировых судей. Следовательно, можно предположить, что федеральный законодатель, приняв Закон «О мировых судьях в Российской Федерации», нарушил установленный Конституцией РФ принцип независимости судебной системы.

Какие средства использовать для решения обозначенной пробле-

²²¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. в редакции от 11 марта 2003 г. Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Собрание законодательства» (1996. 17 июня. № 25), «Российская газета» (1996. 18 июня. № 113; 19 июня. № 114; 20 июня. № 115; 25 июня. № 118).

²²² См.: Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

²²³ См.: Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ. Опубликован в изданиях «Собрание законодательства РФ» (1998. 21 дек. № 51. Ст. 6270); «Российская газета» (1998. 22 дек. № 242).

мы, сказать трудно. Гражданин, обращающийся за защитой нарушенного права к мировому судье, может и не знать о существующем несоответствии между конституционным принципом независимости суда и положением о финансировании мировых судей из бюджета субъекта РФ. А если и знает, то действующее процессуальное законодательство не предоставляет гражданину, например, право заявить отвод суду на основании нарушения принципа независимости мировых судей. Действительно, сложно найти и предоставить доказательства, подтверждающие, что финансирование мировых судей из бюджета субъекта РФ повлияло на справедливость, законность и обоснованность принятого судом решения. С нашей точки зрения автора, в данном случае нарушение принципа независимости мировых судей допускается самим фактом существования закона, разрешающего производить дополнительное финансирование мировых судей из бюджета субъекта РФ.

Статья 8 Гражданского процессуального кодекса РФ определяет, что судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону²²⁴. При этом независимость суда в конкретном деле понимается как ситуация, при которой суд выносит решение в условиях, исключающих какое-либо постороннее воздействие. Статья 194 ГПК РФ предусматривает, что решение суда принимается в совещательной комнате, в которой могут находиться лишь судьи, входящие в состав суда по данному делу²²⁵. Статья 360 ГПК РФ закрепляет такое же правило для вынесения определения судом кассационной инстанции²²⁶. Нарушение тайны совещательной комнаты является основанием для отмены решения суда в кассационном или надзорном порядке в соответствии со статьями 364 и 387 ГПК РФ²²⁷. Таким образом, принятие решения судом в совещательной комнате призвано обеспечить реализацию принципа независимости суда, вынесение решения в условиях, исключающих постороннее воздействие.

Вступивший в действие с 1 июля 2002 г. Уголовно-процессуальный кодекс РФ²²⁸ не закрепляет принцип независимости суда в качестве принципа уголовного процесса. Статья 16 ранее действовавшего УПК

²²⁴ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Опубликован в изданиях: «Собрание законодательства РФ» (2002. 18 нояб. № 46. Ст. 4532); «Парламентская газета» (2002. 20 нояб. № 220–221); «Российская газета» (2002. 20 нояб. № 220).

²²⁵ См.: Там же.

²²⁶ См.: Там же.

²²⁷ См.: Там же.

²²⁸ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

РСФСР²²⁹ устанавливала правило о независимости судей и народных заседателей, подчинении их только закону. Исключение принципа независимости из УПК РФ, конечно, не отменяет действие статьи 120 Конституции РФ, закрепляющей принцип независимости судей, в применении к уголовному процессу.

Принцип беспристрастности в гражданском процессуальном законодательстве упоминается в статье 12 ГПК РФ²³⁰, которая возлагает на суд обязанность, сохраняя беспристрастность, создать необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела.

Таким образом, беспристрастность с позиции принципа гражданского процесса заключается в отсутствии субъективного подхода суда (судьи) в оценке обстоятельств дела и доказательств, представленных сторонами. На практике же достаточно сложно, а то и невозможно обосновать, что суд оценил те или иные доказательства стороны по делу, нарушая принцип беспристрастности. Как правило, кассационная инстанция отменяет решение суда первой инстанции, указывая на то, что суд не устранил имеющиеся противоречия между, например, свидетельскими показаниями и письменными документами, имеющимися в деле. Или на том основании, что суд, оценивая доказательства по делу, применил норму права, не подлежащую применению для разрешения данного спора.

Можно говорить, что имело место нарушение принципа беспристрастности, когда суд не дал правовой оценки доказательствам, которые представлены стороной и имеют значение для дела. Но этот момент является спорным; скорее в приведенном примере может быть установлено нарушение принципа равенства сторон, входящего в понятие «справедливость судебного разбирательства».

Одним из средств оспаривания беспристрастности судьи или состава суда является право на заявление отвода судье или составу суда. Действующее гражданско-процессуальное законодательство разделяет основания, исключающие возможность участия судьи в рассмотрении конкретного дела, на две группы:

- 1) основания для отвода судьи, перечисленные в статье 16 ГПК РФ;
- 2) основания, не допускающие повторного участия судьи в рассмотрении дела, указанные в статье 17 ГПК РФ²³¹.

²²⁹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в редакции от 29 декабря 2001 г., с изменениями от 26 ноября 2002 г. Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Свод законов РСФСР» (Т. 8. С. 613); «Ведомости ВС РСФСР» (1960. № 40. Ст. 592).

²³⁰ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.

²³¹ См.: Там же.

ГПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень случаев, когда судья не может участвовать в рассмотрении конкретного дела по той причине, что он уже участвовал в данном деле, только в ином качестве. Статья 16 ГПК РФ исключает участие судьи в рассмотрении дела, если он при предыдущем рассмотрении данного дела участвовал в качестве свидетеля, эксперта, переводчика, представителя, прокурора, секретаря судебного заседания, если он является родственником сторон или других лиц, участвующих в деле, или представителей. Иными словами, статья 16 ГПК РСФСР называет те случаи, когда принцип субъективной беспристрастности нарушается, поскольку предшествующее участие судьи в ином качестве было достаточным, чтобы исключить беспристрастное рассмотрение спора между сторонами. Процессуальное положение в деле свидетеля или эксперта, прокурора или представителя в конкретном деле является достаточным, чтобы у судьи заранее сложилось мнение по данному спору в пользу той или иной стороны. В отличие от толкования, данного Европейским судом по правам человека принципу субъективной беспристрастности, статья 16 ГПК РФ не требует соблюдения пропорциональности участия судьи в ином качестве в данном деле и анализа содержания такого участия; является достаточным сам факт участия судьи в качестве прокурора, секретаря судебного заседания, свидетеля и т. д.

Таким образом, в данном случае статья 16 ГПК РФ устанавливает более высокие стандарты личной беспристрастности для судьи, чем часть 1 статьи 6 Конвенции. Это означает, что для Европейского суда по правам человека предшествующее участие судьи в качестве, например, свидетеля по данному делу (что составляет нарушение статьи 16 ГПК РФ) не будет являться безусловным основанием для признания нарушения части 1 статьи 6 Конвенции. Европейский суд будет оценивать обстоятельства дела по жалобе российского гражданина с точки зрения стандартов части 1 статьи 6 Конвенции, а не национального законодательства. А следовательно, будет применяться и принцип пропорциональности предшествующего участия судьи в качестве свидетеля, прокурора, эксперта и т. д., т. е. будет оцениваться, насколько предшествующее участие судьи в том или ином качестве могло способствовать формированию у судьи предвзятого мнения в отношении исхода дела. Здесь действует общий принцип, согласно которому Европейский суд применяет только стандарты Европейской конвенции, даже если национальный закон гарантирует более высокую степень защиты прав человека.

Наличие родственных отношений между судьей и одним из лиц, участвующих в деле, также позволяет говорить о невозможности судьи объективно рассмотреть спор, не принимая во внимание интересы тех лиц, с которыми он состоит в родственных отношениях. Возвращаясь к принципам, которые выработал Европейский суд по правам челове-

ка, следует отметить, что совсем не обязательно, что судья, который ранее участвовал в деле в ином качестве или который состоит в родственных отношениях с лицами, участвующими в деле, не сможет объективно рассмотреть конкретный спор. Сущность в том, что наличие таких обстоятельств дает человеку право справедливо сомневаться в беспристрастности судьи. Иными словами, возможность того, что судья рассмотрит дело беспристрастно, сводится до минимума, поскольку существуют вышеуказанные обстоятельства.

Если случаи, перечисленные в части 1 и части 2 статьи 16 ГПК РФ, являются точными и конкретными, то основание, указанное в части 3 статьи 16 ГПК РФ, вызывает на практике трудности как с толкованием, так и с доказыванием. Часть 3 статьи 16 закрепляет, что судья не может участвовать в рассмотрении данного дела, если он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе дела либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его беспристрастности. Указанное положение носит оценочный, даже субъективный характер. Назвать признаки, свидетельствующие о наличии у судьи личной, прямой или косвенной заинтересованности в исходе дела, сложно; в этом случае многое зависит от конкретных обстоятельств дела.

Так, например, в гражданском деле о восстановлении на работе муниципального служащего М. судья взяла самоотвод, мотивировав его ссылкой на следующие обстоятельства: «Судья неоднократно участвовала в рассмотрении гражданских дел по искам граждан о восстановлении на работе, в которых М. выступал в качестве ответчика, издававшего приказы об увольнении. В связи с тем, что все граждане были восстановлены на работе, а увольнения были признаны судом незаконными, у суда сложилось негативное отношение к М. как к лицу, систематически нарушающему и не соблюдающему действующее законодательство». Указанная судом в этом деле причина для принятия решения о самоотводе подпадает под *«иные обстоятельства, вызывающие сомнение в беспристрастности суда»*. Второй судья взял самоотвод в этом деле на том основании, что он рассматривал жалобу М. на постановление о заключении под стражу. Дело М. о восстановлении на работе было тесно связано с возбужденным в отношении него уголовным делом; по сути, само увольнение с должности муниципального служащего было следствием возбужденного в отношении М. уголовного дела. Несмотря на то, что судья вынес постановление об отмене постановления о заключении М. под стражу, его решение о самоотводе было мотивировано невозможностью беспристрастно рассмотреть дело по иску М. о восстановлении на работе, поскольку судья уже ознакомился с материалами уголовного дела; его мнение о совершении М. противозаконного деяния не позволит беспристрастно рассмотреть дело о восстановлении его на работе.

О наличии личной, прямой или косвенной заинтересованности судьи в исходе дела могут свидетельствовать различные обстоятельства, примерного или исчерпывающего перечня которых нет. Например, народные заседатели в одном из гражданских дел приняли решение об отводе председательствующего судьи на том основании, что гражданин, заявляющий отвод судье, незадолго до начала судебного разбирательства отправил на действия судьи жалобу в квалификационную коллегия судей, ссылаясь на нарушение судьей процессуальных сроков рассмотрения дела и требуя лишить ее полномочий на этом основании. Мотивировка принятого народными заседателями решения об отводе заключалась в том, что наличие жалобы гражданина негативно влияет на отношение судьи к заявителю, у судьи есть косвенная заинтересованность в исходе дела из-за сложившегося неприязненного отношения к заявителю в связи с отправленной жалобой.

По основаниям, перечисленным в статье 16 ГПК РФ, суду может быть заявлен отвод, в случае удовлетворения которого дело будет рассматривать другой судья (или состав суда). Основная проблема защиты права на беспристрастный суд кроется в том, что вопрос отвода решается тем же судьей или составом суда, в беспристрастности которых сомневается гражданин. Статья 20 ГПК РФ²³² устанавливает, что отвод, заявленный судье, рассматриваемому делу единолично, разрешается тем же судьей. Если отвод заявлен несколькими судьям или всему составу суда, то он разрешается этим же судом в полном составе простым большинством голосов. Закрепленные ГПК РФ правила разрешения заявленного отвода вызывают справедливые сомнения в том, соответствуют ли они стандартам части 1 статьи 6 Конвенции. Можно ли говорить об эффективности отвода как средстве защиты права на беспристрастный суд, если оценку оснований и доводов, приводимых сторонами, проводит и принимает окончательное решение тот же судья (состав суда), в беспристрастности которого сомневается заявитель? Судебная практика подтверждает неэффективность этого механизма; ситуация усугубляется еще и отсутствием у сторон права на обжалование определения суда, которым в удовлетворении заявленного отвода отказано. Истец или ответчик могут ссылаться на нарушение принципа беспристрастности суда только в рамках кассационной жалобы на решение суда первой инстанции. Отказ в удовлетворении заявления об отводе судьи не является самостоятельным основанием для отмены решения кассационной инстанцией, что является дополнительным доводом, подтверждающим не-

²³² См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.

эффективность существующего механизма защиты права на беспристрастный суд.

На сегодняшний момент остается много пробелов в квалификации действий судьи как дающих основания стороне заявить отвод судье. Например, если суд в ходе судебного заседания явно придерживается позиции ответчика, задает вопросы, которые по принципу распределения бремени доказывания должен задавать ответчик, не проявляющий инициативы и выполняющий только пассивную роль в ходе процесса, то будет ли такая ситуация свидетельствовать о наличии у суда заинтересованности? Если негативное отношение к одной из сторон спора выражается в эмоциональных репликах судьи в адрес заявителя или ответчика, можно ли говорить о том, что судья беспристрастно относится к этой стороне и может объективно оценить представленные доказательства? Ответить на эти вопросы сложно в связи с немногочисленной судебной практикой по данному вопросу. Но в любом случае, заявляя отвод судье (составу суда), необходимо помнить о позиции Европейского суда по правам человека в отношении принципа независимости и беспристрастности суда, суть которой в том, что правосудие не только должно осуществляться, оно должно быть видимым, исключаящим любые сомнения в беспристрастности суда.

Статья 61 Уголовно-процессуального кодекса РФ²³³ к числу оснований, исключающих участие судьи в производстве по уголовному делу, относит следующие:

1. Если судья является потерпевшим, гражданским истцом или ответчиком, свидетелем по делу;

2. Если судья участвовал в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или ответчика, а также в качестве дознавателя, следователя, прокурора в производстве по данному уголовному делу;

3. Если судья является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу.

Гражданский процессуальный кодекс РФ не раскрывает понятия и сущности родственных связей, Уголовно-процессуальный кодекс РФ в статье 5 (пункт 37) к близким родственникам относит супруга, родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и сестер, дедушек и бабушек, внуков; к числу остальных родственников – всех иных лиц, за исключением близких родственников, состоящих в родстве²³⁴.

²³³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

²³⁴ См.: Там же.

Так же как и Гражданский процессуальный кодекс, Уголовный процессуальный кодекс РФ к числу оснований, которые являются таковыми для отвода судьи, относит наличие личной, прямой или косвенной заинтересованности в исходе данного дела. Статья 62 УПК РФ налагает на судью обязанность при наличии перечисленных выше оснований взять самоотвод²³⁵. Если же этого сделано не было, то отвод может быть заявлен как государственным обвинителем, так и подозреваемым, обвиняемым, их законными представителями, защитником, гражданским истцом и ответчиком.

Что же касается недопустимости повторного участия судьи в процессе, статья 17 ГПК РФ содержит перечень оснований, которые исключают возможность повторного участия судьи в рассмотрении дела и служат гарантией соблюдения принципа беспристрастности суда²³⁶. К числу таких случаев закон относит следующие.

1. Мировой судья, рассматривавший дело, не может участвовать в рассмотрении этого дела в суде апелляционной, кассационной или надзорной инстанции.

2. Судья, принимавший участие в рассмотрении дела в суде первой инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого дела в суде кассационной или надзорной инстанции.

3. Судья, принимавший участие в рассмотрении дела в суде кассационной инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого дела в судах первой и надзорной инстанций.

4. Судья, принимавший участие в рассмотрении дела в суде надзорной инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого дела в судах первой и кассационной инстанций.

Статья 361 ГПК РФ предусматривает такое полномочие кассационной инстанции, как отмена решения и направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином или том же составе²³⁷. Статья 16 ГПК РФ в числе случаев, исключающих возможность участия судьи в рассмотрении дела, не называет такое основание, как повторное рассмотрение дела тем же судьей после того, как вынесенное им решение было отменено вышестоящей инстанцией. Представим такую ситуацию, что судья вынес решение об отказе в удовлетворении исковых требований одного из супругов о разделе совместно нажитого имущества, кассационная инстанция возвращает дело на новое рассмотрение и передает в производство тому же судье, который рассмат-

²³⁵ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

²³⁶ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ.

²³⁷ См.: Там же.

ривал дело и принимал решение в первый раз. Хотя бы одна из сторон в приведенном примере может справедливо считать, что принцип беспристрастности при повторном рассмотрении дела будет нарушен, поскольку судья, принявший решение об отказе в удовлетворении требований в первый раз, уже имеет сложившееся мнение о предмете спора, о наличии или отсутствии нарушенного права. Но, как уже было сказано, такое обстоятельство не является безусловным основанием, исключающим возможность участия судьи в рассмотрении дела. Анализ судебной практики кассационной инстанции не позволяет выделить и назвать какие-либо критерии, которыми руководствуется кассационная инстанция при принятии решения о возвращении дела на новое рассмотрение, но в производство другого судьи. В связи с этим осложняется возможность доказывания нарушения принципа беспристрастности.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ расширяет по сравнению с гражданским процессуальным законодательством основания, исключаящие возможность участия судьи в рассмотрении дела. Статья 63 УПК РФ содержит аналогичные основания, не допускающие повторного участия судьи в рассмотрении дела, что и статья 17 ГПК РСФСР²³⁸. Однако помимо этого появляется прямой запрет на участие судьи в рассмотрении уголовного дела, если оно было направлено на новое рассмотрение вышестоящей инстанцией. Таким образом, проблема, обозначенная при анализе статьи 361 Гражданского процессуального кодекса РФ, решена в уголовном процессе. Действительно, если суд вынес обвинительный приговор, признал человека виновным в совершении преступления, то при повторном рассмотрении этого же дела, в случае отмены приговора кассационной или надзорной инстанцией, сложно представить возможность беспристрастного рассмотрения дела. Судья в любом случае останется связанным собственными выводами, которые были сделаны при постановлении приговора в первом случае. Исключена такая ситуация, когда суд, оценив доказательства как подтверждающие виновность человека, при новом рассмотрении признает эти доказательства исключающими его виновность.

Если Европейский суд по правам человека не рассматривает в качестве безусловного основания для признания нарушения принципа беспристрастности участие судьи в принятии решения о заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу, то статья 63 Уголовно-процессуального кодекса РФ закрепляет иное правило, предъявляющее более высокие требования к беспристрастности суда.

²³⁸ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

Часть 2 статьи 63 УПК РФ запрещает судье участвовать в рассмотрении уголовного дела в суде первой, кассационной или надзорной инстанции, если он в ходе досудебного производства принимал решение:

– о заключении человека под стражу либо о продлении срока содержания под стражей;

– принимал участие в рассмотрении жалобы подозреваемого или обвиняемого на постановление о задержании, заключении под стражу или продлении срока содержания под стражей.

Несмотря на наличие некоторых прогрессивных положений, УПК РФ ничего не изменил в порядке разрешения заявления об отводе судье или составу суда. Так же как и в гражданском процессуальном законодательстве, отвод, заявленный судье в уголовном процессе, единолично рассматривающему дело, разрешается этим судьей; если отвод заявлен нескольким судьям или всему составу суда, то отвод рассматривается тем же судом в полном составе большинством голосов.

Порядок отводов присяжных заседателей в соответствии со статьей 328 УПК РФ²³⁹ отличается некоторыми особенностями. Во-первых, отводы присяжным заседателям могут быть заявлены только на стадии формирования коллегии присяжных заседателей; заявление отвода после формирования списка присяжных заседателей УПК РФ не предусматривает. Во-вторых, существуют мотивированные и безмотивные отводы присяжным заседателям. Мотивированные отводы могут быть заявлены стороной защиты и обвинения по основаниям, которые предусмотрены статьями 61, 63 УПК РФ. Немотивированные отводы говорят сами за себя; оснований для отвода в этом случае стороны указывать не обязаны, а суд не может не принять такой отвод. Обвинение и защита имеют право заявить по два немотивированных отвода присяжным заседателям. В-третьих, мотивированные отводы заявляются в письменном виде, не оглашаются присяжным заседателям, а просто предоставляются председательствующему судье. Немотивированные отводы заявляются путем вычеркивания соответствующих фамилий присяжных заседателей из имеющегося списка. В-четвертых, мотивированные отводы присяжным заседателям разрешаются председательствующим судьей без удаления в совещательную комнату.

В настоящей главе мы говорим о независимости и беспристрастности суда применительно к гражданскому и уголовному процессу, не затрагивая вопросы административного, конституционного судопроизводства по следующим причинам.

В ряде зарубежных стран Конституционные суды рассматривают

²³⁹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

определенные категории дел, которые являются гражданскими в смысле части 1 статьи 6 Конвенции. В соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном суде РФ» гражданин вправе обратиться в Конституционный суд РФ с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод примененным или подлежащим применению в конкретном деле законом. Таким образом, предметом разбирательства в Конституционном суде РФ является закон, а не спор о гражданских правах и обязанностях.

Часть 1 статьи 6 Европейской конвенции имеет ограниченную сферу применения: независимый и беспристрастный суд гарантируется только в тех гражданских делах, в которых определяются гражданские права и обязанности, т. е. не любое гражданское дело, рассматриваемое по правилам ГПК РФ, будет являться гражданским делом согласно части 1 статьи 6 Конвенции. В частности, в деле по жалобе *г-на Б. против России* Европейский суд в решении о признании жалобы неприемлемой указал, что дела по жалобам, связанным с оспариванием нормативно-правовых актов, не являются спором о гражданских правах и обязанностях, которые входят в сферу части 1 статьи 6 Конвенции. Поэтому направлять жалобы в Европейский суд по правам человека о нарушении части 1 статьи 6 практически бессмысленно, если нарушение стандартов права на справедливое судебное разбирательство, в частности принципов независимости и беспристрастности суда, имело место в деле, не имеющем отношения к гражданским правам и обязанностям или уголовному обвинению.

Однако если оспариваемый акт напрямую затрагивает гражданские права или обязанности, например ограничивает право собственности, то подобное дело будет подпадать под сферу действия части 1 статьи 6 Конвенции. Здесь необходимо принимать во внимание, что понятие «гражданские права и обязанности» имеет в прецедентном праве Европейского суда автономное значение, т. е. суд не связан классификацией отраслей права в национальном законодательстве. Европейский суд значительно расширил толкование «гражданских прав и обязанностей» и включил в сферу применения статьи 6 многие категории дел, традиционно относимые национальным законодательством к административным делам, если в них затрагиваются вопросы частного права – права собственности, права заниматься определенной профессией и т. д.

Европейский суд по правам человека включает в понятие «уголовное обвинение» и определенную категорию административных дел. Европейский суд будет принимать во внимание следующие моменты:

- 1) как государство квалифицирует конкретное деяние: в качестве административного правонарушения или уголовно наказуемого деяния;
- 2) природу самого нарушения;

3) природу и тяжесть наказания.

Только признав, что административное взыскание несет в себе характерные черты уголовного обвинения, Европейский суд будет рассматривать вопросы, связанные с обеспечением независимого и беспристрастного суда в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении. Есть еще один важный момент, касающийся административных дел. Часть 1 статьи 6 Конвенции говорит о независимости и беспристрастности суда как специализированного учреждения, наделенного полномочиями определять гражданские права и обязанности, рассматривать предъявляемое уголовное обвинение, который должен удовлетворять еще ряду требований, выработанных прецедентной практикой Суда. Кодекс об административных правонарушениях РФ наделяет полномочиями рассматривать административные дела не только суд, но и иные специализированные органы²⁴⁰. Таким образом, в некоторых случаях такие административные органы также могут быть признаны «судом» в смысле части 1 статьи 6 Конвенции, а дела, входящие в их компетенцию, – подпадающими под определение «уголовное обвинение». Следовательно, есть все основания ставить вопрос о соблюдении независимости и беспристрастности суда, как это гарантируется частью 1 статьи 6 Конвенции.

И в заключение хотелось бы сказать о последствиях признания Европейским судом по правам человека нарушения такого аспекта части 1 статьи 6 Конвенции, как независимость и беспристрастность суда. Прежде всего, решение Европейского суда о признании нарушения со стороны государства права человека, гарантированного Конвенцией, в том числе и статьей 6, не означает, что Европейский суд таким образом отменяет решения национальных судов. Это не входит в его компетенцию. Показательным здесь будет ранее упоминавшееся дело *Belilos v. Switzerland*²⁴¹, в котором Европейский суд признал, что дело по обвинению заявительницы не было рассмотрено независимым судом. В резолютивной части решения Суд указал, что

...Конвенция не наделяет его полномочиями, позволяющими требовать от Швейцарии пересмотра дела, если только она сама не согласится отменить решение национального суда в отношении заявительницы (см. mutatis mutandis no delu Le Compte, Van Leuven and De Meyer v. Belgium от 18 октября 1982 г.).

²⁴⁰ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ в редакции от 31 декабря 2002 г. Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Российская газета» (2001. 31 дек. № 256); «Парламентская газета» (2002. 5 янв. № 2); «Собрание законодательства РФ» (2002. 7 янв. № 1 (ч. 1). Ст. 1).

²⁴¹ См. решение по делу *Belilos v. Switzerland* от 29 апреля 1989 г.

Другими словами, Европейский суд не вправе возложить на Российскую Федерацию обязанность обеспечить пересмотр конкретного дела с гарантией соблюдения принципов независимости и беспристрастности суда, не вправе и обязать полномочных должностных лиц принести протест на вступившие в законную силу судебные акты или совершить иные действия. Иное будет означать вмешательство в суверенитет государства, что исключено с позиции принципов международного права. С другой стороны, решение Европейского суда о признании нарушения права конкретного человека на независимый и беспристрастный суд налагает на государство обязанность исполнить это решение. С учетом особенностей российского процессуального законодательства представляется, что исполнение подобного решения Европейского суда должно быть осуществлено путем принесения протеста на судебные акты и новое рассмотрение гражданского или уголовного дела, но с обеспечением принципов независимости и беспристрастности суда. Результат нового рассмотрения гражданского или уголовного дела не обязательно будет противоположным первоначальному результату.

Помимо предложения государству пересмотреть решение национального суда по собственному желанию, как это было указано в деле *Belilos v. Belgium*, Европейский суд по правам человека косвенно может предложить государству изменить национальное законодательство, которое не соответствует стандартам статьи 6 Конвенции, в результате чего допускается нарушение права на справедливое судебное разбирательство. В том же деле *Belilos v. Belgium* Суд указал:

*Суд обращает внимание на то, что Конвенция не наделяет его полномочиями требовать от Швейцарии изменения ее законодательства. Решение Суда оставляет за государством выбор средств, которые могут быть использованы во внутреннем правопорядке для выполнения его обязательств по статье 53 (см. mutatis mutandis решение по делу *Marckx v. Belgium* от 3 июня 1979 г., а также решение по делу *Fv. Switzzeland* от 18 декабря 1987 г.)²⁴².*

Вопрос, какое из внутренних средств избрать для восстановления нарушенных прав заявителя, остается на усмотрение государства. Однако Комитет министров Совета Европы, наделенный функцией контроля за исполнением решений Европейского суда, будет строго следить, чтобы выбор средств восстановления прав гражданина не затянулся и не стал бесконечным, а избранное средство реально восстановило права «жертвы». Только после принятия таких мер дело в Европейском суде будет закрыто.

²⁴² См. решение по делу *Belilos v. Switzzeland* от 29 апреля 1989 г.

Глава 7

Минимальные гарантии справедливого судебного разбирательства в уголовном процессе в соответствии с европейскими стандартами и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации²⁴³

*Светлана Мухамбетова,
юрист общественного фонда
«Правоборец»*

В соответствии с частью 2 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

Статья 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закрепляет презумпцию невиновности:

Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда²⁴⁴.

Толкование данной статьи позволяет определить основные тезисы доказательственного права в уголовном судопроизводстве:

- подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность;
- бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения;
- все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого;
- обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Несомненно, важным и концептуально оправданным является положение, закрепленное в части 1 статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса РФ о том, что доказательства, полученные с нарушением за-

²⁴³ Статья подготовлена для брошюры «Европейский стандарт права на справедливое судебное разбирательство. Российские стандарты правосудия» в рамках проекта «Преодоление коррупции в судебной системе путем обеспечения прозрачности правосудия» при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса, Екатеринбург, 2002).

²⁴⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

кона, не имеют юридической силы²⁴⁵. Таким образом, по существу российского уголовно-процессуального законодательства любые, даже самые незначительные нарушения, позволяют исключить полученные с нарушением закона сведения из системы доказательств.

С вопросом о нарушениях презумпции невиновности тесно связана проблема использования судом недопустимых доказательств. Недопустимость использования неприемлемых доказательств вытекает из положений части 3 статьи 6 Конвенции и включает в себя право на сбор доказательств, доступ к основным и важным доказательствам обвинения, а также гарантии от использования недоброкачественных, ложных и сфабрикованных доказательств.

Статья 75 Уголовно-процессуального кодекса РФ содержит не исчерпывающий перечень оснований, когда доказательства являются недопустимыми²⁴⁶:

1) показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде;

2) показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности;

3) иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса.

Действовавший до 1 июля 2002 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР²⁴⁷ предусматривал право суда направлять дело для производства дополнительного расследования, что вызывало немало нареканий, так как фактически в этой ситуации суд исходил из предположения о виновности подсудимого и выступал в роли обвинителя.

Свою точку зрения по этому поводу высказал Конституционный суд, признав Постановлением от 20 апреля 1999 г. № 7-П²⁴⁸ не соответствующими Конституции РФ положения пункта 1 части 1 ста-

²⁴⁵ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

²⁴⁶ См.: Там же.

²⁴⁷ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в редакции от 29 декабря 2001 г. с изменениями от 26 ноября 2002 г.

²⁴⁸ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда, г. Нижний Новгород». Опубликовано в изданиях «Собрание законодательства РФ» (1999. 26 апр. № 17. Ст. 2205); «Российская газета» (1999. 27 апр. № 80); «Вестник Конституционного Суда РФ» (1999. № 4).

тью 232 как возлагающие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае невосполнимой в судебном заседании неполноты расследования. Впоследствии были признаны противоречащими Конституции РФ пункт 2 части 1, пункт 3 части 1 статьи 232 и пункт 4 части 1 статьи 232 УПК РСФСР.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предоставляет суду полномочия по направлению дела для производства дополнительного расследования. Таким образом, в настоящее время если уголовное дело передано в суд, последний обязан рассмотреть его по существу и вынести либо обвинительный приговор, при наличии к тому оснований, либо оправдательный приговор, – это значительный шаг вперед в плане обеспечения конституционного принципа презумпции невиновности.

Одним из важных аспектов презумпции невиновности, согласно Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, является вопрос, связанный с возложением на обвиняемого судебных издержек по рассмотрению его дела судом. Действовавший до 1 июля 2002 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, так же как и Уголовно-процессуальный кодекс РФ, не предусматривал возможности взыскания судебных издержек с обвиняемого в случае прекращения дела, в том числе и по нереабилитирующим основаниям. Допускается взыскание судебных издержек с лица, признанного виновным, но освобожденного от наказания (статья 107 УПК РСФСР, статья 132 УПК РФ).

Рассмотрим соответствие российского законодательства и судебной практики требованиям части 3 статьи 6 Европейской конвенции.

В соответствии с пунктом «а» части 3 статьи 6 каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения.

Российское законодательство не требует, чтобы сведения о содержании обвинения сообщались подозреваемому в момент его задержания, что в принципе соответствует стандартам Конвенции.

Но при составлении протокола задержания после доставления подозреваемого в орган дознания должны быть указаны основания и мотивы задержания. Такое требование содержится в статье 92 УПК РФ²⁴⁹.

УПК РСФСР не содержал указаний на срок составления протокола о задержании, что на практике иногда создавало серьезные проблемы. Задержанное лицо могло несколько часов, иногда до суток, нахо-

²⁴⁹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

даться в органе дознания, но при этом не считаться задержанным. Как правило, лицу поясняли, что он не задержан, с ним просто хочет побеседовать следователь, который в настоящее время занят. Самое интересное, что эти сведения, как правило, соответствовали действительности, особенно в выходные дни. Дежурный следователь на выезде, разбираться с задержанным просто некому. УПК РФ разрешил данную проблему, закрепив в статье 92, что протокол задержания должен быть составлен не позднее трех часов с момента задержания. Таким образом, на данном этапе информация об основаниях и мотивах задержания в соответствии с требованиями российского законодательства должна быть предоставлена задержанному в определенно короткие сроки и обязательно в письменной форме.

Впервые достаточно полные сведения о фактических и юридических обстоятельствах обвинения лицо получает при предъявлении обвинения, когда его знакомят с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого.

В этом постановлении должны быть указаны фактические обстоятельства преступления, в совершении которого обвиняется лицо, а также уголовный закон, предусматривающий данное преступление (статья 171 УПК РФ²⁵⁰). Но в данном постановлении не указываются доказательства, изобличающие обвиняемого в совершении преступления, и до окончания расследования обвиняемый и защитник не имеют доступа к материалам уголовного дела, где содержатся такие доказательства. Не зная, какими доказательствами располагает обвинение, обвиняемый и адвокат не могут эффективно осуществлять защиту, что может создавать сомнения о соответствии такого положения вещей требованиям Конвенции.

Пункт «b» части 3 статьи 6 Конвенции в качестве минимальных прав лица в уголовном процессе устанавливает право иметь достаточные время и возможности для подготовки своей защиты.

Статья 233 УПК РФ предусматривает, что рассмотрение уголовного дела в судебном заседании не может быть начато ранее 7 суток с момента вручения обвиняемому копии обвинительного заключения²⁵¹.

На практике даже трехдневный срок не вызывал возражений со стороны адвокатов, возможно, потому, что до этого момента они уже были знакомы со всеми материалами и собранными в ходе следствия доказательствами.

Возникающие на практике возражения адвокатов касаются в основ-

²⁵⁰ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

²⁵¹ См.: Там же. Ч. 2. Ст. 233.

ном того, что копия обвинительного заключения вручается только обвиняемому и не вручается его защитнику. Однако, учитывая позицию Европейского суда по поводу того, что гарантии части 3 статьи 6 являются гарантиями защиты в целом, а не отдельно адвоката и отдельно лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления, вряд ли можно говорить в этом случае о нарушении Конвенции. Вместе с тем часть 2 статьи 222 УПК РФ предусматривает возможность вручения копии обвинительного заключения также и защитнику по его ходатайству.

Срок на подачу кассационной и апелляционной жалобы несколько увеличен в УПК РФ. По сравнению с ранее действовавшим семидневным сроком статья 356 УПК РФ устанавливает, что жалоба и представление на приговор или иное решение суда первой инстанции могут быть поданы сторонами в апелляционном или кассационном порядке в течение 10 суток со дня провозглашения приговора, а осужденным, содержащимся под стражей, – в тот же срок со дня вручения копии приговора²⁵².

Что касается возможности встреч обвиняемого со своим защитником наедине без ограничения количества и продолжительности этих встреч, то в этом отношении процессуальное законодательство четко придерживается стандартов Конвенции: согласно статье 51 УПК РСФСР с момента допуска к участию в деле защитник вправе иметь с подозреваемым и обвиняемым свидания наедине без ограничения их количества и продолжительности. Примечательно, что именно право защитника подразумевает возможность встреч наедине без ограничения их количества и продолжительности. Права обвиняемого и подозреваемого сформулированы несколько иначе: они вправе иметь свидания с защитником²⁵³. При этом порядок и условия предоставления подозреваемому и обвиняемому свиданий определяются Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»²⁵⁴. Хотелось бы отметить, что новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ устранил данные противоречия и закрепил теперь уже права обвиняемого и подозреваемого на свидания со своим защитником наедине и конфиденциально без ограничения их числа и продолжительности, в том числе и

²⁵² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Ст. 356.

²⁵³ См.: Там же. Ст. 52.

²⁵⁴ См.: Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г. в редакции от 31 декабря 2002 г. Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Собрание законодательства РФ» (1995. 17 июля № 29. Ст. 2759); «Российская газета» (1995. 20 июля. № 139).

до первого допроса в качестве обвиняемого или в качестве подозреваемого.

В определенный период времени правоприменительная практика пошла по пути фактического ограничения права обвиняемого на свидание со своим защитником. Так, в частности, пункт 15 части 2 статьи 16 указанного Федерального закона предоставлял право Министерству юстиции РФ, МВД РФ, ФСБ РФ, Министерству обороны РФ по согласованию с Генеральным прокурором РФ утверждать Правила внутреннего распорядка в местах содержания лиц под стражей, в том числе в части установления порядка проведения свиданий подозреваемых и обвиняемых со своим защитником.

Во исполнение предписания закона приказом Министерства юстиции РФ от 12 мая 2000 г. были утверждены Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ²⁵⁵, пункт 149 которых предусматривал, что свидания подозреваемых и обвиняемых с адвокатом, участвующим в деле в качестве защитника, предоставляются по предъявлении последним документа о допуске к участию в уголовном деле, выданного лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело, на основании ордера юридической консультации.

Фактически складывалась ситуация, при которой право свидания обвиняемого со своим защитником зависело от усмотрения конкретного должностного лица, о чем заявляли граждане, обратившиеся с жалобой в Конституционный суд РФ. Гражданин Голомида жаловался, что его адвокат допускался в следственный изолятор г. Нижний Новгород на свидания со своим подзащитным лишь после получения у следователя специального разрешения на каждое свидание, причем получение таких разрешений усложнялось тем, что следователь значительную часть времени находился в командировке по служебным делам. Граждане Кислицын и Москвичев указывали на то, что в течение 17 дней не могли встретиться со своим адвокатом, поскольку у него не было разрешения Верховного суда РФ (который должен был рассмотреть их дело в кассационном порядке) на свидание, а без такого разрешения адвокат в следственный изолятор не допускался.

²⁵⁵ См.: Приказ Министерства юстиции «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ» от 12 мая 2000 г. в редакции от 21 февраля 2002 г. с изменениями от 2 октября 2002 г. Первоначальный текст документа опубликован в издании «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти» (2000. 12 июня. № 24).

Конституционный суд РФ своим Постановлением от 25 октября 2001 г. № 14-п²⁵⁶ признал не соответствующим Конституции РФ положение пункта 15 части 2 статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», допускавшее регулирование конституционного права на помощь адвоката ведомственными нормативными актами, поскольку это положение – по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, – служит основанием неправомерных ограничений данного права, ставя реализацию возможности свиданий обвиняемого (подозреваемого) с адвокатом (защитником) в зависимость от наличия специального разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело. При этом нужно отметить, что Конституционный суд в своем постановлении ссылаясь в том числе и на часть 3 статьи 6 Европейской конвенции.

Таким образом, по сути, адвокат должен допускаться к участию в деле по предъявлении им ордера юридической консультации.

Достаточно сложная ситуация складывается с конфиденциальностью встреч с адвокатом на практике. Несмотря на то, что Закон «О содержании под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления» предусматривает положение, что свидания могут иметь место в условиях, при которых служащий места содержания может их видеть, но не может слышать, на практике оно реализуется достаточно сложно.

Маленькие кабинеты, в которых зачастую работают по несколько адвокатов, большие очереди на предоставление кабинета для свидания с подзащитным, установление прослушивающих устройств в определенных кабинетах явно не способствуют реализации права на конфиденциальные встречи со своим адвокатом, в том числе без ограничения их числа и продолжительности.

Действующее процессуальное законодательство предусматривает также отдельное право для обвиняемого и для его защитника на ознакомление с материалами уголовного дела.

При этом Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает возможность ознакомления с материалами дела, получения копий доку-

²⁵⁶ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 25 октября 2001 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части 2 статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан А. П. Голомидова, В. Г. Кислицына и И. В. Москвичева». Опубликовано в изданиях «Российская газета» (2001. 14 нояб. № 223); «Собрание законодательства РФ» (2001. 26 нояб. № 48. Ст. 4551); «Вестник Конституционного суда РФ» (2002. № 1).

ментов, в том числе изготовленных с помощью технических средств, правда, за счет обвиняемого или адвоката, но тем не менее это уже значительный шаг вперед, поскольку часто адвокаты ограничены во времени, переписывать документы – большой и объемный труд, а получив копии документов, пусть и за свой счет, адвокат имеет возможность внимательно с ними ознакомиться и должным образом затем осуществлять защиту. Кроме того, это позволяет защитить клиента от подлогов и исправлений материалов уголовного дела.

Пункт «с» части 3 статьи 6 Конвенции предусматривает право лица защищать себя лично, или через посредство выбранного им самим защитника, или, при недостаточности у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия.

Право на защиту – одно из основополагающих прав, которое дает обвиняемому возможность эффективно доказывать свою невиновность.

Контрольные органы Конвенции исходят из того, что право защищать себя лично не абсолютно и может быть ограничено в тех случаях, когда того требуют интересы правосудия. Российское законодательство четко придерживается требований Конвенции, закрепляя в статье 51 УПК РФ²⁵⁷ случаи обязательного участия защитника в деле. В случае если защитник не приглашен самим подозреваемым, обвиняемым, то органы дознания, следствия, суд должны обеспечить участие защитника в уголовном судопроизводстве.

Статья 52 УПК РФ предусматривает ситуации, при которых судом может быть не принят отказ от защитника (подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним; подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту; подозреваемый, обвиняемый не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу; лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь; уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей; обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении его дела в особом порядке; если в соответствии со статьей 247 УПК РФ подсудимый ходатайствует о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие).

Поскольку это право суда – принять или не принять отказ от защитника, принимая решение, суд должен оценивать в совокупности все обстоятельства, такие, как сложность дела, личность заявителя.

²⁵⁷ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Ст. 51.

Так же как и контрольные органы Конвенции, российское законодательство допускает возможность взыскания с осужденного издержек по оплате услуг защитника, за исключением случаев реабилитации или отказа от услуг защитника, если такой отказ не был принят (статьи 131, 132 УПК РФ)²⁵⁸.

Наиболее сложным для нашей правоприменительной практики является вопрос о качестве оказываемой бесплатной юридической помощи.

Законодательство не возлагает на органы дознания, следствия, суда обязанность следить за качеством оказываемой помощи.

На практике соблюдение права на защиту сводится исключительно к выполнению формальных требований. Адвокаты по назначению, как правило, лишь присутствуют при производстве отдельных следственных действий. При этом их участие ограничивается именно присутствием, а не участием.

Сложно говорить о качестве помощи в ситуации, когда на ознакомлении с материалами дела присутствует один адвокат, предъявление обвинения происходит в присутствии другого адвоката, на судебное разбирательство приглашается третий, причем непосредственно перед началом судебного заседания.

Представляется, что данный аспект явно будет не единожды предметом рассмотрения Европейского суда по жалобам российских граждан.

Пункт «d» части 3 статьи 6 Конвенции устанавливает право лица допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

Российское законодательство ставит в зависимость от усмотрения следователя проведение очной ставки обвиняемого с избличающим его лицом (другим обвиняемым, потерпевшим, свидетелем), что ограничивает право обвиняемого на защиту (статья 192 УПК РФ²⁵⁹).

В суде право на допрос свидетелей обвинения у подсудимого имеется, за исключением случаев его удаления из зала суда за нарушение порядка и неуважение к суду.

В отличие от Конвенции российский закон не предусматривает участия в деле эксперта, приглашенного защитой, что не соответствует принципу равных возможностей сторон. Защита может просить о вклю-

²⁵⁸ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

²⁵⁹ См.: Там же.

чении ее эксперта в состав экспертной комиссии, но удовлетворение этого ходатайства зависит от усмотрения следователя, прокурора и суда.

УПК РФ закрепил возможность допроса анонимных свидетелей.

В соответствии с частью 9 статьи 166 УПК РФ²⁶⁰ при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. В этом случае следователь с согласия прокурора выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к уголовному делу.

Вопрос заключается в том, что УПК РФ не регламентирует, кто и при каких обстоятельствах имеет право вскрывать этот конверт. Таким образом, получается, что даже при ознакомлении с материалами дела обвиняемый не может ознакомиться с данными, содержащимися в конверте.

Кроме того, в соответствии с частью 5 статьи 278 УПК РФ при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, о чем суд выносит определение или постановление.

С точки зрения контрольных органов Конвенции, это может представлять проблему, так как иногда знание личности обвиняемого, возможность наблюдения за его поведением в ходе допроса влияют на установление факта достоверности его свидетельских показаний.

Пункт «е» части 3 статьи 6 Конвенции предусматривает право лица пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Нормы действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ закрепляют обязанность судебных и следственных органов обеспечить лицо, обвиняемое в совершении преступления, бесплатной помощью переводчика. При этом участие переводчика обязательно на стадии

²⁶⁰ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

предварительного следствия, судебного слушания и при пересмотре приговора в кассационном порядке.

Уголовно-процессуальное законодательство РФ закрепляет право подозреваемого и обвиняемого знакомиться со всеми материалами дела, пользуясь бесплатной помощью переводчика. Таким образом, обвиняемому должны быть переведены устно все материалы уголовного дела по окончании расследования и все, что происходит при рассмотрении дела в суде. Кроме того, как уже говорилось, участие переводчика обеспечивается и при производстве следственных действий.

Статья 18 УПК РФ устанавливает более жесткое правило по сравнению с требованиями Конвенции, закрепляя, что если в соответствии с положениями процессуального кодекса следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет²⁶¹ (в соответствии с положениями Конвенции обязательным является только перевод обвинительного заключения).

Что касается невозможности возложения на обвиняемого в последующем обязанности оплатить расходы на переводчика, то этот вопрос четко и однозначно решен в пункте 3 статьи 132 УПК РФ: «процессуальные издержки, связанные с участием в уголовном деле переводчика, возмещаются за счет средств федерального бюджета»²⁶².

Что касается качества оказываемой переводчиком помощи, то статья 69 УПК РФ предусматривает возможность отвода переводчика в случае обнаружения его некомпетентности²⁶³. При этом УПК РФ возлагает на следователя и суд обязанность удостовериться в компетентности переводчика, однако не говорит о том, каким образом можно это сделать, получение каких доказательств будет являться основанием для вывода о компетентности переводчика. Ведь не секрет, что не всегда документ о наличии образования является свидетельством высокой квалификации, тем более когда речь идет об использовании специальных юридических терминов.

С нашей точки зрения, именно при применении данного положения могут возникнуть проблемы. В настоящее время нет четко определенной системы отбора переводчиков. Статья 59 УПК РФ определяет,

²⁶¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

²⁶² Там же.

²⁶³ Там же.

что «переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода»²⁶⁴. Нет никаких критериев для того, чтобы определить, владеет ли переводчик языком свободно и, более того, достаточно для осуществления профессионального перевода. На суд, следовательно возлагается обязанность удостовериться в компетентности переводчика. В ситуации, когда лицо хотя бы немного владеет языком судопроизводства, суд по крайней мере может задавать вопросы и выяснять у подсудимого, все ли ему понятно из того, что происходит в судебном заседании. Сложнее обстоит дело в ситуации, при которой подсудимый вообще не владеет ни в какой степени языком уголовного судопроизводства, а судья также не имеет понятия о языке, которым владеет подсудимый. В данной ситуации приходится просто полагаться на переводчика, что при определенных обстоятельствах может создать препятствия к надлежащей защите.

Представляется, что сегодня весьма актуален вопрос о создании специализированной организации, осуществляющей подготовку переводчиков, имеющих право принимать участие в уголовном процессе, и лицензировании подобной деятельности.

²⁶⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

**Решение Европейского суда
по правам человека по делу
«Бурдов против России»**

**Европейский суд по правам человека
Первая секция**

Дело «Бурдов (Burdov) против России»¹
Жалоба № 59498/00

Постановление Суда по существу дела
и в отношении справедливой компенсации

Страсбург, 7 мая 2002,

В деле «Бурдов против России» Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

C. L. Rozakis, *председателя Палаты,*

F. Tulkens,

P. Lorenzen,

N. Vajic,

E. Levits,

A. Kovler,

V. Zagrebelsky, *судей,*

E. Fribergh, *секретаря секции,*

принял следующее решение:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 59498/00) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Российской Федерации Анатолием Тихоновичем Бурдовым (далее – заявитель) 20 марта 2000 г.

2. Интересы заявителя, которому по решению Суда компенсированы расходы по оказанию юридической помощи, представлял в Суде Н. А. Кравцов, адвокат, практикующий в г. Ростов-на-Дону. Власти Российской Федерации были представлены в Суде уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека П. А. Лаптевым.

¹ Перевод Ю. Берестнева, А. Ковтуна. Опубликовано в «Российской газете» (2002. 4 июля. № 120).

3. Заявитель утверждал, в частности, что неисполнение вступивших в законную силу решений суда, вынесенных в его пользу, является нарушением Конвенции.

4. Жалоба была передана в Первую секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). Палата в составе указанной секции, рассматривавшая данное дело (пункт 1 статьи 27 Конвенции), была сформирована в соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента Суда.

5. Своим решением от 21 июня 2001 г. Суд объявил жалобу частично приемлемой.

6. Заявителем и властями Российской Федерации были представлены дополнительные доказательства (пункт 1 правила 59 Регламента Суда). После консультаций со сторонами Суд принял решение не проводить слушаний по существу дела (пункт 2 правила 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

7. 1 октября 1986 г. заявитель был мобилизован военными властями для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Заявитель принимал участие в операции до 11 января 1987 г. и, как результат, пострадал от чрезмерной дозы радиоактивного излучения.

8. В 1991 г., согласно экспертному заключению, которое установило причинную связь между ухудшившимся здоровьем заявителя и его участием в чернобыльских событиях, заявителю была назначена компенсация.

9. В 1997 г. заявитель подал иск к Управлению социальной защиты населения по г. Шахты, поскольку указанная компенсация не была выплачена. 3 марта 1997 г. Шахтинский городской суд вынес решение в пользу заявителя. Суд постановил выплатить заявителю компенсацию в размере 23 786 567 руб., а также пеню за имевшую место задержку выплаты компенсации.

10. 9 апреля 1999 г. службой судебных приставов г. Шахты было возбуждено исполнительное производство по взысканию пени в соответствии с решением суда от 3 марта 1997 г.

11. В 1999 г. заявитель подал иск к Управлению социальной защиты населения по г. Шахты, оспаривая законность снижения ежемесячного размера выплачиваемой компенсации и требуя взыскать невыплаченную компенсацию. 21 мая 1999 г. Шахтинский городской суд восстановил первоначально установленный размер компенсации и постановил, что Управление социальной защиты населения по г. Шахты должно выплачивать заявителю ежемесячно 3011 руб. 36 коп. с последующей индексацией. Кроме того, суд постановил выплатить заявителю задолженность по компенсации в размере 8752 руб. 65 коп.

12. 30 августа 1999 г. службой судебных приставов г. Шахты было возбуждено исполнительное производство в соответствии с исполнительным листом от 21 мая 1999 г.

13. 16 сентября 1999 г. служба судебных приставов г. Шахты уведомила заявителя о том, что, несмотря на то, что исполнительное производство по решению суда от 3 марта 1997 г. продолжалось, выплатить указанные суммы заявителю не представлялось возможным в связи с отсутствием средств у Управления социальной защиты по г. Шахты.

14. 7 октября 1999 г. Главное управление юстиции Ростовской области уведомило заявителя о том, что и первое, и второе решения суда не могут быть исполнены в связи с недостатком средств у ответчика.

15. В связи с жалобой заявителя на неисполнение решений суда 12 ноября 1999 г. прокурор г. Шахты проинформировал заявителя, что служба судебных приставов г. Шахты следовала установленному порядку исполнения решений суда, но натолкнулась на отсутствие должного финансирования ответчика.

16. 22 декабря 1999 г. Главное управление юстиции Ростовской области проинформировало заявителя о том, что средства для выплаты компенсации за последствия участия в работах по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС были уже выделены из федерального бюджета и что выплата будет сделана после получения средств, перечисленных из Министерства финансов Российской Федерации.

17. 26 января 2000 г. прокуратура Ростовской области проинформировала заявителя, что вину за неисполнение решений суда нельзя возлагать на службу судебных приставов г. Шахты и что задолженность будет погашена, как только соответствующие средства поступят из федерального бюджета.

18. 22 марта 2000 г. Главное управление юстиции Ростовской области проинформировало заявителя о том, что компенсация пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС будет финансироваться из федерального бюджета.

19. 11 апреля 2000 г. служба судебных приставов г. Шахты уведомила заявителя о невозможности исполнить вынесенные в его пользу решения суда в связи с недостаточным финансированием Министерства труда и социального развития Ростовской области.

20. 16 мая 2000 г. прокурор г. Шахты уведомил заявителя о том, что хотя Управление социальной защиты населения по г. Шахты и произвело перерасчет сумм компенсации в соответствии с решением суда от 21 мая 1999 г., соответствующие выплаты не были сделаны в связи с отсутствием финансирования.

21. 9 марта 2000 г. Шахтинский городской суд распорядился проиндексировать сумму пени, назначенной решением суда от 3 марта

1997 г., которая так и не была выплачена заявителю. Был выписан исполнительный лист на сумму 44 095 руб. 37 коп.

22. В соответствии с решением Министерства финансов Российской Федерации Управление социальной защиты населения по г. Шахты 5 марта 2001 г. выплатило заявителю задолженность в размере 113 040 руб. 48 коп.

23. В соответствии с информацией, предоставленной Управлением социальной защиты населения по г. Шахты 11 февраля 2002 г., ежемесячная компенсация, причитающаяся заявителю в период с апреля 2001 по июнь 2002 г., была установлена в размере 2500 руб.

II. Соответствующие внутригосударственные правовые нормы

24. Статья 9 Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 1 июля 1997 г. предусматривает, что в постановлении судебного пристава о возбуждении исполнительного производства должен быть установлен срок для добровольного исполнения ответчиком содержащихся в исполнительном листе требований. Такой срок не может превышать 5 дней. Судебный пристав также обязан уведомить ответчика, что в случае неисполнения содержащихся в исполнительном листе требований в указанный срок последует принудительное исполнение.

25. В соответствии со статьей 13 указанного федерального закона исполнительное производство должно быть завершено в двухмесячный срок с момента получения судебным приставом исполнительного листа.

ПРАВО

26. Заявитель утверждал, что существенные и необоснованные задержки исполнения вступивших в законную силу решений суда нарушили его права, закрепленные в Конвенции. Суд изучил жалобу заявителя на предмет возможного нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

I. Статус жертвы

27. Согласно утверждениям властей Российской Федерации заявитель перестал считаться жертвой предполагаемого нарушения Конвенции в связи с тем, что 5 марта 2001 г. ему была выплачена задолженность. Власти утверждали, что поскольку требования заявителя были полностью удовлетворены, причиненный ему неисполнением судебного решения ущерб его финансовым интересам был полностью возмещен. Власти также утверждали, что выплаченная 5 марта 2001 г. сумма в размере 113 040 руб. 38 коп. должна рассматриваться как включаю-

щая в себя компенсацию за задержки исполнения судебных решений, так как основная сумма задолженности составляла только 45 158 руб. 44 коп., тогда как оставшаяся сумма включала в себя пени за задержанную выплату причитающегося заявителю и индексацию. Наконец, власти государства-ответчика утверждали, что заявитель был вправе по собственному волеизъявлению обратиться в суд с иском о возмещении морального вреда, причиненного в результате неисполнения судебных решений.

28. Заявитель не согласился с приведенными властями Российской Федерации доводами. Как он утверждает, назначенная национальными судами пеня за задержку выплаты причитавшейся ему ежемесячной суммы была значительно ниже положенной ему, и, учитывая, что полученная 5 марта 2001 г. сумма в размере 113 040 руб. 38 коп. была назначена с учетом судебных решений 1997, 1999 и 2000 гг., очевидно, что она не могла включать в себя какую-либо компенсацию за имевшее место неисполнение судебных решений в период с 9 марта 2000 г. (дата последнего судебного решения) по 5 марта 2001 г. Кроме того, судебное решение от 21 мая 1999 г. по-прежнему игнорировалось, и ежемесячные выплаты заявителю были по-прежнему ниже положенных ему.

29. В соответствии со статьей 34 Конвенции

Суд может принимать жалобы от любого физического лица... которое утверждает, что явилось жертвой нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней...

30. Суд вновь напоминает, что обязанность устранять любое предполагаемое нарушение Конвенции лежит в первую очередь на национальных властях. В этой связи вопрос о том, может ли заявитель утверждать, что является жертвой возможного нарушения Конвенции, является существенным на всех стадиях производства по делу в соответствии с Конвенцией (см. решение Европейской комиссии по делу «Е. против Австрии» (*E. v. Austria*) от 13 мая 1987 г., жалоба № 10668/83, *Decisions and Reports* (DR) 52, p. 177).

31. Суд также напоминает, что решение или мера, принимаемые в пользу заявителя, в принципе не являются достаточными для того, чтобы лишать его статуса «жертвы», пока национальные власти не признают, прямо или по сути, факт нарушения Конвенции и не предоставят соответствующую компенсацию (см. постановление Европейского суда по делу «Амуур против Франции» (*Amuur v. France*) от 25 июня 1996 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1996-III, p. 846 и постановление Большой палаты Европейского суда по делу «Далбан против Румынии» (*Dalban v. Romania*), жалоба № 28114/95, ECHR 1999-VI, § 44). Обращаясь к фактам по данному делу, следует отметить, что за-

заявителю в настоящее время выплачена причитающаяся задолженность в соответствии с решениями национальных судов. Как бы то ни было, выплата, осуществленная лишь после того, как данная жалоба была коммуницирована властям, не является каким-либо признанием с их стороны возможных нарушений. Равно как таковая выплата адекватно не возместила вред, причиненный заявителю.

32. Учитывая данные обстоятельства, Суд полагает, что заявитель все еще может утверждать, что он является жертвой нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

II. Часть 1 статьи 6 Конвенции

33. Часть 1 статьи 6 Конвенции, насколько это относится к настоящему делу, предусматривает:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое разбирательство дела... судом...»

34. Суд вновь напоминает, что часть 1 статьи 6 Конвенции закрепляет за каждым право обращаться в суд в случае любого спора о его гражданских правах и обязанностях; таким образом она заключает в себе «право на суд», одним из аспектов которого является право на доступ к правосудию, представляющее собой право возбуждать исковое производство в судах по вопросам гражданско-правового характера. Однако такое право было бы иллюзорным, если бы правовая система государства — участника Европейской конвенции допускала, чтобы судебное решение, вступившее в законную силу и обязательное к исполнению, оставалось бы недействующим в отношении одной стороны в ущерб ее интересам. Немыслимо, что часть 1 статьи 6 Конвенции, детально описывая процессуальные гарантии сторон — справедливое, публичное и проводимое в разумный срок разбирательство, — не предусматривала бы защиту процесса исполнения судебных решений; толкование статьи 6 Конвенции исключительно в рамках обеспечения лишь права на обращение в суд и порядка судебного разбирательства вероятнее всего привело бы к ситуациям, не совместимым с принципом верховенства права, который государства-участники Европейской конвенции обязались соблюдать, подписав Конвенцию. Исполнение судебного решения, принятого любым судом, должно, таким образом, рассматриваться как составляющая «судебного разбирательства» по смыслу статьи 6 Конвенции (см. постановление Европейского суда по делу «Хорнсби против Греции» (*Hornsby v. Greece*) от 19 мая 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997– II, p. 510, § 40).

35. Орган государства-ответчика не волен ссылаться на недостаточное финансирование в оправдание неуплаты долга, установленно-го решением суда. Предполагается, что невыплата или иная задержка

исполнения судебного решения при определенных обстоятельствах может быть оправдана. Однако задержка не может быть такой, что нарушала бы саму суть права, гарантируемого частью 1 статьи 6 Конвенции (см. постановление Большой палаты Европейского суда по делу «Иммуobiliаре Саффи» против Италии» (*«Immobiliare Saffi» v. Italy*), жалоба № 22774/93, § 74, ECHR 1999-V). Что касается настоящего дела, то финансовые трудности, испытываемые властями государства-ответчика, не должны были препятствовать заявителю получить причитающееся ему в результате выигрыша судебного дела о возмещении вреда, причиненного здоровью в результате чрезвычайных работ по ликвидации аварии.

36. Суд отмечает, что решения Шахтинского городского суда от 3 марта 1997 г., 21 мая 1999 г. и 9 марта 2000 г. остались неисполненными полностью или частично по крайней мере вплоть до 5 марта 2001 г., когда Министерство финансов Российской Федерации приняло решение полностью погасить задолженность заявителю. Суд также отмечает, что последняя выплата по задолженности имела место только после того, как данная жалоба была коммуницирована властям Российской Федерации.

37. Не принимая на протяжении нескольких лет необходимые меры по исполнению вступивших в законную силу судебных решений по данному делу, власти Российской Федерации лишили положения части 1 статьи 6 Конвенции какого-либо полезного смысла

38. Соответственно нарушение указанной статьи Конвенции имело место.

III. Статья 1 Протокола № 1 Конвенции

39. Из статьи 1 Протокола № 1 следует:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе, как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

40. Суд вновь напоминает, что «требование» может пониматься как «собственность» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в случае, если в достаточной мере установлено, что оно может быть юридически реализовано (см. постановление Европейского суда по делу «Нефтеперегонные заводы “Стран” и Стратис Андреадис против Греции» (*Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece*) от 9 декаб-

ря 1994 г., Series A, № 301-B, p. 84, § 59). Решения Шахтинского городского суда от 3 марта 1997 г., 21 мая 1999 г. и 9 марта 2000 г. обеспечили заявителя требованиями, которые могут быть юридически реализованы, а не просто общим правом на получение помощи со стороны государства. Решения вступили в законную силу, не будучи обжалованными в обычном порядке, и было возбуждено исполнительное производство. Следовательно, невозможность для заявителя добиться исполнения указанных судебных решений, по крайней мере до 5 марта 2001 г., является нарушением его права на уважение своей собственности, как оно изложено в первом предложении первого абзаца статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

41. Не исполнив решения Шахтинского городского суда, власти государства-ответчика лишили заявителя возможности взыскать денежные средства, которые он разумно рассчитывал получить. Власти государства-ответчика не выдвинули никаких оснований для такого вмешательства в реализацию права заявителя; при этом Суд полагает, что нехватка средств не может служить тому оправданием (см. *mutatis mutandis*, постановление Европейского суда по делу «Амбруози против Италии» (*Ambrosi v. Italy*) от 19 октября 2000 г., жалоба № 31227/96, § 28-34).

42. В итоге в данном случае имело место также нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

43. Статья 41 Конвенции предусматривает, что:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

44. Суд обращает внимание на то, что в соответствии с Правилom 60 Регламента Суда любое требование о выплате справедливой компенсации представляется в подробном перечне по пунктам с приложением соответствующих подтверждающих документов или квитанций, «в противном случае Палата вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично».

45. Что касается данного дела, то 26 июня 2001 г., после того как жалоба была признана частично приемлемой, заявителю было предложено представить в Секретариат Суда свои требования в отношении выплаты справедливой компенсации. Заявитель не представил ни-

каких подобных требований. В своей первоначальной жалобе, однако, заявитель требовал возместить ему моральный ущерб в размере 300 000 долларов США.

46. Власти хотя и ссылались на эту жалобу, не представили в этой связи никаких конкретных замечаний по поводу данных требований.

47. Суд придерживается мнения, что заявителю был причинен некоторый моральный ущерб в результате выявленных нарушений, который не может быть установлен путем простого признания Судом факта нарушения. Однако требуемая сумма представляется чрезмерной. Производя оценку на справедливой основе, руководствуясь при этом статьей 41 Конвенции, Суд присуждает заявителю денежную компенсацию в размере 3000 евро.

В. Процентная ставка по просроченному долгу

48. В соответствии с предоставленной Суду информацией установленный уровень процентной ставки, действующий в России на день принятия данного постановления, составляет 23 % годовых.

На основании вышеизложенного суд единогласно

1. Постановил, что заявитель может утверждать, что он является «жертвой» по смыслу статьи 34 Конвенции.

2. Постановил, что имело место нарушение части 1 статьи 6 Конвенции.

3. Постановил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

4. Постановил:

а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу – в соответствии с частью 2 статьи 44 Конвенции – 3000 евро² (три тысячи евро) в качестве компенсации морального ущерба в пересчете на национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день вынесения постановления, а также уплатить необходимые налоги;

б) что простые проценты по годовой ставке в 23 % начисляются на эту сумму по истечении вышеупомянутого трехмесячного срока до момента фактической уплаты.

² Сумма указана без учета деноминации, произведенной в 1998 г. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 4 августа 1997 г. «Об изменении нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен» с 1 января 1998 г. одна тысяча «старых» рублей эквивалентна одному «новому» рублю. – *Примеч. переводчиков.*

Совершено на английском языке, письменные уведомления направлены 7 мая 2002 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

*Эрик Фриберг, секретарь секции Суда
Христос Розакис, председатель Палаты Суда*

Комментарии Первое решение Европейского суда против России

**3000 евро присудил Европейский суд гражданину России –
Бурдову Анатолию Тихоновичу
за нарушение его прав Российской Федерацией**

*Елена Гузева,
юрист общественного объединения
«Сутяжник»³*

7 мая 2002 г. Европейский суд по правам человека вынес решение против России. Государство обвиняется в нарушении статьи 6, а также статьи 1 Протокола № 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Статья 6 Конвенции гарантирует каждому в случае спора о его гражданских правах и обязанностях справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Данная норма предполагает не просто вынесение законного, обоснованного решения, но и реальное его исполнение. Трудно было бы себе представить, что, гарантируя сторонам право на доступ к суду, обеспечивая каждого гражданина гарантиями вынесения законного обоснованного решения, государство могло бы оставить его реальное исполнение без защиты. Нарушение данной статьи проявилось в фактическом неисполнении законного обоснованного решения суда.

Согласно статье 1 Протокола № 1 Конвенции каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. При этом денежные средства, взысканные по решению суда, также являются собственностью лица, так

³ Статья опубликована в изданиях «Юридический вестник» (2002. Июль. № 14) под названием «Суд скорый и правый» и «Юридическая газета» (2002. Авг. № 34) под названием «Первое решение Европейского суда против России».

как вступление решения в законную силу означает бесспорное право на получение указанных денежных средств.

Началось все в 1986 г., когда Бурдов А. Т., будучи призванным на военную службу, участвовал в ликвидации последствий катастрофы на атомной электростанции Чернобыль, в результате чего пострадал от радиоактивного излучения.

В 1991 г. органами социальной защиты в его пользу была присуждена компенсация, но денег Бурдов так и не получил. В 1997 г. он обратился в Шахтинский городской суд с иском к Управлению социальной защиты. В его пользу было взыскано 23 786 567 рублей. Но решение суда так и не было исполнено. Куда только ни обращался заявитель: и в службу судебных приставов, и в Главное управление Министерства юстиции РФ по Ростовской области, и в прокуратуру – и отовсюду получал ответы, что решение суда исполнить невозможно в связи с отсутствием денежных средств.

В качестве последней возможности получить присужденные ему деньги Бурдов использовал Европейский суд по правам человека. Результат был получен раньше, чем ожидалось. Процедура судопроизводства Европейского суда такова, что, приняв жалобу и все необходимые документы, Суд направляет информацию о поступившей жалобе государству для представления возражений. Почти сразу же после получения информации о поступившей жалобе правительство нашло деньги на выплату компенсации (с учетом инфляции) в размере 11 304 537 рублей. И тут же поступило заявление с просьбой прекратить производство по делу, так как Бурдов утратил статус жертвы (в связи с тем, что его требования были удовлетворены добровольно). Европейский суд отказал Правительству РФ в прекращении производства по делу, поскольку восстановление прав произошло только после и в связи с направлением жалобы в Европейский суд по правам человека.

В своем окончательном решении Суд пришел к следующим выводам.

1. Гарантии вынесения законного, обоснованного, справедливого решения теряют всякий смысл в том случае, если данное решение не будет реально исполнимым.

2. Для властей государства отсутствие денежных средств не является основанием для неисполнения решения суда.

3. Право требования само по себе может образовывать «собственность» в понятии статьи 1 Протокола № 1 Конвенции по правам человека в случае, если это право обеспечивается принудительным исполнением.

Таким образом, исполнение решения суда – одна из наиболее важных частей права на судебную защиту. Поэтому гарантии для своевременного полного, правильного исполнения решения суда не менее важны, как и для его вынесения.

Чего ждать России от решения Европейского суда по делу Бурдова?⁴

*Елена Гончарова,
юрист Уральского центра конституционной
и международной защиты прав человека*

Первое решение европейской инстанции по жалобе «чернобыльца», вынесенное против России, произвело настоящий фурор. Однако помимо взыскания в пользу гражданина Бурдова 3000 евро это решение имеет более серьезные последствия для России как для государства – члена Совета Европы.

Европейский суд в деле Бурдова признал, что неисполнение судебными приставами-исполнителями судебного решения о взыскании в пользу гражданина денежных средств составляет нарушение права собственности.

Давайте вспомним, сколько сейчас в производстве наших районных судов, а теперь и мировых судей, находится дел о взыскании невыплаченных пенсий, пособий на детей, различных компенсаций, заработной платы. А сколько судебных решений, вынесенных как минимум пару лет назад, находится на исполнении в службе судебных приставов-исполнителей и до сих пор не исполнено? Наверное, сотни тысяч по всей России.

Это значит, что те, кто уже сейчас имеет на руках неисполненные судебные решения, могут смело обращаться в Европейский суд и обосновывать свои требования к государству решением по делу Бурдова.

Здесь только два выхода для государства. Первый: своевременно платить пенсионерам – пенсию, рабочим и служащим – зарплату, матерям – пособия на детей, родителям – алименты на детей, дабы исключить взыскание с России через Европейский суд в пользу граждан денежных сумм.

Второй: изменить действующее законодательство об исполнительном производстве и в принципе устранить какие-либо сроки, в течение которых судебные решения должны быть исполнены судебным приставом. Но в последнем варианте есть и другая крайность – отсутствие сроков исполнения решений судов тоже будет нарушением прав, гарантированных Европейской конвенции, только уже не права собственности, а права на справедливое судебное разбирательство.

⁴ Статья опубликована в газете «Юридический вестник» (2002. Июль. № 14) под названием «Суд скорый и правый» и в журнале «Юридический мир» (2002. Сент.) под названием «Решение Европейского суда по делу Бурдова».

Непринятие мер Правительством РФ приведет к тому, что каждый гражданин будет получать причитающиеся ему по неисполненному судебному решению суммы с компенсацией в 3000 евро через Европейский суд по правам человека. И это будет справедливой компенсацией за ту политику, которую ведет государство, оставляя людей без средств к существованию.

Решение Европейского суда по делу Бурдова подтверждает, что реальный механизм защиты прав человека от чиновничьего беспредела заработал. Штрафные санкции по решениям Суда быстро приблизятся к сумме, расходуемой на содержание государственного аппарата, если уже сейчас не сменить кадровый состав.

Решение Европейского суда
по правам человека по делу
«Калашников против России»

Европейский суд по правам человека
Третья секция

Калашников против России¹
Жалоба № 47095/99

Решение

Страсбург, 15 июля 2002 г.

В деле «Калашников против России» Европейский суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой в составе:

J.-P. Costa, *председателя Палаты*,
W. Fuhrmann,
L. Loucaides,
Nicolas Bratza,
H. S. Greve,
K. Traja,
A. Kovler, *судей*,
S. Dolle, *секретаря секции*,

посоветовавшись 18 сентября 2001 г. и 24 июня 2002 г., вынес следующее решение, принятое последней указанной датой:

ПРОЦЕДУРА

1. Рассмотрение дела было инициировано жалобой (№ 47095/99) против Российской Федерации, поданной в суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Конвенция) гражданином России Валерием Ермиловичем Калашниковым (заявитель) 1 декабря 1998 г.

2. Заявитель жаловался, в частности, на условия содержания под стражей, длительный срок содержания под стражей и длительность уголовного разбирательства.

3. Жалоба была распределена бывшей Третьей секцией (правило 52, пункт 1 Правил процедуры Суда).

¹ Перевод выполнен юристом Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека А. В. Деменевой.

4. Заявитель и Правительство представили письменные объяснения по жалобе относительно приемлемости и существа жалобы (правило 54, пункт 4).

Со стороны Правительства в судебном заседании присутствовали:
П. Лаптев, представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека;

Ю. Берестнев,
С. Волковский,
С. Разумов,
Ю. Калинин, адвокаты,
К. Бахтиаров,
О. Анкудинов,
В. Власихин,
эксперты.

5. Со стороны заявителя в судебном заседании присутствовали:
К. Москаленко, Московский международный центр защиты,
Н. Сонькин, адвокат Московской областной коллегии адвокатов,
В. Калашников, заявитель.

6. Суд заслушал П. Лаптева, К. Москаленко, Н. Сонькина, ответы В. Власихина, П. Лаптева и К. Москаленко на вопросы трех судей.

По требованию Суда Правительство представило фотографии камеры, в которой заявитель содержался. Правительство также представило видеозапись отремонтированных камер и рядом расположенных территорий, ремонт которых был сделан после освобождения заявителя.

7. Решением от 18 сентября 2001 г. суд признал жалобу частично приемлемой.

Суд также счел, что миссия по установлению факта с выездом на место не была необходимой, так как в деле имеется достаточный материал. В частности, суд решил, что не будет полезным проведение такой экспертизы, поскольку в данный момент состояние камеры, как оно показано в видеозаписи, больше не несет в себе никаких признаков того помещения, каким оно было в период содержания под стражей заявителя, как это подтверждается фотографиями.

8. 1 ноября 2001 г. Суд сменил состав секций (пункт 1 правила 25 процедуры суда), но дело осталось в Палате, которая ранее была Третьей секцией.

9. Дополнительных письменных объяснений по делу относительно существа стороны не представили.

10. 28 декабря 2001 г. заявитель представил требования по справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции, по которой Правительство представило комментарии.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

11. Заявитель родился в 1955 г. и живет в Москве. В период, относящийся к жалобе, он был президентом Северо-Восточного акционерного банка.

12. 8 февраля 1995 г. против него было возбуждено уголовное дело, подробности которого рассматриваются в разделе В ниже. 29 июня 1995 г. заявитель был взят под стражу и приговором Магаданского городского суда от 3 августа 1999 г. был обвинен в присвоении (расчете) и приговорен к отбытию наказания в местах лишения свободы.

A. Условия лишения свободы

13. С 29 июня 1995 г. по 20 октября 1999 г. заявитель содержался в СИЗО ИЗ-47/1 города Магадана (следственный изолятор №1). 20 октября 1999 г. он был направлен для отбывания приговора городского суда от 3 августа 1999 г. в исправительное учреждение АВ – 261/3 в деревне Талая. 9 декабря 1999 г. он был отправлен обратно в следственный изолятор Магадана, где находился до освобождения 26 июня 2000 г.

1) Факты, представленные заявителем

14. В отношении первого периода лишения свободы в Магаданском следственном изоляторе заявитель утверждает, что он содержался в камере площадью 17 квадратных метров, в которой находилось 8 коек. Однако почти всегда в камере находилось по 24 заключенных, и только иногда их число снижалось до 18. Поскольку на каждой койке было по 3 мужчины, заключенные спали по очереди. Остальным приходилось сидеть или лежать на полу или картоне, ожидая своей очереди. Было невозможно нормально выспаться, так как телевизор работал круглосуточно, в камере было очень шумно. Свет в камере никогда не выключался.

15. Туалет в углу камеры не являлся частной зоной. Перегородка отделяла его от умывальника, но не от обеденного стола и жилой зоны камеры. Унитаз был поставлен на высоту полметра от пола, в то время как перегородка была высотой 1,1 метра. Поэтому если лицо пользовалось туалетом, его могли видеть как сокамерники, так и тюремная охрана в глазок двери.

Заключенные вынуждены были есть в камере за обеденным столом, который находился всего в метре от туалета. Еда была плохого качества.

16. Камера, в которой не было вентиляции, была удушающе жаркой летом и очень холодной зимой. Из-за недостатка воздуха в камере окно было постоянно открыто. Будучи окруженным курильщиками,

заявитель был вынужден стать пассивным курильщиком. Заявитель жалуется, что не удавалось получить нормальное постельное белье, посуду. Ему дали только стеганый матрац и фланелевое одеяло, а посуду ему приходилось одалживать у сокамерников, которым ее принесли родственники.

17. Камера следственного изолятора была полна тараканов и пауков, но не было предпринято никаких попыток их устранить. Единственной санитарной мерой являлось то, что служащие изолятора выдавали заключенным литр хлорки для туалета.

18. Заявитель заразился рядом кожных и грибковых заболеваний, его ногти на ногах и руках были поражены.

В шести случаях задержанные, больные туберкулезом и сифилисом были помещены в его камеру, и ему ставили профилактические инъекции с антибиотиками.

19. Заявитель указывал, что он мог выходить из камеры на 1 час в течение дня и что обычно предоставлялась возможность принять горячей душ только 2 раза в месяц.

20. Наконец, заявитель указывает, что по его возвращении обратно в следственный изолятор 9 декабря 1999 г. условия содержания не были существенно изменены. Ему также не были предоставлены постельное белье, посуда и полотенце. Не было возможности лечиться от кожных заболеваний из-за отсутствия препаратов. Его камера также была полна тараканов и пауков, и в течение 5 лет не было проведено мероприятий по борьбе с насекомыми. Однако в марте – апреле 2000 г. количество заключенных в его камере снизилось до 11.

2) Факты, представленные Правительством

21. Правительство заявляло, что размер камеры заявителя составлял 20,8 квадратных метра. У заявителя было отдельное спальное место, белье, посуда и доступ к медицинской помощи. Камера предназначалась для 8 заключенных. В связи с общей перенаполненностью СИЗО каждая кровать использовалась двумя или тремя заключенными. В камере заявителя содержалось 11 или более заключенных. Обычно количество заключенных было равно 14. Койки использовались по очереди несколькими заключенными по восьмичасовому графику сна на каждого заключенного. Всем заключенным были выданы матрацы, хлопчатобумажные одеяла и простыни.

22. Камера заявителя была оборудована санузлом, включая унитаз и умывальник. Унитаз был расположен в углу камеры и был отделен от жилой части камеры перегородкой высотой 1,1 метра, гарантирующей защиту от посторонних глаз. Эти стандарты были установлены Инструкцией по планированию и постройке следственных изоляторов в МВД СССР, принятой 25 января 1971 г.

Правительство представило фотографии Суду, демонстрирующие камеру заявителя, которую заявитель назвал немного изменившейся в лучшую сторону с момента начала заключения. Правительство также предоставило видеозапись помещения после того, как заявитель был освобожден и помещение было отремонтировано.

23. В камере имелись окна, обеспечивающие доступ к дневному свету и свежему воздуху. Возможности обеспечить камеру вентиляцией не было. В жаркую погоду для лучшей вентиляции можно было открыть окно на двери камеры. У заключенных также была возможность использовать маленькие вентиляторы, привезенные им родственниками.

24. В камере был телевизор, который принадлежал заявителю, и он мог контролировать, когда его включать и когда выключать. Программы в регионе транслировались только в течение части дня.

25. 11 февраля 1998 г. одному из заключенных в камере заявителя был поставлен диагноз «сифилис». Заключенный был немедленно помещен в отдельную камеру и ему был проведен полный курс лечения заболевания. Другие заключенные, включая заявителя, которые находились с больным в одной камере, прошли курс профилактического лечения и сдали контрольные анализы. Это было сделано в соответствии с Руководством медицинской помощи для лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях МВД СССР, принятым 17 ноября 1989 г.

В январе 1999 г. один из блоков СИЗО был закрыт на ремонт, и заключенных поместили на свободные места в другие камеры. Заключенные, переведенные в камеру заявителя, оставались там в течение недели, и некоторые из них были больны туберкулезом. Однако, по мнению медицинского персонала, они не представляли опасности другим заключенным, и этим лицам проводился курс лечения.

2 июня 1999 г., заключенный, который страдал скрытой формой туберкулеза, был помещен в эту камеру. Он проходил лечение в течение двух месяцев. Поскольку он не страдал открытой формой туберкулеза, то и не представлял опасности для других заключенных.

15 июня 1999 г. заключенный, который проходил курс лечения от сифилиса, был помещен в камеру заявителя. Медицинские анализы, сделанные впоследствии, были отрицательными. Анализы крови заявителя также подтвердили отсутствие заражения.

26. Заявитель систематически осматривался медицинским персоналом и проходил лечение у дерматолога, терапевта, стоматолога. Когда заявителю были поставлены диагнозы различных кожных заболеваний (чесотка, грибковая инфекция, нейроциркуляторная дистония), он получил немедленную медицинскую помощь. В судебных заседаниях для лечения заявителя были объявлены перерывы.

27. Заявитель мог принимать душ каждые 7 дней, и ему разрешалось гулять вне камеры в течение 2 часов каждый день.

28. Наконец, Правительство указывало, что для того, чтобы предотвратить появление инфекционных заболеваний, в СИЗО предпринимались меры по борьбе с микроорганизмами, насекомыми в соответствии с упомянутыми министерскими инструкциями 1989 г. Было, однако, отмечено, что устранение насекомых в СИЗО представляло собой проблему.

3) Медицинские документы и отчет эксперта

29. В соответствии с медицинскими документами, у заявителя была чесотка в сентябре 1996 г., аллергический дерматит в июле и августе 1997 г., грибковая инфекция на ногах в июне 1999 г., грибковая инфекция на руках в августе 1999 г., микоз в 1999 г. и грибковая инфекция на ногах и руках в октябре 1999 г. В медицинских документах также содержится информация о том, что заявитель получил лечение по поводу этих заболеваний.

30. Отчет медицинского эксперта, датированный июлем 1999 г., указывает на то, что заявитель страдал нейроциркуляторной дистонией, астено-невротическим синдромом, хроническим гастродуоденитом, грибковой инфекцией на руках и ногах, микозом.

V. Уголовный процесс и обжалование заключения под стражу

31. 8 февраля 1995 г. заявитель был привлечен в качестве подозреваемого в присвоении (растрате) средств своего банка, и к нему были применены меры пресечения в виде подписки о невыезде. Уголовному делу был присвоен номер 48529.

32. 17 февраля 1995 г. ему было предъявлено обвинение в незаконном владении 2 050 000 акций другой компании.

33. 29 июня 1995 г. по постановлению следователя, которое было санкционировано прокурором, заявитель был заключен под стражу на том основании, что он препятствовал установлению истины по делу.

В частности, в постановлении указывалось, что заявитель отказывался представить определенные банковские документы, необходимые для следствия, использовал давление на свидетелей и фальсифицировал документы. Постановление также содержало ссылки на тяжесть преступления, в котором заявитель обвинялся.

Задержание заявителя соответственно было продлено уполномоченным прокурором постановлением без указания даты.

34. 4 июля 1995 г., 31 августа 1995 г. и 26 сентября 1995 г. адвокат заявителя направлял жалобы на постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в Магаданский городской суд,

который отказал в их удовлетворении 14 июля 1995 г., 9 сентября 1995 г. и 4 ноября 1995 г. соответственно.

35. Заявитель настаивает на том, что с августа 1995 г. по ноябрь 1995 г. никакого следствия по делу не проводилось, поскольку оба следователя, занимающихся делом, были в отпуске, а лицо, которому дело было временно передано, не предприняло никаких действий.

36. 14 декабря 1995 г. заявителю были предъявлены 8 дополнительных пунктов обвинения, относящихся к присвоению средств банка.

37. 6 февраля 1996 г. предварительное следствие по делу было завершено, и дело направлено в Магаданский городской суд.

38. 1 марта 1996 г. заявитель направил в городской суд ходатайство об освобождении его из-под стражи, в удовлетворении которого было отказано 27 марта 1996 г.

39. В то же время Магаданский городской суд решил вернуть дело в Магаданскую областную прокуратуру на дополнительное расследование. Прокуратура обратилась с протестом на решение Магаданского суда в Магаданский областной суд, который отказал в удовлетворении протеста 29 апреля 1996 г.

40. Проведя дополнительное расследование, прокурор области направил дело в Магаданский городской суд 19 июня 1996 г.

41. В то же время 16 мая 1996 г. заявитель направил жалобу об отмене постановления о заключении его под стражу в городской суд, в которой он указывал, что он содержится в невыносимых условиях и состояние его здоровья ухудшилось. В удовлетворении жалобы было отказано 26 мая 1996 г.

23 июня 1996 г. заявитель написал новое ходатайство об освобождении из-под стражи.

42. 11 ноября 1996 г. городской суд начал исследование дела заявителя. В тот же день он отказал в ходатайстве об освобождении из-под стражи, поданном 23 июня 1996 г.

43. На слушании 27 декабря 1996 г. заявитель просил городской суд освободить его из-под стражи по медицинским основаниям. Он указывал, что в камере на 8 коек содержится 21 заключенный, нет вентиляции, все курят, телевизор все время работает, а сам он заразился чесоткой. Для получения акта медицинского освидетельствования заявителя суд отложил слушание дела до 14 января 1997 г. Он отказался освобождать заявителя из-под стражи по тому основанию, что преступление, в котором обвинялся заявитель, было тяжким, и из-за возможности воспрепятствования установлению истины по делу со стороны заявителя.

44. Изучение материалов дела городским судом продолжалось до 23 апреля 1997 г.

7 мая 1997 г. дело было отложено в связи с отставкой председател

ствующего судьи за недостойное поведение, не связанное с делом заявителя.

45. 15 июня 1997 г. заявитель написал новое ходатайство об освобождении, ссылаясь на невыносимые условия, в которых он содержался.

46. В июле 1997 г. дело заявителя было передано другому судье, который назначил слушание на 8 августа 1997 г. В этот день слушание было отложено, так как адвокат заявителя не мог присутствовать на нем по причине болезни. Ходатайство заявителя об освобождении было отклонено по основанию тяжести преступления, в котором он обвинялся, и возможности воспрепятствования установлению истины по делу с его стороны.

Следующее ходатайство заявителя об освобождении из-под стражи от 21 сентября 1997 г. было отклонено 21 октября 1997 г.

47. 22 октября 1997 г. заявитель направил жалобу в Магаданский городской суд по поводу своего дела и просил передать его из городского суда в областной суд. Он также представил жалобу в Верховный суд Российской Федерации, который вернул ее для проверки в Магаданский областной суд. Письмами от 31 октября 1997 г. и 25 ноября 1997 г. областной суд проинформировал заявителя, что причин для изменения подсудности нет. Областной суд также указал городскому суду принять меры к изучению дела заявителя.

48. 21 ноября 1997 г. заявитель направил жалобы в инстанции разного уровня, в частности, в администрацию Президента РФ, Магаданский областной суд, Высшую квалификационную коллегия судей, Генеральному прокурору. В своих жалобах заявитель помимо прочего указывал, что он содержится в невыносимых условиях без какого-либо решения относительно сущности обвинения, что он заразился рядом кожных заболеваний и что он страдает от боли в сердце.

49. Письмом от 5 февраля 1998 г. Магаданский областной суд проинформировал заявителя о том, что суд закончит изучение материалов дела к июлю 1998 г., ссылаясь на сложность дела и перегруженность судей.

50. 11 февраля 1998 г. Магаданский областной суд передал в городской суд 11 жалоб, составленных заявителем, которые он получил от Генеральной прокуратуры, Верховного суда и других инстанций.

51. 23 февраля 1998 г. заявитель объявил голодовку с целью привлечь внимание властей к длительности содержания под стражей и отсутствию слушаний по делу. Голодовка продолжалась до 17 марта 1998 г.

52. 1 марта 1998 г. заявитель подал жалобу относительно своего дела в Администрацию Президента и парламентский комитет Государственной думы, прося их содействия в передаче дела в областной суд.

53. 3 марта 1998 г. Управление юстиции Магаданской области в ответ на жалобу заявителя, адресованную в Министерство юстиции РФ, сообщило, что суд сможет рассмотреть дело во второй половине 1998 г.

54. В то же время заявитель обратился с жалобой в Конституционный суд РФ о проверке конституционности части 1 статьи 223 и статьи 239 Уголовно-процессуального кодекса РФ в части, касающейся сроков начала судебного разбирательства. Письмом от 10 марта 1998 г. Конституционный суд РФ проинформировал заявителя, что поскольку данные положения не предусматривают сроков, установленных для продолжительности содержания под стражей, пока дело рассматривается судом, данная жалоба не может быть рассмотрена.

55. Заявитель также жаловался в Высшую квалификационную коллегию судей о затягивании рассмотрения дела. Коллегия письмом от 30 марта 1998 г. просила Магаданский областной суд разобраться в ситуации.

56. 2 апреля 1998 г. заявитель представил жалобу в Верховный суд РФ о затягивании рассмотрения дела, в которой он также ссылаясь на невыносимые условия содержания под стражей. Копия жалобы была направлена в различные властные инстанции. Все жалобы заявителя были переадресованы в Магаданский городской суд для проверки.

57. 13 апреля 1998 г. Магаданский областной суд проинформировал заявителя, что городскому суду даны указания принять меры к рассмотрению дела. Он также указывал, что дело должно рассматриваться городским судом, а областной суд может действовать только в качестве кассационной инстанции.

58. 25 мая 1998 г. заявитель направил петицию в городской суд, в которой просил передать дело на рассмотрение в областной суд.

Постановлением председателя областного суда от 28 мая 1998 г. дело было передано в Хасинский районный суд для проведения процесса.

59. 11 июня 1998 г. заявитель направил жалобу на затягивание назначения слушания в Высшую квалификационную коллегию судей.

60. 16 июня 1998 г. заявитель направил ходатайство об освобождении из-под стражи в Хасинский районный суд, в котором он указывал, что состояние его здоровья сильно ухудшилось из-за нахождения в СИЗО.

В то же время он направил жалобу в Хасинский районный суд, требуя передачи дела в Магаданский областной суд. Он сообщал, что передача его дела в Хасинский районный суд была незаконной и что удаленность этого суда от Магадана повредит объективности и справедливости рассмотрения дела.

61. 1 июля 1998 г. заявитель направил жалобу в областной суд о том, что Хасинский районный суд все еще не назначил дату рассмотрения дела, и просил ускорить этот процесс.

62. 3 июля 1998 г. дело было возвращено в Магаданский городской суд, поскольку заявитель выразил свое несогласие с его передачей в Хасинский районный суд.

63. 8 июля 1998 г. заявитель получил ответ из областного суда, информирующий его о том, что нет оснований действовать в качестве суда первой инстанции и изменить подсудность дела.

На следующий день заявитель направил в городской суд ходатайство об освобождении из-под стражи, ссылаясь на невыносимые условия в СИЗО.

64. 31 июля 1998 г. заявитель направил жалобу в Высшую квалификационную коллегия судей о продолжающемся нарушении сроков со стороны городского суда по рассмотрению его дела. 19 августа 1998 г. жалоба была передана в Магаданский городской суд с требованием представить информацию по жалобе и в целом по работе городского суда.

27 августа 1998 г. областной суд переслал жалобы заявителя в городской суд.

Заявитель также представил жалобу в Магаданский областной суд о нарушении сроков назначения судебного разбирательства, которая 11 августа 1998 г. была передана в городской суд.

65. 7 сентября 1998 г. заявитель направил другую жалобу в Высшую квалификационную коллегия судей, указывая, что все предыдущие жалобы были направлены в Магаданский городской суд без каких-либо принятых мер. 23 сентября 1998 г. жалобы заявителя были направлены в Магаданский областной суд с указанием о необходимости дать ответ о причинах задержки в рассмотрении дела заявителя. 7 сентября 1998 г. заявитель также представил жалобу о задержке назначения судебного разбирательства в Верховный суд РФ.

5 октября 1998 г. заявитель представил жалобы в областной суд и квалификационную коллегия судей.

66. 13 ноября 1998 г. городской суд назначил слушание по делу на 28 января 1999 г.

67. 25 ноября 1998 г. заявитель направил жалобу в Высшую квалификационную коллегия судей на действия председателя Магаданского городского суда, требуя возбуждения против него уголовного дела. 22 декабря 1998 г. жалоба была передана для проверки председателю Магаданского областного суда с требованием представить отчет квалификационной коллегии относительно обоснованности заявленных в жалобе требований.

16 декабря 1998 г. Магаданский областной суд переслал другую жалобу заявителя в городской суд.

68. 18 января 1999 г. заявитель представил в суд ходатайство об освобождении из-под стражи.

69. 28 января 1999 г. Магаданский городской суд решил направить дело заявителя обратно прокурору для дополнительного расследования в связи с нарушением процессуальных норм следственными органами. Эти нарушения состояли в неполном ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела по завершении предварительного следствия, а также в неточном изложении материалов дела. Суд отказал в удовлетворении ходатайства заявителя об освобождении, ссылаясь на тяжесть преступления и возможность со стороны заявителя препятствовать установлению истины по делу. Заявитель обжаловал данный отказ в Областной суд, который оставил жалобу без удовлетворения 15 марта 1999 г. Областной суд, однако, отменил определение городского суда о направлении дела на дополнительное расследование как необоснованное и направил дело на рассмотрение в городской суд. В отдельном определении, вынесенном в тот же день, областной суд признал длительность рассмотрения дела неоправданной, поскольку дело не было очень сложным, и потребовал от городского суда в течение месяца проинформировать о принятых мерах.

70. 17 марта 1999 г. заявитель представил в городской суд новое ходатайство об освобождении из-под стражи.

В тот же день он направил жалобу в Высшую квалификационную коллегиям судей о длительности содержания под стражей без судебного решения. Пять дней спустя заявитель представил аналогичную жалобу в областную квалификационную коллегиям судей.

5 апреля заявитель направил новую жалобу в Высшую квалификационную коллегиям судей о длительности неназначения судебного разбирательства.

71. 15 апреля 1999 г. городской суд закончил изучение материалов дела заявителя.

На слушании 20 апреля 1999 г. прокурор требовал, чтобы в условиях длительности судебного разбирательства по делу была проведена психиатрическая экспертиза для выяснения психического состояния лица. Суд удовлетворил данное ходатайство и отложил слушание на 30 апреля 1999 г.

72. На слушании 30 апреля 1999 г. заявитель вновь безуспешно ходатайствовал об освобождении его из-под стражи. Он сообщил, что страдает от недостатка сна. В его камере находятся 18 заключенных, которые вынуждены спать по графику. Он также возражал против того, что может препятствовать установлению истины по делу, поскольку уже все следственные действия были проведены.

Прокурор, принимавший участие в рассмотрении дела, ходатайствовал о запросе в администрацию СИЗО, в котором содержался заявитель, относительно предоставления заявителю нормальных условий сна и отдыха во время проведения слушания по делу. Прокурор также за-

явил, что представит аналогичный запрос прокурору, ответственному за надзор за СИЗО.

Заявитель указывает, что прокурор, заходя в его камеру, признал, что условия были действительно плохими, но заявил, что в других камерах ситуация не лучше и что для того, чтобы улучшить условия, не хватает финансирования.

73. На слушании 8 июня 1999 г. заявитель ходатайствовал об освобождении. Он заявил, что в камере, в которой находятся 18 заключенных, невозможно надлежащим образом готовиться к защите на судебном заседании. Он также говорил о том, что заразился чесоткой дважды и что его простыни так и не сменили. Ходатайство заявителя было отклонено.

74. На слушании дела 16 июня 1999 г. Калашников заявил другое ходатайство об освобождении, ссылаясь на условия содержания в СИЗО. Он указывал, что заразился грибковой инфекцией и что все его тело покрыто царапинами от расчесов из-за укусов насекомых, которые обитали в кровати. Он также делил свою кровать с двумя другими заключенными. Заключенные могли мыться только 2 раза в месяц. Атмосфера в камере была удушающей, поскольку все курили. Ему становилось дурно из-за плохого состояния сердца. Его вес снизился с 96 до 67 кг. Он также говорил о том, что не может помешать установлению истины по делу, если будет освобожден.

Городской суд решил не рассматривать ходатайство, поскольку оно было подано безотносительно к слушанию.

75. 22 июня 1999 г. Высшая квалификационная коллегия судей отправила в отставку председателя Магаданского городского суда, а также председателя областного суда и двух его заместителей в связи с задержкой рассмотрения дела заявителя.

76. 23 июня в судебном разбирательстве в городском суде заявитель указал, что он плохо себя чувствует и не может участвовать в слушании. Суд назначил медицинское обследование заявителя комиссией экспертов для определения того, позволяет ли состояние лица участвовать в судебном слушании или лицо должно быть госпитализировано.

В своем заключении, датированном июлем 1999 г. (день вынесения заключения точно не определен), эксперты установили, что заявитель страдал от ряда заболеваний (см. выше п. 30). Они посчитали, что лечение таких заболеваний не требует госпитализации и что заявитель может оставаться в СИЗО. Они также посчитали, что состояние лица позволяет ему принимать участие в судебных слушаниях и давать показания.

77. На слушании 15 июля 1999 г. заявитель ходатайствовал перед судом об освобождении из-под стражи. Он заявлял, что суд почти закончил исследование доказательств, и он, заявитель, не может помешать установлению истины по делу. Ходатайство было отклонено.

78. В другом постановлении, вынесенном судом этой же датой, городской суд заметил, что в период с 15 апреля по 15 июля 1999 г. он проверил более 30 жалоб заявителя, включая повторные жалобы по ранее отказанным ходатайствам. Суд заметил, что заявитель указывал на то, что будет давать показания только в случае, если эти жалобы будут удовлетворены, и счел подобную позицию заявителя как попытку затянуть рассмотрение дела.

79. Городской суд заслушал 9 из 29 свидетелей, которые были допрошены до суда. Показания 12 отсутствующих свидетелей, данные на предварительном следствии, были оглашены в судебном заседании.

80. Приговором суда от 3 августа 1999 г. городской суд признал заявителя виновным по одному пункту обвинения и оправдал его по двум пунктам, содержащимся в обвинительном заключении. Он осудил его к пяти годам и шести месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима, срок начинался с 25 июня 1995 г. Суд признал, что предварительное следствие было проведено плохо и что следственные органы необоснованно пытались увеличить количество пунктов обвинения в обвинительном заключении. Он также установил факты нарушения процессуальных норм, в частности непредставление суду процессуальных документов в установленной форме. Эти недостатки должны были быть исправлены в судебном заседании, что и повлекло за собой длительность рассмотрения дела. Суд отметил также, что со стороны следствия были допущены нарушения контроля за ходом следствия, в том числе со стороны Магаданской областной прокуратуры.

В отдельном постановлении, вынесенном судом в тот же день, городской суд решил направить часть пунктов обвинения на дополнительное расследование прокурору. Заявитель обжаловал данное постановление в Верховный суд РФ, который 30 сентября 1999 г. оставил постановление в силе.

81. Приговор городского суда от 3 августа мог быть обжалован заявителем в течение 7 дней с момента его провозглашения. Заявитель не обжаловал его, поскольку считал, что областной суд также повлиял на его осуждение, а потому его кассационная жалоба не имеет шансов на успех. 11 августа 1999 г. приговор вступил в законную силу.

82. 11 августа 1999 г. заявитель представил начальнику СИЗО ходатайство, в котором просил направить его в учреждение для отбытия наказания.

83. 25 октября 1999 г. заявитель направил жалобу в порядке надзора на имя председателя Верховного суда для пересмотра приговора. 11 ноября 1999 г. в удовлетворении жалобы было отказано.

30 ноября 1999 г. заявитель направил новую жалобу в порядке надзора на приговор в Верховный суд, в удовлетворении ее было отказано 9 июня 2000 г.

84. 24 сентября 1999 г. в продолжение уголовного процесса мера пресечения была изменена на подписку о невыезде. Однако заявитель оставался под стражей, отбывая свой первоначальный приговор.

85. 29 сентября 1999 г. уголовное дело относительно оставшейся части обвинения было прекращено по основанию отсутствия состава преступления.

30 сентября 1999 г., однако, заявителю было предъявлено новое обвинение, связанное с незаконным владением собственностью как президента банка.

86. 19 октября 1999 г. по завершении предварительного следствия прокурор подписал обвинительное заключение и направил его в Магаданский городской суд. Обвинительное заключение содержало первоначальное дело № 48529 и информацию, что процесс по этому делу начался 8 февраля 1995 г. Судебное слушание началось 20 декабря 1999 г. Городской суд вынес оправдательный приговор по новым пунктам обвинения.

87. 26 июня 2000 г. заявитель был освобожден из колонии по амнистии, объявленной 26 мая 2000 г.

I. Национальное право

88. А. Конституция Российской Федерации

Пункт 6 (2) раздела 2:

«До приведения уголовно-процессуального законодательства РФ в соответствие с положениями настоящей Конституции сохраняется прежний порядок ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления».

89. В. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР

Статья 11

Неприкосновенность личности

Никто не может быть подвергнут аресту иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора.

Статья 89

Применение мер пресечения

При наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе применить в отношении обвиняемого одну из следу-

ющих мер пресечения: подписку о невыезде, личное поручительство или поручительство общественных объединений, заключение под стражу.

Статья 92

Постановление и определение о применении меры пресечения

О применении меры пресечения лицо, производящее дознание, следователь, прокурор выносят мотивированное постановление, а суд – мотивированное определение, содержащее указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется данное лицо, и основание для избрания примененной меры пресечения. Постановление или определение объявляется лицу, в отношении которого оно вынесено, и одновременно ему разъясняется порядок обжалования применения меры пресечения.

Копия постановления или определения о применении меры пресечения немедленно вручается лицу, в отношении которого оно вынесено.

Статья 96

Заключение под стражу

Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется с соблюдением требований статьи 11 настоящего Кодекса в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет. В исключительных случаях по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, указанная мера пресечения может быть применена к подозреваемому или обвиняемому, если он нарушил ранее избранную ему меру пресечения либо не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации или личность его не установлена.

К несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае совершения им тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть применена в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

При решении вопроса о санкции на арест прокурор обязан тщательно ознакомиться со всеми материалами дела, содержащими основания для заключения под стражу, и в необходимых случаях лично допросить подозреваемого или обвиняемого, а несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого – во всех случаях.

Право давать санкцию на арест принадлежит Генеральному

прокурору Российской Федерации, его заместителям, заместителю Генерального прокурора Российской Федерации – главному военному прокурору, прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам других специализированных прокуратур, их заместителям, прокурорам городов и районов, приравненным к ним территориальным прокурорам, военным прокурорам и прокурорам других специализированных прокуратур.

Повторное применение в отношении того же лица и по тому же делу заключения под стражу в качестве меры пресечения после отмены ее постановлением судьи, вынесенным в порядке, предусмотренном частью 2 статьи 220 настоящего Кодекса, возможно лишь при открытии новых обстоятельств, делающих заключение лица под стражу необходимым. Повторное применение заключения под стражу в качестве меры пресечения может быть обжаловано в суд на общих основаниях.

Лицо или орган, в производстве которых находится уголовное дело, обязаны незамедлительно известить одного из близких родственников подозреваемого или обвиняемого о месте или об изменении места содержания его под стражей.

Статья 97

Сроки содержания под стражей

Содержание под стражей при расследовании преступлений по уголовным делам не может продолжаться более двух месяцев. Этот срок может быть продлен районным, городским прокурором, военным прокурором гарнизона, объединения, соединения и приравненными к ним прокурорами в случае невозможности закончить расследование и при отсутствии оснований для изменения меры пресечения – до трех месяцев. Дальнейшее продление срока может быть осуществлено только ввиду особой сложности дела прокурором субъекта Российской Федерации, военным прокурором округа, группы войск, флота, Ракетных войск стратегического назначения, Федеральной пограничной службы Российской Федерации и приравненными к ним прокурорами – до шести месяцев со дня заключения под стражу.

Продление срока содержания под стражей свыше шести месяцев допускается в исключительных случаях и только в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Такое продление осуществляется заместителем Генерального прокурора Российской Федерации – до одного года и Генеральным прокурором Российской Федерации – до полугода лет.

Дальнейшее продление срока не допускается, содержащийся под стражей обвиняемый подлежит немедленному освобождению.

Материалы окончательного расследования уголовного дела должны быть предъявлены для ознакомления обвиняемому и его защитнику не

позднее чем за месяц до истечения предельного срока содержания под стражей, установленного частью второй настоящей статьи. В случае когда ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами дела до истечения предельного срока содержания под стражей невозможно, Генеральный прокурор Российской Федерации, прокурор субъекта Российской Федерации, военный прокурор округа, группы войск, флота, Ракетных войск стратегического назначения, Федеральной пограничной службы Российской Федерации и приравненные к ним прокуроры вправе не позднее пяти суток до истечения предельного срока содержания под стражей возбудить ходатайство перед судьей областного, краевого и приравненных к ним судов о продлении этого срока.

Судья в срок не позднее пяти суток со дня получения ходатайства выносит одно из следующих постановлений:

1) о продлении срока содержания под стражей до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела и направления прокурором дела в суд, но не более чем на шесть месяцев;

2) об отказе в удовлетворении ходатайства прокурора и об освобождении лица из-под стражи (см. текст в предыдущей редакции).

В том же порядке срок содержания под стражей может быть продлен в случае необходимости удовлетворения ходатайства обвиняемого или его защитника о дополнении предварительного следствия.

При возвращении судом на новое расследование дела, по которому срок содержания обвиняемого под стражей истек, а по обстоятельствам дела мера пресечения в виде содержания под стражей изменена быть не может, продление срока содержания под стражей производится прокурором, осуществляющим надзор за следствием, в пределах одного месяца с момента поступления к нему дела. Дальнейшее продление указанного срока производится с учетом времени пребывания обвиняемого под стражей до направления дела в суд в порядке и пределах, установленных частями первой и второй настоящей статьи.

Продление срока содержания под стражей в соответствии с настоящей статьей является поводом для обжалования в суд содержания под стражей и судебной проверки его законности и обоснованности в порядке, предусмотренном соответственно частью 1 и частью 2 статьи 220 настоящего Кодекса.

Статья 101

Отмена или изменение меры пресечения

Мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает дальнейшая необходимость, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда это вызывается обстоятельствами дела. Отмена или изменение меры пресечения производится мотивированным постановлением лица,

производящего дознание, следователя или прокурора, а после передачи дела в суд – мотивированным определением суда.

Отмена или изменение лицом, производящим дознание, и следователем меры пресечения, избранной по указанию прокурора, допускается лишь с санкции прокурора.

Часть 1 статьи 223

Назначение судебного заседания

Судья, придя к выводу, что при расследовании дела соблюдены все требования настоящего Кодекса по обеспечению прав гражданина, привлеченного в качестве обвиняемого, отсутствуют иные препятствия для рассмотрения дела в суде, выносит постановление о назначении судебного заседания. При этом судья вправе исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении, однако с тем, чтобы новое обвинение по своим фактическим обстоятельствам не отличалось существенно от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении.

Вопрос о назначении судебного заседания должен быть разрешен не позднее 14 суток с момента поступления дела в суд, если обвиняемый содержится под стражей, и в течение месяца по остальным делам.

Статья 239

Сроки рассмотрения дела в судебном заседании

Дело должно быть начато рассмотрением в судебном заседании не позднее четырнадцати суток с момента вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания.

90. С. Федеральный закон о содержании под стражей обвиняемых и подозреваемых в совершении преступления

В соответствии со статьей 21 данного закона жалобы подозреваемых и обвиняемых государственным органам и должностным лицам или органам местного самоуправления и неправительственным организациям направляются через администрацию учреждений содержания под стражей.

Обращения и жалобы, адресованные прокурору, суду или другим государственным учреждениям, осуществляющим контроль за учреждениями по содержанию подозреваемых и обвиняемых, не подлежат цензуре и должны быть направлены адресату в запечатанном конверте не позже, чем на следующий рабочий день.

Оговорки Российской Федерации

91. Ратификационная грамота Российской Федерации от 5 мая 1998 г. содержит следующие оговорки:

«В соответствии со статьей 64 Конвенции Российская Федерация заявляет, что положения статьи 5 (параграфы 3 и 4) не препятствуют применению нижеследующих положений законодательства Российской Федерации:

санкционированного абзацем 2 пункта 6 раздела второго Конституции РФ 1993 г. временного применения установленного частью 1 статьи 11, частью 1 статьи 89, статьями 90, 92, 96, частью 1 и частью 2 статьи 96, статьями 97, 101 и 122 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г. с последующими изменениями и дополнениями порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления».

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции

Заявитель жаловался на условия содержания под стражей в СИЗО. Он ссылается на статью 3 Конвенции, которая предусматривает:

«Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему обращению или наказанию».

Заявитель ссылается, в частности, на перенаселенность камеры и антисанитарные условия в ней, а также на длительный период, в течение которого он содержался в таких условиях, что повлекло за собой ухудшение его здоровья и вызвало унижение и страдания.

93. Правительство оспаривало тот факт, что условия содержания заявителя под стражей могут рассматриваться как пытки или унижающее и бесчеловечное обращение. Условия не отличались от условий содержания большинства других заключенных в Российской Федерации, во всяком случае, не были хуже. Перенаселенность камер является общей проблемой в Российской Федерации. Администрация СИЗО предпринимала все возможные меры для обеспечения медицинской помощи лицам, страдающим от заболеваний, и обеспечения профилактики заражения инфекционными заболеваниями.

94. Было признано, что условия содержания подозреваемых под стражей по экономическим причинам неудовлетворительны и ниже требований, установленных для пенитенциарных учреждений в других государствах – членах Совета Европы. Однако государство предпринимает меры для того, чтобы улучшить положение заключенных в России. Был принят ряд специальных программ по улучшению СИЗО и других учреждений, реконструкции имеющихся учреждений, устранению туберкулеза и иных инфекционных заболеваний. Реализация

этих программ позволит в два раза увеличить количество мест для заключенных и улучшить санитарные условия в следственных изоляторах.

95. Суд напоминает, что статья 3 Конвенции гарантирует одну из основных ценностей демократического общества. Она запрещает пытки и бесчеловечное и унижающее обращение или наказание вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств и поведения жертвы (см., например, дело *Labita v. Italy* № 26772/95, п. 119, ECHR 2000-IV).

Суд далее напоминает, что в соответствии с его прецедентным правом жестокое обращение должно достигать минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3. Оценка этого минимума относительна. Она зависит от обстоятельств дела, таких, как длительность такого обращения, его воздействие на физическое состояние и психику лица и в некоторых случаях пол, возраст и состояние здоровья лица (см. решение по делу *Ireland v. the United Kingdom* от 18 января 1987 г. сер. А, № 25, с. 65, п. 162).

Суд рассматривал обращение как бесчеловечное, потому как, помимо прочего, оно было умышленным и повлекло за собой также фактический ущерб здоровью, усилило физические и моральные страдания лица. Это обращение также может рассматриваться как унижающее, так как оно усиливало у лица ощущения страха, боли, беспомощности (см., например решение по делу *Kudla v. Poland* № 30210/96, п. 92, ECHR 2000-XI). Решая вопрос, было ли обращение унижающим в смысле статьи 3, Суд будет рассматривать, было ли целью такого обращения унижить и оскорбить человека, и, что касается последствий, повлияли ли они на его личность несопоставимым со статьей 3 способом (см., например, решение по делу *Raninen v. Finland* от 16 декабря 1997 г. 1997 – VIII, с. 2821–2822, п. 55). Однако отсутствие таких целей не может приводить к безусловному выводу об отсутствии нарушения статьи 3 (см., например, дело *Peers v. Greece* 28524/95, п. 74, ECHR-III).

Меры по лишению лица свободы могут часто включать эти элементы. Нельзя говорить, что сам по себе вопрос заключения под стражу влечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции. Также статья не может быть однозначно истолкована как устанавливающая общее обязательство освободить лицо из-за плохого состояния здоровья или направить его в больницу за пределами мест заключения для обеспечения его специальным медицинским лечением.

Тем не менее, согласно данной статье, государство должно гарантировать, чтобы лицо содержалось под стражей в таких условиях, которые сопоставимы с человеческим достоинством, чтобы мера и способ исполнения наказания не приводили к его страданиям и испытаниям, чрезмерным по сравнению с установленными требованиями к местам лишения свободы, его здоровью и благополучию должны быть надле-

жащим образом защищены (см. решение по делу *Kudla v. Poland*, № 30210/96, п. 92–94, ECHR 2000-XI).

Когда оцениваются условия заключения, должно приниматься во внимание совокупное воздействие этих условий, так же как и утверждения заявителя о них (см. решение по делу *Dougos v. Greece* 40907/98, п. 46, ECHR2001-II).

96. В данном деле суд отмечает, что заявитель содержался в Магданском следственном изоляторе ИЗ-47-1 с 29 июня 1995 г. по 20 октября 1999 г. и с 9 декабря 1999 г. по 26 июня 2000 г. Он напоминает, что в соответствии с общепризнанными принципами международного права Конвенция обязывает Высокие Договаривающиеся Стороны в отношении только тех фактов, которые имели место после вступления в силу Конвенции. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 г. Однако, оценивая последствия условий заключения для заявителя, которые были одинаковыми на протяжении всего периода заключения, Суд может также принять во внимание весь период, в течение которого лицо было заключено под стражу, включая период до 5 мая 1998 г.

97. Суд отмечает, что камера, в которой содержался заявитель, была размером 17 квадратных метров (согласно информации, предоставленной заявителю) и 20,8 квадратных метра (согласно информации, предоставленной Правительством). Она была оборудована койками и предназначалась для 8 заключенных. Может обсуждаться вопрос, соответствовало ли такое помещение общепринятым стандартам. В связи с этим Европейский суд указывает, что Европейский комитет по предотвращению пыток и унижающего и бесчеловечного отношения и наказания установил стандарт 7 квадратных метров на заключенного (см. доклад СРТ/inf (92)3, п. 43), таким образом, на 8 заключенных должны приходиться 56 квадратных метров.

Несмотря на то, что камера предназначалась для 8 заключенных, в соответствии с информацией, представленной заявителем, в камере содержалось от 18 до 24 человек. В своей жалобе об освобождении из-под стражи от 26 декабря 1996 г. заявитель указывал, что в камере на 8 коек содержится 21 заключенный. В аналогичной жалобе от 8 июня 1999 г. он указывал, что в камере содержится 18 человек (см. выше п. 43 и 73).

Суд отмечает, что Правительство со своей стороны признало факт общей перенаселенности камер в СИЗО, что одна койка использовалась 2–3 заключенными. В то же время Правительство не согласилось с заявителем относительно количества заключенных. По его информации, заключенных было около 11 или чуть больше, и обычное число заключенных достигало 14. Однако Правительство не представило никаких подтверждающих документов в пользу своих заявлений. В со-

ответствии с информацией, представленной заявителем, только в марте – апреле 2000 г. количество заключенных в камере снизилось до 11 человек.

Суд не находит необходимым разрешать разногласия между показаниями Правительства и заявителя по данному пункту. Представленные цифры говорят о том, что в любое время количество пространства на каждого заключенного составляло от 0,9 до 1,9 квадратных метра. Таким образом, с точки зрения Суда, камера была постоянно и очень сильно перенаселена. Уже сам этот факт поднимает вопрос о нарушении статьи 3 Конвенции.

Более того, учитывая такую перенаселенность, заключенные в камере заявителя должны были спать по очереди, исходя из восьмичасового графика сна для каждого заключенного. Это следует из ходатайства об освобождении от 16 июня 1999 г., в это время заявителю приходилось делить свою койку с двумя другими заключенными (см. п. 74). Условия сна были сильно ухудшены еще и тем, что в камере постоянно горел свет и постоянно было шумно из-за большого количества заключенных. Результатом нарушения сна стало ухудшение физического и психического состояния заявителя.

Суд далее исследует отсутствие надлежащей вентиляции в камере заявителя, перенаселенной заключенными, которым было разрешено курить в камере. Несмотря на то, что заявителю было позволено совершать прогулки за пределами камеры в течение одного или двух часов в день, остальную часть времени он проводил в условиях ограниченного пространства в своей камере, в душной атмосфере.

98. Суд далее отмечает, что в камере заявителя обитали насекомые и что никаких мер борьбы с ними не предпринималось. Правительство признало, что паразитирующие в камере насекомые были проблемой, но ссылались на министерские инструкции 1989 г., обязывающие предпринимать меры борьбы с ними. Однако из представленного материала не видно, что в камере заявителя это делалось.

В период пребывания в СИЗО заявитель заразился рядом кожных заболеваний и грибковой инфекцией, что в 1996, 1997 и 1999 гг. послужило причиной объявления перерыва в судебных процессах. Даже если заявитель действительно прошел курс лечения от этих заболеваний, их возобновление было связано с очень плохими условиями в камере.

Суд также с большой обеспокоенностью отмечает, что во время заключения заявителя были случаи, когда в камеру попадали лица, страдающие сифилисом и туберкулезом, хотя Правительство и делало акцент на том, что предпринимались меры профилактики.

99. Дополнительным аспектом антисанитарных условий, описанных ранее, был туалет. Перегородка высотой 1,1 метра отделяла унитаз от умывальника, но не от остальной части камеры. Двери или пе-

регородки входа в туалет не было. Таким образом, заявитель вынужден был пользоваться туалетом при других заключенных и присутствовать при использовании туалета другими заключенными. Фотографии, представленные Правительством, показывают неотгороженный туалет без какого-либо намека на уединение.

В то время как Суд с удовлетворением отмечает, что впоследствии достаточно серьезные изменения имели место в той части СИЗО, в которой находилась камера заявителя (как это иллюстрирует видеозапись, представленная в суд), это не уменьшает общего воздействия невыносимых условий в камере во время нахождения там заявителя.

100. Условия содержания в камере также явились предметом разбирательства суда, рассматривающего дело. В апреле и июне 1999 г. суд затребовал заключение медицинских экспертов относительно физического и морального состояния заявителя после 4 лет заключения, чтобы определить, позволяет ли его состояние участвовать в процессе или он должен быть госпитализирован (см. выше п. 71 и 76). Несмотря на то, что эксперты ответили на вопросы отрицательно, Суд отмечает, что их выводы содержали указание на медицинские заболевания, которыми страдал заявитель (нейроциркуляторная дистония, астено-невротический синдром, хронический гастроудоденит, грибковая инфекция, микоз).

101. Суд принимает тот аргумент, что в данном деле не было прямого умысла на унижающее и бесчеловечное обращение с заявителем. Хотя вопрос о том, преследовалась ли цель унижающего и бесчеловечного обращения, является фактором, принимаемым Судом во внимание, отсутствие такой цели не может исключить нарушение статьи 3 Конвенции (см. решение по делу *Peers v. Greece*). Суд считает, что условия содержания под стражей, где заявитель провел примерно 4 года и 10 месяцев, должны были привести к значительным нравственным страданиям заявителя, унижающим его достоинство и вызывающим чувство беспомощности.

102. В свете изложенного суд находит, что условия содержания заявителя под стражей, в частности огромная перенаселенность камер, антисанитарные условия и их неблагоприятное влияние на состояние здоровья заявителя в сочетании с длительностью периода содержания в таких условиях представляли собой унижающее обращение.

103. Таким образом, имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение части 3 статьи 5 Конвенции

104. Заявитель жаловался, что длительность содержания под стражей до суда составляла нарушение части 3 статьи 5 Конвенции, которая устанавливает:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с пунктом “с” части 1 настоящей статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

А. Предварительные возражения Правительства

105. Правительство оспаривало тот факт, что жалоба заявителя должна быть рассмотрена в свете оговорок Российской Федерации. Было указано, что оговорка относится как к периоду предварительного расследования, так и к судебному процессу. Правительство ссылалось на текст оговорки и содержание статей Уголовно-процессуального кодекса, указанных в ней. В частности, статьи 11, 89, 92 и 101 Кодекса (см. выше п. 89) позволяют судам применять меры предварительного заключения до вынесения судебного решения.

106. Заявитель указывал, что российские оговорки неприменимы в настоящем деле, поскольку оговорка не касается длительности заключения самого по себе. Было указано также, что целью оговорки является сохранение полномочий прокурора санкционировать применение мер пресечения в виде заключения под стражу и полномочия продлять заключение, когда это необходимо.

107. Суд указывает, что оговорка ограничена исключением из сферы действия части 3 статьи 5 Конвенции временным применением определенных положений Уголовно-процессуального кодекса, указанных в тексте оговорки и касающихся процедуры ареста, заключения под стражу лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Положения устанавливают условия и случаи применения мер пресечения, включая заключение под стражу, и список лиц, которые могут принимать решения о применении таких мер.

Суд отмечает, что оговорка содержит ссылку на статью 97 Уголовно-процессуального кодекса, согласно которой лицо может быть заключено под стражу на срок до 18 месяцев в течение следствия по уголовному делу с санкции прокурора.

Несмотря на ссылку относительно сроков задержания на стадии предварительного следствия, Суд признает, что оговорка касается процедуры применения меры пресечения в виде заключения под стражу, в то время как жалоба заявителя относится к длительности задержания как такового, а не оспаривает его законность.

108. В связи с этим Суд находит, что оговорка в данном деле неприменима.

В. Суть жалобы

1. Период, который должен приниматься во внимание

109. Не оспаривалось, что период, который должен приниматься во внимание, начался 29 июня 1995 г., когда заявитель был помещен под стражу.

В отношении завершения данного периода заявитель указывал, что этой датой является 31 мая 2000 г., когда Магаданский городской суд вынес свой второй приговор по делу. Правительство заявляло, что этот период закончился 3 августа 1999 г. после вынесения первого приговора. Правительство заявляло, что исследование судом длительности задержания должно ограничиться периодом с 5 мая 1998 г., датой, когда Конвенция вступила в силу в отношении РФ, до 1999 г.

110. Суд прежде всего напоминает, что при определении длительности задержания по части 3 статьи 5 Конвенции период, который должен приниматься во внимание, начинается с даты, когда обвиняемый был взят под стражу, и заканчивается днем, когда лицо признано виновным, хотя бы только судом первой инстанции (см. решения по делам *Wemhoff v. Germany* от 27 июня 1968 г., сер. А, № 7, с. 23, п. 9 и *Labita v. Italy*). Таким образом, в данном деле задержание началось 29 июня 1995 г. и закончилось 3 августа 1999 г., когда лицо было осуждено Магаданским городским судом. Следующие обвинения не влияют на период заключения, так как в последующий период заявитель отбывал наказание в соответствии с пунктом «а» части 1 статьи 5 Конвенции.

Общий период заключения заявителя, который должен приниматься во внимание, составил 4 года 1 месяц и 4 дня.

111. Поскольку события, произошедшие до 5 мая 1998 г., не относятся к юрисдикции Суда по критерию времени, Суд будет рассматривать период в 1 год 2 месяца и 29 дней, прошедшие с 5 мая 1998 г. до приговора Магаданского городского суда от 3 августа 1999 г. Однако во внимание должен быть принят и период с 29 июня 1995 г. по 5 мая 1998 г., поскольку заявитель к этому моменту уже находился под стражей 2 года 10 месяцев и 6 дней (см. решение по делу *Mansur v. Turkey* от 8 июня 1995 г.).

2. Обоснованность длительности содержания под стражей

(а) Позиции сторон

112. Заявитель указывал, что не было необходимости заключать его под стражу и держать под стражей в течение длительного срока, и не было никаких доказательств того, что он мог препятствовать установлению истины по делу. Представленные властями основания его заключения не были надлежащими и обоснованными.

Заявитель также указывал, что его дело не было особенно сложным, как это утверждал Магаданский городской суд 15 марта 1999 г., три тома из девяти томов материалов уголовного дела состояли полностью из его жалоб в различные инстанции. Следствие по делу включало допрос 29 свидетелей, и в деле фигурировало два гражданских истца.

Наконец, заявитель утверждал, что расследование не проводилось с должной тщательностью. Длительность его заключения была также обусловлена ненадлежащими действиями следствия, их попытками увеличить количество пунктов обвинения и отсутствием необходимого контроля за следствием со стороны компетентных органов. В этом отношении заявитель ссылаясь на выводы Магаданского городского суда от 3 августа 1999 г. (см. п. 80).

113. Правительство указало, что заявитель был взят под стражу на том основании, что он препятствовал установлению истины по делу. Представители в дальнейшем рассматривали период заключения под стражу как разумный и обоснованный из-за сложности дела, его объема (9 томов) и большого количества свидетелей и жертв преступления.

б) Оценка суда

(i) Принципы, установленные в прецедентном праве Суда

114. Суд повторяет, что вопрос, являлся или нет период заключения обоснованным, не может оцениваться абстрактно. Вопрос обоснованности длительности заключения должен решаться в каждом деле в зависимости от конкретных обстоятельств. Продление заключения может быть оправданным в данном деле только в том случае, если имели место определенные элементы общественного интереса, которые, несмотря на презумпцию невиновности, более важны, чем принцип свободы личности, предусмотренный статьей 5 Конвенции (см., помимо прочего, дело *Kudla v. Poland*).

В первую очередь, на национальных властях лежит обязательство обеспечить обвиняемому, чтобы предварительное следствие не превышало по сроку обоснованного и разумного периода. К концу предварительного следствия они должны, уделяя должное внимание принципу презумпции невиновности, исследовать все факты «за» и «против» наличия указанного общественного интереса и положить их в основу решений по жалобам об освобождении из-под стражи. Основываясь на причинах, приведенных властями в решениях по жалобам и достаточно хорошо доказанных документально утверждениях заявителя, суд призван решить вопрос, имело ли место нарушение части 3 статьи 5.

Убеждение в обоснованности подозрения, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является неременным услови-

ем для законности длительного содержания под стражей, но по прошествии определенного периода времени оно перестает иметь решающее значение. Суд тогда должен установить, есть ли другие основания, представленные властями, оправдывающие длительность заключения. Там, где такие основания являются надлежащими и существенными, Суд также может быть удовлетворен тем, что национальные власти демонстрировали «особую осмотрительность, осторожность» в проведении следствия. Сложность и специфика следствия – это факторы, которые должны приниматься во внимание в этом отношении (см., например, решения по делам *Scott v. Spain* от 18 декабря 1996 г. и *J. A. v. France* от 23 сентября 1998 г.).

(ii) Применение указанных принципов в данном деле

(* *Основания лишения свободы*

115. В период, относящийся к юрисдикции Европейского суда по правам человека, Магаданский городской суд, отказываясь освободить заявителя из-под стражи, указывал в качестве основания тяжесть обвинения, предъявленного заявителю, и опасность того, что он может помешать установлению истины по делу (см. выше п. 69). Суд установил, что аналогичные обстоятельства указывались городским судом и ранее – 27 декабря 1996 г. и 8 августа 1997 г. – для обоснования продления нахождения заявителя под стражей (см. выше п. 43 и 46).

Суд далее отмечает, что основной причиной, по которой заявитель был заключен под стражу, было то, что он препятствовал следствию в установлении истины по делу, отказываясь предоставить банковские документы, необходимые следствию, оказывал давление на свидетелей и, предположительно, фальсифицировал доказательства. При принятии решения об отказе в освобождении из-под стражи также принималась во внимание тяжесть преступления.

116. Суд напоминает, что наличие обоснованного подозрения об участии лица в преступлении хотя и может рассматриваться как надлежащий критерий, но само по себе не может являться основанием для длительного заключения под стражу (см., например, решение по делу *Scott v. Spain*). Относительно другого основания заключения под стражу, по которому Магаданский городской суд продлил срок содержания под стражей – опасность препятствования установлению истины по делу со стороны заявителя, – Суд отмечает, что, в отличие от постановления о заключении под стражу от 29 июня 1995 г., городской суд не назвал никаких фактических обстоятельств, подтверждающих эти выводы, аналогичные выводам, сделанным в 1996, 1997 и 1999 гг. В этих постановлениях суда нет никаких ссылок на факты, способные доказать, что эта опасность основывалась на действительных обстоятельствах, имевших место в тот период.

117. Суд принимает тот аргумент, что препятствование следствию наряду с подозрением в совершении преступления, которое вменялось заявителю, могло на первоначальном этапе быть основанием для содержания его под стражей. Однако по ходу процесса и завершению сбора доказательств такое основание неизбежно стало менее обоснованным.

118. Таким образом, Суд находит, что основания, по которым властные органы считали содержание заявителя под стражей необходимым, было обоснованным и существенным на первоначальном этапе, но со временем потеряло свое значение.

() Ведение процесса*

119. В отношении длительности следствия Суд принимает во внимание выводы национального суда о том, что дело не представляло собой особой сложности и что следствие по делу было ненадлежащим, что частично привело к затягиванию процесса (см. выше п. 69 и 80). Суд находит, что нет оснований делать иные выводы. Суд также признает, что в соответствии с выводами, сделанными национальным судом, следственные органы необоснованно пытались увеличить количество пунктов обвинения (см. п. 80), доказательством чего может являться тот факт, что только один из девяти пунктов обвинения против заявителя был признан обоснованным в приговоре Магаданского городского суда от 3 августа 1999 г.

120. В отношении последующего ведения уголовного процесса Суд установил, что имело место существенное затягивание процесса в Магаданском городском суде. Слушание, которое началось 11 ноября 1996 г., было отложено на 7 мая 1997 г. в связи с отставкой председательствующего судьи. Слушание дела так и не состоялось до 15 апреля 1999 г., хотя определенные процессуальные шаги были предприняты в июле – августе 1997 г. (назначение нового судьи и назначение судебного заседания), в мае и июле 1998 г. (передача дела в другой суд), ноябре 1998 г. (назначение слушания), январе и марте 1998 г. (решение о направлении дела на дополнительное расследование).

Если это действительно так, что слушание дела, назначенное на 8 августа 1997 г., было отложено по причине неявки адвоката заявителя и что заявитель отказывался передавать его дело в другой суд – мера, предпринятая для ускорения процесса, – Суд находит, что заявитель не повлиял существенно на длительность процесса в период между двумя разбирательствами, поскольку тогда никакого движения дела не было.

Таким образом, Суд признает, что длительность процесса не была вызвана ни сложностью процесса, ни поведением заявителя. Принимая во внимание оценку, данную следствию, и постоянное откладыва-

ние процессов, Суд считает, что власти не действовали с необходимой оперативностью.

(*) *Выводы*

121. Относительно указанных фактов Суд признает, что период, проведенный заявителем под стражей после передачи дела в суд, превышал «разумный срок». Таким образом, имело место нарушение части 3 статьи 5 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение части 1 статьи 6 Конвенции

122. Заявитель жаловался на то, что уголовное дело против него не было рассмотрено в разумный срок, как этого требует часть 1 статьи 6 Конвенции, соответствующий текст которой гласит:

«При рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленно-го против него... каждый имеет право на слушание в разумный срок судом, созданным на основании закона».

A. Период, который принимается во внимание

123. Заявитель утверждал, что период, который необходимо принять во внимание, начинается 8 февраля 1995 г., когда было возбуждено уголовное дело, и заканчивается 31 марта 2000 г., когда Магаданский городской суд вынес свой второй приговор по делу.

Правительство утверждало, что период, который должен приниматься во внимание, длился с передачи дела в Магаданский городской суд 6 февраля 1996 г. до провозглашения первого приговора по делу 3 августа 1999 г.

124. Суд напоминает, что период, который должен быть принят во внимание при определении длительности процесса, начинается с того дня, когда лицо «обвинено» в фактическом смысле этого слова (см. например, решения по делам *Corigliano v. Italy* от 10 сентября 1982 г., *Imbriosca v. Switzerland* от 24 ноября 1993 г.), и заканчивается днем, когда обвинение рассмотрено или дело прекращено.

В данном деле период, который должен рассматриваться, начинается 8 февраля 1995 г., когда заявитель стал подозреваемым по делу о незаконном владении собственностью. В отношении окончания данного периода Суд отмечает, что за постановлением от 29 сентября 1999 г., которое последовало за приговором от 3 августа 1999 г., новое обвинение было предъявлено 30 сентября 1999 г. на основе тех же фактов. Суд признает, что новое обвинение было частью первоначального дела № 48529, которое было возбуждено 8 сентября 1995 г. В таких обстоятельствах и принимая во внимание временные рамки нового обвинения, Суд считает, что период, который необходимо принимать

во внимание, заканчивается 31 марта 2000 г., когда городской суд вынес окончательный приговор.

Период, принимаемый во внимание, т. е. с 8 февраля 1995 г. до 31 марта 2000 г., составил в сумме 5 лет 1 месяц и 23 дня и включал только первую инстанцию, помимо различных дополнительных процедур. Поскольку юрисдикция Суда относится только к периоду после вступления Конвенции в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 г., Суд может принимать во внимание состояние процесса на данную дату (см., например, решение по делу *Yagci v. Turkey* от 8 июня 1995 г.).

В. Обоснованность длительности рассмотрения дела

125. Суд напоминает, что разумность длительности судебного разбирательства должна оцениваться в свете конкретных обстоятельств дела, внимание должно уделяться критериям, выработанным прецедентным правом Суда, в частности, сложности дела, поведению заявителя и поведению компетентных органов. Кроме того, должно приниматься во внимание, каков был характер процесса и какое значение он имел для заявителя (см. решение по делу *Kudla v. Poland*).

Информация, представленная сторонами

126. Относительно сложности дела заявитель ссылаясь на выводы Магаданского городского суда от 15 марта 1999 г., что дело не представляло собой особой сложности и что затягивание процесса, имевшее место, не было обоснованным.

В отношении хода процесса заявитель утверждает, что его жалобы имели целью ускорение процесса. Более того, статья 6 Конвенции не требует его активного содействия судебной власти, поэтому вряд ли его попытки добиться правовых средств защиты могут быть поставлены ему в вину.

В отношении поведения властей заявитель ссылается на ненадлежаще проведенное предварительное расследование и недостатки предварительного следствия, установленные Магаданским городским судом 3 августа 1999 г. Кроме того, городской суд сам допускал нарушение процессуальных норм, нарушая сроки назначения судебного заседания, установленные статьями 223.1 и 239 Уголовно-процессуального кодекса. Было указано, что суд допросил в судебном заседании только 9 свидетелей. Заявитель также ссылаясь на устранение судьи от его процесса, не имевшее отношения к его делу, и передачу дела в Хасинский районный суд, который показал свою несостоятельность в ускорении процесса.

127. Правительство признавало, что изучение в суде дела заявителя заняло много времени, но утверждало, что этот период не был необоснованным, поскольку длительность изучения материалов дела была

вызвана сложностью и объемом дела, а также необходимостью его тщательного и детального исследования.

Более того, заявитель также повлиял на длительность процесса путем направления множества жалоб, включая повторные ходатайства по тем моментам, которые уже рассматривались и по которым ходатайства были отклонены. Правительство ссылалось на выводы Магаданского городского суда от 15 июля 1999 г. и 22 июля 1999 г., где было указано, что заявитель направлял огромное число жалоб во время рассмотрения дела в суде, что может расцениваться как умышленное затягивание процесса. Жалобы заявителя между слушаниями о направлении дела на рассмотрение в другой суд также вызывали задержку. Следует отметить, что около 30 % материалов дела составляли его жалобы и ходатайства.

Правительство также указало, что период, когда заявитель находился под стражей, был засчитан в срок его наказания. Таким образом, длительность нахождения лица под стражей не увеличила общий срок его лишения свободы.

Наконец, Правительство заявило, что власти продемонстрировали гуманное отношение к заявителю, так как он был освобожден по амнистии, ранее отбытия приговора, даже несмотря на то, что заявитель не компенсировал банку и его клиентам ущерб, который он причинил.

Оценка суда

а) Сложность дела

128. Суд отмечает, что обсуждаемое дело, в котором лицо было подсудимым, касалось финансовых преступлений с достаточными доказательствами, включая допрос свидетелей. Он утверждает, однако, что с 7 мая 1997 г., когда судебное слушание было отложено, до 15 апреля 1999 г., когда оно состоялось, никаких следственных действий предпринято не было.

Суд принимает выводы национального суда о том, что дело не было настолько сложным, чтобы оправдать длительность процесса.

Таким образом, ни сложность дела, ни требования следствия не оправдывали длительность рассмотрения дела.

б) Поведение заявителя

129. Суд отмечает, что на протяжении всего периода рассмотрения дела в суде заявитель писал жалобы и заявлял огромное количество ходатайств, связанных с его делом, и во время судебных заседаний, и между ними. Он напоминает, что статья 6 Конвенции не устанавливает требования для обвиняемого в совершении преступления активно содействовать органам правосудия и сотрудничать с ними (см., например, решение по делу *Dobbertin v. France* от 25 февраля 1993 г.).

Суд установил, что жалобы заявителя, поданные в течение судебного разбирательства 15 апреля 1999 г., национальный суд счел препятствующими рассмотрению дела. Однако не было никаких оснований считать, что в другие периоды судебного разбирательства, например с 11 ноября по 7 мая 1997 г. и с 20 декабря 1999 г. по 31 мая 2000 г. поведение заявителя каким-то образом отличалось от указанного.

В отношении ходатайств, подаваемых заявителем в перерывах между процессами, Суд отмечает, что они были направлены преимущественно против продления срока рассмотрения дела в суде. Суд не считает, что эти ходатайства повлияли на затягивание рассмотрения дела, тем более что, как правило, они оставались без ответа. Если это действительно так, что дело было передано в другой суд для ускорения процесса, заявителя нельзя осудить за возражение против такой передачи дела, поскольку никаких позитивных изменений передача дела в другой суд не принесла.

Суд снова учитывает, что 8 августа 1997 г. слушание было отложено из-за неявки адвоката заявителя.

130. Суд считает, что хотя в некоторой части заявитель был причиной задержки процесса, его поведение существенно не повлияло на длительность разбирательства по делу.

с) Поведение властных органов

131. Как было отмечено ранее, в национальном процессе имело место существенное затягивание, которое не может объясняться сложностью дела или поведением заявителя. В частности, дело лежало без какого-либо движения почти 2 года, т. е. с 7 мая 1997 г. по 15 апреля 1999 г.

132. Суд установил, что в течение всего периода рассмотрения дела в суде заявитель находился под стражей, – факт, который требовал от национальных властей особой предусмотрительности в части рассмотрения дела в разумный срок.

133. Суд далее отмечает, что после приговора Магаданского городского суда от 3 августа 1999 г. и прекращения оставшихся пунктов обвинения 29 сентября 1999 г. властные органы предъявили новое обвинение заявителю на основе тех же фактов, что также повлияло на длительность разбирательства по делу, которое и без того длилось четыре с половиной года в суде первой инстанции.

134. Суд считает, что властные органы не выполнили свои обязательства по рассмотрению дела в срок.

Вывод

135. На основании изложенного Суд считает, что длительность рассмотрения дела не отвечала требованиям «разумного срока». В соответствии с этим имело место нарушение части 1 статьи 6 Конвенции.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

136. Статья 41 Конвенции устанавливает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Материальный ущерб

137. Заявитель требовал возмещения ущерба по следующим пунктам.

1. \$ 130 599 за потерю заработной платы в Северо-Восточном акционерном банке за период его заключения с июля 1995 г. по апрель 2000 г.

2. \$ 203 000 за потерю заработной платы в другой компании, из которой он был уволен по причине его задержания.

3. \$ 500 000 за потерю собственности компании из-за его задержания.

4. \$ 8600 за утрату автомобиля.

5. \$ 11 734 376 в качестве компенсации потери прибыли акций, которые он не смог продать по рыночной стоимости в 1995 г.

6. \$ 436 226 за утрату большинства своих акций фабрики, которая была объявлена банкротом в 1997 г.

Общая сумма материального ущерба составила \$ 13 012 702.

138. Правительство возражало против этих сумм.

139. Суд указывает, что присуждает компенсацию в соответствии со статьей 41 только если установлено нарушение Конвенции и ущерб наступил в результате установленного нарушения.

В отношении требования по части 1 Суд отмечает, что заявитель был осужден и что период предварительного следствия был засчитан полностью в срок его наказания. Поэтому Суд считает, что данное требование не подлежит удовлетворению.

Относительно иных требований Суд считает, что не было причинной связи между установленным нарушением и наступившим ущербом.

Поэтому в этой части суд отклоняет требования заявителя.

B. Моральный вред

140. Заявитель потребовал компенсацию морального вреда в сумме 9 636 000 французских франков.

141. Правительство возражало, считая данную сумму чрезмерной и указывая, что сам факт установления нарушения станет достаточной компенсацией.

142. Суд считает, что длительность заключения заявителя в таких условиях, так же как и длительность уголовного процесса, должны были вызвать чувства фрустрации, неопределенности и беспокойства, которые не могут быть компенсированы только признанием нарушения.

143. Суд присуждает заявителю общую сумму 5000 евро в отношении компенсации морального вреда.

144. Заявитель указал, что его затраты на услуги адвоката в национальном процессе составили приблизительно \$40 000.

145. Правительство считает эту сумму необоснованной и чрезмерной относительно уровня оплаты адвокатов в тот период времени в Магадане. Оно также оспаривало подлинность документов, представленных заявителем. Также правительство возражало против того, что расходы, понесенные заявителем в национальном процессе, должны быть возмещены, так как заявитель был признан виновным и осужден к отбытию наказания в условиях лишения свободы.

146. Суд повторяет, что в отношении издержек, которые присуждаются лицу в соответствии со статьей 41 Конвенции, должно быть установлено, что они должны быть необходимыми и действительно понесенными лицом и иметь цель защитить его права, защищаемые Конвенцией. Из материалов дела очевидно следует, что заявитель пытался защитить свои права, предусмотренные Конвенцией, когда стремился добиться освобождения из-под стражи. Однако заявитель представил только часть документов, подтверждающих свои расходы. Более того, данные расходы не относились исключительно к восстановлению прав, предусмотренных статьей 3, частью 3 статьи 5 и частью 1 статьи 6 Конвенции.

Таким образом, Суд считает разумным и достаточным присудить заявителю 3000 евро по данному требованию.

147. Суд считает, что процент за невыплату суммы должен равняться годовой ставке Европейского центрального банка плюс три процента.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции.
2. Постановил, что имело место нарушение части 3 статьи 5 Конвенции.
3. Постановил, что имело место нарушение части 1 статьи 6 Конвенции.
4. Постановил, что
 - а) государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда решение суда становится окончательным в

соответствии со статьей 44 Конвенции, следующие суммы, переведенные в валюту Российской Федерации по курсу, действовавшему на день выплаты:

- i) 5000 евро как компенсацию морального вреда;
- ii) 3000 евро в качестве компенсации расходов и издержек;
- iii) все налоги, которыми эти суммы могут облагаться;

b) процентная ставка равна процентной ставке Европейского центрального банка плюс три процента, если требуемая сумма не будет выплачена в срок три месяца.

5. Отклонил остальные требования заявителя по справедливой компенсации.

Совершено на английском языке 15 и оглашено 15 июля 2002 г. в соответствии с пунктом 2 правила 77 процедуры Суда.

*С. Доле, секретарь секции Суда
Ж.-П. Коста, председатель Палаты Суда*

В соответствии со статьей 45 Конвенции и правилом 74 Правил процедуры Суда к решению прилагается отдельное совпадающее мнение судьи Ковлера.

Отдельное совпадающее мнение судьи Ковлера

В целом я разделяю мнение моих коллег по делу. Однако, учитывая юридическую важность решения суда, я считаю необходимым сделать некоторые замечания.

1. Оговорка, сделанная Российской Федерацией в отношении частей 3 и 4 статьи 5 Конвенции о применении некоторых положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г. с последующими изменениями и дополнениями в процедуру заключения подозреваемых также распространяет свое действие на статью 97 Уголовно-процессуального кодекса (сроки содержания под стражей), указанную в оговорке вместе с другими положениями Уголовно-процессуального кодекса. В связи с этим я считаю достаточно сложным подерживать вывод Суда, сделанный в пункте 108 решения, что оговорка не касается части досудебного заключения заявителя.

С моей точки зрения, было бы более правильным для Суда постановить, что оговорка, по крайней мере, распространяется на период, проведенный заявителем под стражей в ходе проведения следствия. Однако необходимо иметь в виду, что объемный текст оговорки в применении к статье 97 Уголовно-процессуального кодекса может привести к определенным выводам, что продление сроков заключения за пределами сроков, указанных в пунктах 4–7 статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса, является законным: в случаях, когда обвиняемый или его адвокат

не имеют возможности ознакомиться с материалами дела до истечения максимального срока заключения под стражу, когда обвиняемый и его адвокат ходатайствуют о проведении следственных действий или когда суд возвращает дело на доследование, когда срок содержания под стражей истек.

Другими словами, оговорка Российской Федерации относительно пунктов 3 и 4 статьи 5 относится не только к процедуре заключения как такового (которая, между прочим, кардинально изменилась с 1 июля 2002 г. в связи со вступлением в силу нового Уголовно-процессуального кодекса), но и к другим периодам досудебного содержания под стражу. В связи с этим необходимо определить, включает ли заключение под стражу период времени, проведенный в заключении после того, как дело было передано на рассмотрение в суд.

2. Российское процессуальное законодательство отличает два типа содержания под стражей: содержание под стражей в период предварительного следствия («за следствием») и содержание под стражей в период судебного дела («за судом»). Это отличие отражено в законе от 13 июня 2001 г., который ограничил шестью месяцами максимальный период рассмотрения уголовного дела в суде. Однако в пункте 110 данного решения Суд со ссылкой на прецедентное право указал, что содержание под стражей включает весь период содержания под стражей до вынесения приговора со дня, когда лицо было взято под стражу, и заканчивая днем, когда был вынесен приговор. Кроме всего прочего, для заключенного, запертого в перенаселенной камере, нет никакой разницы, рассматривается ли его содержание под стражей как относящееся к периоду следствия или к периоду рассмотрения дела в суде или имело ли оно место до вступления в силу Конвенции для государства или после. Данное отличие может быть важно для Суда, если Суд принимает свободу усмотрения государства в сфере определения обоснованности сроков содержания под стражей.

Заявитель находился под стражей в течение периода предварительно-го следствия с 29 июня 1995 г. (день, когда он был взят под стражу) до 19 июня 1996 г. (день, когда областная прокуратура передала дело в Магаданский городской суд), т. е. 11 месяцев 22 дня, что меньше максимального периода в 18 месяцев, установленного частью 2 статьи 97 УПК РСФСР, после истечения которого заключенный должен быть немедленно освобожден (часть 3 статьи 97 УПК РСФСР). В этой части заключение заявителя не может быть поставлено в вину государству-ответчику, так как оно предшествовало вступлению в силу Конвенции в отношении России (не соблюдается критерий времени).

Содержание заявителя под стражей в период судебного разбирательства длилось до 3 августа 1999 г., когда Магаданский городской суд вынес свой первый приговор, т. е. 3 года 1 месяц и 21 день (как

установлено Судом в пункте 110 решения). Не стоит забывать, что задержки в вынесении приговора и соответственно продление содержания лица под стражей были частично вызваны жалобами заявителя на судей и его ходатайствами о передаче дела в другой суд, а также перемены адвокатов и случаями их неявки в суд, факты чего Суд явно изложил в пункте 130 решения. Такая задержка составила всего 1 год и 3 месяца. Она не может, конечно, оправдать процессуальное затягивание процесса по вине суда, но тем не менее представляет в ином свете картину содержания заявителя под стражей в период судебного разбирательства.

Наконец, направление дела на доследование и вынесение Магаданским городским судом 31 марта 2000 г. второго приговора увеличило срок содержания под стражей еще на 7 месяцев в соответствии с частью 7 статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

Всего заявитель провел под стражей 5 лет 1 месяц и 29 дней, 4 года 9 месяцев и 2 дня из которых он провел в СИЗО № 1 г. Магадана. Этот период не может быть рассмотрен как разумный срок содержания под стражей для целей части 3 статьи 5 Конвенции, несмотря на обстоятельства, которые я привел выше. В соответствии с частью 8 статьи 97 Конвенции заявитель несколько раз жаловался на незаконность и необоснованность его содержания под стражей. Тем самым он исчерпал, как это требовалось частью 1 статьи 35 Конвенции, все доступные ему внутренние средства правовой защиты.

3. Относительно вопросов по части 1 статьи 6 Конвенции (справедливое и публичное слушание дела в разумный срок) Суд, к моему сожалению, не учел тот факт, что заявитель не использовал свое право подачи кассационной жалобы на приговор от 3 августа 1999 г., тем самым оставляя открытым вопрос исчерпания средств внутренней правовой защиты. Однако аргументы заявителя, что этот приговор не был окончательным, следствие продолжалось и новый приговор был вынесен 31 марта 2000 г., могут быть приняты во внимание.

4. На основании изложенного я считаю правильным согласиться с мнением моих коллег в отношении нарушений статьи 3, части 3 статьи 5 и части 1 статьи 6 Конвенции, но считаю, что присуждение справедливой компенсации в пункте 143 должно было быть оценено отдельно в отношении к каждому из нарушений.

Решение Европейского суда
по правам человека по делу
«Посохов против России»

Европейский суд по правам человека
Вторая секция

Дело «Посохов против России»¹
Жалоба № 63486/00

Решение

Постановление Суда по существу дела
и в отношении справедливой компенсации

Страсбург, 4 марта 2003 г.

В деле «Посохов против России» Европейский суд по правам человека (Вторая секция), заседая палатой в составе:

J.-P. Costa, *председателя палаты,*

A. В. Вака,

Gaukur Jorundsson,

L. Loucaides,

C. Birsan,

M. Ugrehelidze,

A. Kovler, *судей,*

S. Dolle, *секретаря секции,*

в закрытом судебном заседании 11 февраля 2003 г. вынес следующее решение, принятое этой датой:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 63486/00 против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином России Сергеем Витальевичем Посоховым (далее – «заявитель») 2 октября 2000 г.

2. Интересы заявителя представлял Александр Кирьянов, юрист, практикующий в Таганроге. Российское правительство (далее – Пра-

¹ Перевод выполнен юристом Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека А. В. Деменевой.

вительство) было представлено Павлом Лаптевым, уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что он был осужден судом, созданным в нарушение порядка, установленного национальным законом.

4. Жалоба была передана во Вторую секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). Палата, рассматривавшая данное дело, была сформирована в порядке, предусмотренном пунктом 1 правила 26 Регламента Суда.

5. 1 ноября 2001 г. Суд сменил состав секций (пункт 1 правила 25 Регламента Суда), и это дело было передано во вновь созданную Вторую секцию.

6. Решением от 9 июля 2002 г. Суд признал жалобу частично приемлемой.

7. Палата, посоветовавшись и выяснив мнение сторон, пришла к выводу, что проведения слушания по существу дела не требуется (пункт 3 правила 59 Регламента Суда). Стороны обменялись письменными меморандумами и представили дальнейшую информацию о деле.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

8. Заявитель родился в 1966 г. и проживает в Таганроге.

A. Уголовный процесс

9. Заявитель работал в Таганрогском таможенном комитете и выполнял обязанности по контролю за импортируемыми товарами в морском порту. В 1996 г. против него было возбуждено уголовное дело по обвинению в контрабанде водки в крупном размере.

10. 22 мая 2000 г. Неклиновский районный суд Ростовской области, состоящий из председательствующего судьи Кинка и двух народных заседателей, Стрелянской и Ховяковой, признал заявителя виновным в пособничестве в уклонении от исполнения таможенных обязанностей и злоупотреблении служебными полномочиями.

11. Сразу же после осуждения заявитель был освобожден от отбывания наказания, частично – в связи с истечением срока давности, частично – в связи с амнистией.

12. 26, 29 мая и 16 июня 2000 г. заявитель и его адвокат обжаловал данный приговор.

13. 17 августа 2000 г. заявитель направил председателю Неклиновского районного суда запрос о списке народных заседателей, участвующих в рассмотрении судебных дел, и попросил выслать копию приказа председателя суда о том, какие народные заседатели были избраны для участия в судебных делах, рассматриваемых судьей Кинком.

14. 29 августа 2000 г. заявитель дополнил свою жалобу новыми основаниями. Он указывал на то, что состав суда, вынесший ему приговор 22 мая 2000 г., был незаконным, так как был нарушен порядок назначения народных заседателей. В частности, заявитель указал, что Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции» предусматривал для народных заседателей максимальный период участия в отправлении правосудия только 14 дней или пока не окончено рассмотрение начатого дела, в то время как народные заседатели Стреблянская и Ховякова участвовали в предыдущих судебных процессах в 2000 г. Кроме того, указывалось, что срок полномочий Стреблянской истек еще до момента рассмотрения дела заявителя.

15. 29 августа 2000 г. уголовная коллегия Ростовского областного суда отказала в удовлетворении кассационной жалобы заявителя. Суд также отказал заявителю и его представителю в доступе к копиям ранее вынесенных Неклиновским районным судом под председательством судьи Кинка приговоров. Суд указал, что заявителю было разъяснено право отвода составу суда, но он им не воспользовался. Никаких нарушений при назначении народных заседателей установлено не было.

16. 16 ноября 2000 г. председатель Ростовского областного суда отказал заявителю в принесении протеста в порядке надзора по делу заявителя. В своей жалобе к председателю суда заявитель приводил новые аргументы в пользу того, что народные заседатели не были назначены в соответствии с предусмотренной законом процедурой: указывалось, что нет никаких доказательств, что народные заседатели избирались путем жеребьевки, как этого требовал закон о народных заседателях. Председатель отклонил ранее указанный аргумент в отношении истечения срока полномочий народных заседателей, ссылаясь на Указ Президента РФ от 25 января 2000 г., которым полномочия народных заседателей, уже участвующих в отправлении правосудия, были продлены до назначения новых народных заседателей. Председатель суда указал в своем ответе, что список народных заседателей был составлен 18 октября 2000 г., после осуждения заявителя. Никакого ответа на аргумент заявителя о том, что народные заседатели не выбирались путем жеребьевки, не поступило.

17. 20 февраля 2001 г. председатель Ростовского областного суда снова отказал в принесении протеста в порядке надзора.

18. В августе и октябре 2001 г. заявитель направил запрос главе Неклиновской районной думы с просьбой предоставить ему информацию о народных заседателях, наделенных полномочиями участвовать в процессах в период с 10 по 22 мая 2000 г.

19. 2 октября 2001 г. администрация Неклиновского района проин-

формировала заявителя, что список народных заседателей был составлен 4 февраля 2000 г. и утвержден Законодательным собранием Ростовской области 15 июня 2000 г.

В. Пересмотр дела

20. После коммуницирования жалобы российскому правительству председатель Ростовского областного суда принес протест в порядке надзора на приговор от 22 мая 2000 г. на основании его неполноты.

21. 3 мая 2001 г. президиум Ростовского областного суда удовлетворил протест, частично отменив приговор от 22 мая 2000 г. и определение кассационной инстанции от 29 августа 2000 г., и направил дело на новое рассмотрение.

22. 2 июля 2001 г. Неклиновский районный суд вновь признал заявителя виновным в тех же преступлениях, но освободил его от отбывания наказания из-за истечения срока давности.

23. Кассационная жалоба, поданная заявителем, была оставлена Ростовским областным судом без удовлетворения, приговор вступил в силу 2 октября 2001 г.

24. По протестам в порядке надзора, поданным председателем Ростовского областного суда, президиум Ростовского областного суда своим постановлением от 31 января 2002 г. отменил постановления судов от 2 июля и 2 октября 2001 г. Президиум пришел к выводу, что суды неправомерно признали заявителя виновным, так как срок давности привлечения к уголовной ответственности истек.

С. Дальнейшее развитие ситуации

25. На запрос адвоката заявителя 28 августа 2002 г. Неклиновская районная администрация сообщила, что список народных заседателей, участвующих в отправлении правосудия, был составлен 4 февраля 2000 г. и утвержден Законодательным собранием Ростовской области 15 июня 2000 г.

26. 4 октября 2002 г. Неклиновская районная администрация сообщила заявителю, что никаких других списков народных заседателей, принятых до 4 февраля 2000 г., не существует.

II. Применимое национальное право

А. Состав суда в уголовном судопроизводстве

Статья 15 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР предусматривает, что уголовные дела в суде первой инстанции рассматриваются коллегиально или единолично; коллегиальное рассмотрение дел осуществляется судом в составе судьи и двух народных заседателей.

Народные заседатели пользуются теми же полномочиями, что и профессиональные судьи.

В. Народные заседатели

10 января 2000 г. вступил в силу Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции». Согласно части 2 статьи 1 данного Федерального закона народными заседателями являются лица, наделенные в порядке, установленном настоящим Федеральным законом и Федеральными процессуальными законами, полномочиями по осуществлению правосудия по гражданским и уголовным делам в составе суда и исполняющие обязанности судей на непрофессиональной основе.

Статья 2 Закона предусматривает, что общий список народных заседателей районного суда (далее также – общий список) формируется соответствующим представительным органом местного самоуправления на основе списка избирателей района, на территорию которого распространяется юрисдикция данного районного суда. При этом число народных заседателей определяется из расчета 156 народных заседателей на одного судью районного суда.

Общий список утверждается законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации и представляется им в соответствующий районный суд не позднее чем за месяц до истечения срока полномочий народных заседателей, включенных в предыдущий общий список. Срок полномочий народных заседателей, включенных в общий список, составляет пять лет. Число народных заседателей, приписанных к профессиональному судье, должно быть по крайней мере втрое больше, нежели это необходимо для слушаний. Поскольку большая часть уголовных дел в России рассматривалась судом в составе одного председательствующего и двух народных заседателей, получается, что каждый председательствующий судья должен иметь как минимум 6 народных заседателей. Из этих 6 заседателей судья путем жеребьевки выбирает двух человек для участия в конкретном деле.

Статья 9 Закона предусматривает, что народные заседатели привлекаются к исполнению своих обязанностей в районном суде на срок 14 дней, а в случае, если длительность рассмотрения конкретного дела превышает указанный срок, – на срок рассмотрения данного дела.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 25 января 2000 г. срок полномочий ранее назначенных народных заседателей судов общей юрисдикции продляется до утверждения списков народных заседателей законодательным органом субъекта Федерации.

Вопросы права

27. Заявитель указывал в своей жалобе на нарушение части 1 статьи 6 Конвенции, а именно что суд, который осудил его 22 мая 2000 г., не может считаться судом, созданным на основании закона, так как он был создан в нарушение порядка, установленного национальным законом.

28. Заявитель указывал в жалобе, что ни председатель суда, ни председательствующий судья не отбирали народных заседателей в предусмотренном законом порядке. Заявитель также указывал, что народные заседатели Стреблянская и Ховякова исполняли свои обязанности до момента рассмотрения дела заявителя по крайней мере уже 88 дней вместо предусмотренных законом 14 дней и, наконец, что отсутствуют доказательства, что они были наделены полномочиями по рассмотрению дел.

I. Статус жертвы

29. Правительство указало, что заявитель не может больше считаться жертвой заявленного нарушения. Оно также указало, что приговор от 22 мая 2000 г., в вынесении которого участвовали народные заседатели Стреблянская и Ховякова, был отменен, и новое рассмотрение дела проводилось уже составом судей, назначенных надлежащим образом. Более того, с момента вынесения постановления президиума Ростовского областного суда от 31 января 2002 г., которым производство по делу было прекращено из-за истечения срока давности, судимость заявителя была снята. Таким образом, Правительство делало вывод, что это постановление устранило неблагоприятные юридические последствия осуждения заявителя, и состав суда, вынесшего приговор 22 мая 2000 г., больше не имел значения.

30. Заявитель согласился с тем, что приговоры Неклиновского районного суда от 22 мая 2000 г. и 2 июля 2001 г. действительно были отменены. Однако постановление президиума Ростовского областного суда от 31 января 2002 г. не содержало вывода о том, что заявитель оправдан, так как приговоры были отменены не по реабилитирующим обстоятельствам, а исключительно по техническим процессуальным основаниям. Заявитель указал, что постановление от 31 января не восстанавливало его прав и доброго имени. Наконец, заявитель указал, что постановление президиума Ростовского областного суда не признавало того факта, что состав Неклиновского районного суда при вынесении приговора от 22 мая 2000 г. был незаконным, а потому заявитель не утратил статуса жертвы.

31. Согласно статье 34 Конвенции «Суд может принимать жалобы от любого физического лица... которые утверждают, что явились жер-

твами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней».

32. Суд повторяет, что защита нарушенных прав является прежде всего компетенцией национальных властей. В связи с этим вопрос, является ли заявитель жертвой предполагаемого нарушения, уместен на всех этапах процедуры по Конвенции (см. дело *E. v. Austria* № 10668/83).

33. Суд далее повторно указывает, что решение или меры, благоприятные для заявителя, не имеют в принципе существенного значения для лишения его статуса жертвы, пока национальные власти не признали явно или подразумевали нарушения Конвенции и не предоставили возмещения за это нарушение (см. решение по делам *Amuur v. France* от 25 июня 1996 г., п. 36 и *Dalban v. Romania* № 28114/95, п. 44).

34. Возвращаясь к фактам настоящего дела, Суд предполагает, что соответствие действительности может то, что судимость заявителя была погашена постановлением президиума. Однако никакое решение национальных судов не касалось вопроса полномочий народных заседателей и не содержало никакого признания фактов нарушения.

35. В таких обстоятельствах Суд считает, что заявитель все еще может считаться жертвой нарушения права части 1 статьи 6 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение части 1 статьи 6 Конвенции

36. Часть 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривает:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

37. Суд напоминает, что фраза «созданным на основании закона» относится не только к регламентации самого существования суда в силу закона, но также и к законности состава суда (см. решение по делу *Buscarini v. San Marino* № 31657/96 от 4 мая 2000 г.).

По этим основаниям Суд призван исследовать заявления, касающиеся грубого нарушения национальной процедуры назначения судей. Тот факт, что предполагаемое нарушение в данном деле касается народных заседателей, не уменьшает важности этого нарушения, так как в соответствии со статьей 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ народные заседатели пользуются теми же полномочиями, что и профессиональные судьи.

38. Спор сторон касается того, в какой степени участие народных заседателей Стреблянской и Ховяковой в судебном слушании 22 мая

2000 г. отвечало требованиям национального законодательства, в частности Федеральному закону «О народных заседателях».

39. В жалобе заявителя указывалось, что народные заседатели, принимавшие участие в слушании его дела, в нарушение статьи 9 Закона к моменту рассмотрения его дела в суде участвовали в отправлении правосудия по крайней мере в течение уже 88 дней вместо установленных законом 14 дней. Более того, они не были избраны путем жеребьевки, как того требует статья 5 Закона.

Заявитель приложил к своей жалобе соответствующие доказательства. На основании ответа администрации Неклиновского района от 4 октября 2002 г., что не было сведений об утверждении списков народных заседателей до 4 февраля 2000 г., заявитель сделал вывод о том, что нет доказательства того, что Стреблянская и Ховякова когда-либо вообще были наделены полномочиями как народные заседатели, даже до вступления в силу закона «О народных заседателях».

40. В свою защиту Правительство ссылалось на Указ Президента РФ от 25 января 2000 г., который продлил срок полномочий действующих народных заседателей до того момента, пока не будет утвержден список народных заседателей в соответствии с законом «О народных заседателях». Правительство не оспаривало того факта, что Стреблянская и Ховякова участвовали в отправлении правосудия к моменту рассмотрения дела заявителя в суде более чем в течение 14 дней, однако оно не приняло аргумента о том, что период исполнения полномочий, превышающий 14 дней, автоматически вел к нарушению закона, поскольку срок полномочий народных заседателей составляет 5 лет, и они сохраняют свои полномочия в течение всего этого периода.

41. Однако помимо невыполнения требований закона «О народных заседателях» относительно выбора народных заседателей путем жеребьевки и 14-дневного срока исполнения ими полномочий Суд обращает особое внимание на тот факт, что Неклиновская районная администрация – орган, ответственный за назначение народных заседателей, – подтвердил, что списка народных заседателей до 4 февраля 2000 г. не имелось. Таким образом, властные органы не смогли представить никаких юридических оснований участия Стреблянской и Ховяковой в отправлении правосудия в день слушания дела заявителя. Следует также принять во внимание тот факт, что список народных заседателей, составленный 4 февраля 2000 г., вступил в силу только 15 июня 2000 г. после утверждения Ростовским областным Законодательным собранием. Эти обстоятельства в совокупности не позволяют Суду заключить, что Неклиновский районный суд, рассматривавший дело 22 мая 2000 г., может рассматриваться как «суд, образованный на основании закона».

42. На основании изложенного имело место нарушение части 1 статьи 6 Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

43. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение положений Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд в случае необходимости приговаривает к выплате справедливой компенсации потерпевшей стороне».

A. Ущерб

44. Заявитель требовал компенсацию в сумме 10 000 евро за нарушение его права на рассмотрение дела судом, созданным на основании закона. Он указывал, что испытывал эмоциональную подавленность из-за осуждения его судом, не имеющим полномочий, и риска быть уволенным с работы в результате такого осуждения.

45. Правительство воздержалось от комментариев относительно заявленной суммы, поскольку считало, что отмена приговора от 22 мая 2000 г. устранила возможные неблагоприятные последствия, которые приговор мог бы привести.

46. Суд принимает тот аргумент, что заявитель испытывал моральные страдания в результате его осуждения незаконным составом суда. Оценивая степень причиненных моральных страданий и принимая во внимание обстоятельства дела, Суд присудил заявителю компенсацию в размере 500 евро.

B. Судебные расходы и издержки

47. Заявитель также требовал, не уточняя суммы, возмещения расходов на услуги адвоката, которые он понес в национальном процессе.

48. Правительство не высказало своей точки зрения по этому требованию.

49. Поскольку отсутствовали какие-либо детали и отдельно заявленные суммы требований, Суд не может присудить компенсации по этому требованию.

C. Процентная ставка по просроченному долгу

50. Суд считает, что процентная ставка должна основываться на средней ставке Европейского центрального банка плюс 3 процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Постановил, что заявитель может считаться жертвой нарушения согласно статье 34 Конвенции.

2. Постановил, что имело место нарушение части 1 статьи 6 Конвенции.

3. Постановил, что

а) государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда решение становится окончательным в соответствии с частью 2 статьи 44 Конвенции, 500 евро (пятьсот евро) в качестве компенсации морального вреда, переведенные в национальную валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты плюс все налоги, которыми будет облагаться данная сумма;

б) по истечении вышеупомянутых трех месяцев выплате заявителю подлежат простые проценты по предельным ставкам по займу Европейского центрального банка плюс 3 %.

4. Отклонил оставшиеся требования заявителя по справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и изготовлено в письменном виде 4 марта 2003 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Процедуры Суда.

*С. Долле, секретарь секции Суда
Ж.-П. Коста, председатель Палаты Суда*

Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 23 марта 1999 г. № 5-П по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»

Конституционный суд Российской Федерации
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 23 марта 1999 г. № 5-П

По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»¹.

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституционный суд Российской Федерации в составе председательствующего В. Г. Ярославцева, судей Н. В. Витрука, Г. А. Гаджиева, А. Л. Кононова, Т. Г. Морщаковой, Ю. Д. Рудкина, Н. В. Селезнева, А. Я. Сливы, О. И. Тиунова

с участием граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого и Д. И. Фуфлыгина, доктора юридических наук А. В. Васильева – представителя гражданина Д. И. Фуфлыгина, адвоката С. Д. Замошкина – представителя гражданина В. И. Монастырецкого, адвокатов Б. А. Золотухина и А. В. Рахмиловича – представителей общества с ограниченной ответственностью «Моноком», а также адвоката И. Б. Власенко – представителя Совета Федерации,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями второй и третьей статьи 3,

¹ Опубликовано в изданиях «Собрание законодательства РФ» (1999. 5 апр. № 14. Ст. 1749), «Российская газета» (1999. 5 апр. № 72), «Вестник Конституционного суда РФ» (1999. № 4).

статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» на нарушение конституционного права на судебную защиту статьями 133, 218, 219 и 220 УПК РСФСР.

Заслушав сообщение судьи – докладчика Н. В. Селезнева, объяснения сторон и их представителей, а также выступления приглашенных на заседание представителей: от Верховного суда Российской Федерации – В. В. Дорошкова, от Генеральной прокуратуры Российской Федерации – А. А. Белкина, от Федеральной службы безопасности Российской Федерации – Л. Н. Башкатова, от Министерства внутренних дел Российской Федерации – Е. А. Тимлева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный суд Российской Федерации установил:

1. В жалобах граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого и Д. И. Фуфлыгина, а также общества с ограниченной ответственностью «Моноком», обратившихся в Конституционный суд Российской Федерации, оспаривается конституционность статей 218, 219 и 220 УПК РСФСР, регламентирующих порядок обжалования действий и решений органа дознания, следователя и прокурора.

На основании этих норм суды общей юрисдикции отказали заявителям в принятии к рассмотрению их жалоб на имевшие место в рамках предварительного расследования по конкретным уголовным делам решения и действия (бездействие) следователей и прокуроров: постановление о возбуждении уголовного дела в отношении В. К. Борисова; бездействие районной прокуратуры, приведшее к необоснованному приостановлению производства и продлению срока расследования по уголовному делу по факту уничтожения личного имущества (жилого дома), принадлежавшего Б. А. Кехману; решения следователя и прокурора о продлении срока предварительного расследования по делу В. И. Монастырецкого; производство в квартире Д. И. Фуфлыгина обыска, сопровождавшегося изъятием материальных ценностей, которые впоследствии были утеряны; постановление следователя о наложении ареста на денежные средства общества с ограниченной ответственностью «Моноком», находившиеся на его расчетном счете в коммерческом банке.

Отказывая в рассмотрении жалоб, суды исходили из того, что в силу статей 218, 219 и 220 УПК РСФСР разрешение поставленных в них

вопросов относится к компетенции соответствующих прокуроров, а не судов общей юрисдикции.

По мнению заявителей, указанные положения уголовно-процессуального закона не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 1), 18, 46 (части 1 и 2), 52 и 55. Между тем содержание жалоб свидетельствует о том, что фактически заявителями оспариваются не все положения статей 218, 219 и 220 УПК РСФСР, а лишь те из них, которые предусматривают обжалование действий органа дознания и следователя прокурору (часть первая статьи 218), а действий и решений прокурора – вышестоящему прокурору (статья 220). При этом все заявители, не возражая против самого по себе полномочия прокурора рассматривать такие жалобы, утверждают, что оспариваемые нормы, по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, исключают для заинтересованных лиц возможность судебного обжалования процессуальных действий органов расследования в суд. Именно отказ в праве на судебное обжалование таких действий и составляет предмет рассмотрения по данному делу, что позволило Конституционному суду Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации», соединить обращения заявителей в одном производстве.

Кроме того, предметом рассмотрения Конституционного суда Российской Федерации по данному делу является предусмотренный статьей 133 УПК РСФСР порядок продления срока предварительного расследования, оспариваемый гражданином В. И. Монастырецким, которому суд общей юрисдикции отказал в рассмотрении жалобы на продление срока следствия по его делу.

2. Согласно статье 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод и обеспечивается право обжаловать в суд решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. Это право, как отмечал Конституционный суд Российской Федерации в ряде своих постановлений (от 3 мая 1995 г. по делу о проверке конституционности части 1 и части 2 статьи 220 УПК РСФСР, от 2 июля 1998 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР и др.), вытекает также из закрепленного в статье 21 Конституции Российской Федерации принципа охраны достоинства личности, предполагающего, в частности, обязанность государства обеспечивать каждому возможность отстаивать свои права в споре с любыми органами и должностными лицами, в том числе осуществляющими предварительное расследование по уголовным делам.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР воз-

буждение уголовного дела и предварительное расследование являются досудебными стадиями производства по уголовному делу, основное назначение которых состоит в обеспечении условий эффективного осуществления правосудия по уголовным делам. После передачи материалов уголовного дела с обвинительным заключением в суд именно этот орган, разрешая дело на основе полного и всестороннего исследования в судебном заседании всех его обстоятельств, осуществляет проверку процессуальных актов и других материалов досудебного производства. При этом судом проверяются, в том числе по жалобам и заявлениям заинтересованных лиц, также действия и решения органов расследования, которые связаны с ограничениями прав и свобод граждан.

Осуществление судебного контроля уже после завершения стадии предварительного расследования само по себе не может расцениваться как нарушение права на судебную защиту, так как гарантирующая его статья 46 (часть 2) Конституции Российской Федерации, не определяя конкретные процедуры реализации этого права, не исключает возможность судебной проверки жалоб на действия и решения органов предварительного расследования и после передачи уголовного дела в суд.

Однако если соответствующие действия и решения органов расследования не только затрагивают собственно уголовно-процессуальные отношения, но и порождают последствия, выходящие за их рамки, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности, отложение проверки законности и обоснованности таких действий до стадии судебного разбирательства может причинить ущерб, восполнение которого в дальнейшем окажется неосуществимым. В этих случаях контроль за действиями и решениями органов предварительного расследования со стороны суда, имеющий место лишь при рассмотрении им уголовного дела, т. е. на следующем этапе производства, не является эффективным средством восстановления нарушенных прав, и поэтому заинтересованным лицам должна быть обеспечена возможность незамедлительного обращения в ходе расследования с жалобой в суд. Аналогичная правовая позиция (применительно к проверке решений, принимаемых судом первой инстанции до вынесения приговора) сформулирована Конституционным судом Российской Федерации в Постановлении от 2 июля 1998 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР.

Вместе с тем суд при проверке в период предварительного расследования тех или иных процессуальных актов не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу. Иное противоречило бы конституционному принципу независимости суда (статья 120 Конституции

Российской Федерации), гарантирующему в условиях состязательно-го процесса объективное и беспристрастное осуществление правосудия по уголовным делам.

3. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, на досудебных стадиях производства по уголовному делу обжалование в суд допускается лишь в отношении отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения производства по нему, а также ареста обвиняемого (подозреваемого). Заявления же лиц, чьи конституционные права затрагиваются другими решениями и действиями органов расследования, в силу статей 218 и 220 УПК РСФСР, на этих стадиях не принимаются судами к рассмотрению, даже если нарушенные права не могут быть впоследствии восстановлены в процессе судебного разбирательства. Кроме того, в ряде случаев заинтересованные в судебном обжаловании лица не являются участниками судебного разбирательства по уголовному делу и потому после окончания расследования и передачи дела в суд с обвинительным заключением не имеют возможности отстаивать свои интересы перед судом. Так, в частности, не могло быть реализовано право на судебную защиту заявителями по данному делу – гражданином Д. И. Фуфлыгиным, в жилище которого был произведен обыск, сопровождавшийся изъятием материальных ценностей, и обществом с ограниченной ответственностью «Моноком», на денежные средства которого, находившиеся на расчетном счете в коммерческом банке, в связи с производством по уголовному делу был наложен арест. В результате такие конституционные права заявителей, как право свободно владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом (статья 35, часть 2), а также право на неприкосновенность жилища (статья 25), фактически остались без судебной защиты.

Правовое регулирование, приводящее к подобным последствиям, не согласуется с предписаниями Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ратифицирована Российской Федерацией 30 марта 1998 г.), по смыслу статьи 6 которой право на судебную защиту, предполагающее обеспечение каждому при определении его гражданских прав и обязанностей доступа к правосудию в разумный срок, должно служить гарантией от чрезмерного, не обусловленного конституционно оправданными целями ограничения прав и свобод граждан, в частности на досудебных стадиях производства по уголовному делу.

Таким образом, непредоставление заинтересованным лицам права на судебное обжалование действий и решений органов предварительного расследования, связанных с ограничением неприкосновенности их жилища и с лишением их возможности распоряжаться своей собственностью, противоречит статье 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации и сужает конституционные гарантии прав, пре-

дусмотренных статьями 25 и 35 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем предоставление безотлагательной судебной защиты лицам, чьи права и законные интересы нарушаются действиями и решениями органов дознания и предварительного следствия, не предполагает – в том числе по смыслу действующего процессуального закона и с учетом требования о судебном разбирательстве дела в разумный срок без неоправданной задержки – обязательного прекращения обжалуемого действия или приостановления исполнения обжалуемого решения до рассмотрения судом соответствующей жалобы.

4. Конституционное право на судебную защиту не было обеспечено и в ходе производства по делам обратившихся в Конституционный суд Российской Федерации граждан Б. А. Кехмана и В. И. Монастырецкого: на основании статей 218 и 220 УПК РСФСР им было отказано в праве на судебное обжалование фактического бездействия органов расследования, повлекшего приостановление производства по делу и продление срока предварительного расследования.

Такого рода процессуальные действия и решения отдалают перспективу судебного разрешения дела, приводят к сохранению неопределенности в правовом статусе участников процесса, продлевают применение в отношении граждан ограничительных мер, включая меры пресечения и отстранение от занимаемой должности, как это имело место в отношении В. И. Монастырецкого. Кроме того, незаконное и необоснованное продление сроков предварительного расследования, а тем более приостановление производства по делу могут стать причиной утраты доказательств по делу и тем самым привести к невозможности восстановления нарушенных прав и законных интересов участников процесса, к нарушению гарантируемого статьей 52 Конституции Российской Федерации права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда.

5. Оспариваемая В. И. Монастырецким статья 133 УПК РСФСР, регламентирующая продление срока предварительного следствия, по ее буквальному смыслу не допускает произвольного и неограниченного продления этого срока, поскольку предусматривает увеличение срока следствия сверх шести месяцев лишь по решению Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя, и только в исключительных случаях. При этом применение данной нормы в соответствии с ее конституционным смыслом обеспечивается вытекающей из статьи 15 (части 1 и 4) Конституции Российской Федерации обязанностью органов, осуществляющих предварительное расследование, и судов следовать конституционным предписаниям, гарантирующим гражданам доступ к правосудию и судебную защиту (статьи 52 и 46), учи-

тывая также положения международно-правовых актов, закрепляющих право каждого на рассмотрение его дела судом в разумные сроки и без неоправданной задержки (пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; подпункт «с» пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Исходя из этого суды общей юрисдикции обязаны проверять по жалобам заинтересованных лиц законность и обоснованность продления сроков расследования, что, согласно правовой позиции, выраженной Конституционным судом Российской Федерации в постановлении от 13 июня 1996 г. по делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 УПК РСФСР и в определении от 25 декабря 1998 г. по делу о проверке конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 УПК РСФСР, предполагает установление как юридических, так и фактических оснований, обусловливающих принятие процессуальных решений, связанных с ограничением прав и свобод граждан. При этом должны учитываться также сформулированные в пунктах 3–6 мотивировочной части настоящего Постановления положения о гарантиях безотлагательной судебной защиты для лиц, чьи права и законные интересы нарушаются действиями и решениями органов расследования, в том числе связанными с продлением срока предварительного расследования.

6. В жалобе В. К. Борисова утверждается, что положения статьи 218 УПК РСФСР нарушают его конституционные права, поскольку исключают возможность оспорить в суде постановление о возбуждении уголовного дела, с вынесением которого заявитель связывает нарушение своих прав на свободу и неприкосновенность личности, жилища и частной жизни необоснованным применением к нему в ходе предварительного расследования содержания под стражей, а также проведением обысков по месту его жительства и работы.

Из жалобы и исследованных в заседании Конституционного суда Российской Федерации материалов, однако, не вытекает, что к указанным заявителем ограничениям прав привело само по себе возбуждение уголовного дела. Напротив, данные ограничения были связаны именно с последующими процессуальными действиями, в частности с арестом и обыском, которые как таковые в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством и настоящим Постановлением могут быть обжалованы в судебном порядке.

С учетом этого жалоба В. К. Борисова на нарушение его конституционных прав и свобод статьей 218 УПК РСФСР, как исключаяющей судебное обжалование постановления о возбуждении уголовного дела, не является допустимой в соответствии с требованиями статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75 и 86, а также статьей 68 и пунктом 2 части первой статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации», Конституционный суд Российской Федерации постановил:

1. Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 46 (части 1 и 2) и 52, положения части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, постольку поскольку они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, исключают в ходе предварительного расследования для заинтересованных лиц, конституционные права которых нарушены, возможность судебного обжалования действий и решений органа дознания, следователя или прокурора, связанных с производством обыска, наложением ареста на имущество, приостановлением производства по уголовному делу и продлением срока предварительного расследования.

2. Признать статью 133 УПК РСФСР не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку ее положения сами по себе не предполагают произвольного и неограниченного продления срока предварительного расследования. Соответствующее конституционное истолкование данной нормы, по смыслу статей 46 и 52 Конституции Российской Федерации и согласно пункту 1 резолютивной части настоящего Постановления, во всяком случае должно обеспечиваться судами путем проверки по жалобам граждан законности и обоснованности постановлений о продлении срока предварительного расследования.

3. Прекратить производство по жалобе гражданина В. К. Борисова как не являющейся допустимой в соответствии с требованиями Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации».

4. Гражданам Б. А. Кехману, В. И. Монастырецкому, Д. И. Фуфлыгину и обществу с ограниченной ответственностью «Моноком» в соответствии с частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» должно быть обеспечено судебное обжалование решений и действий органов предварительного расследования, указанных в пункте 1 резолютивной части настоящего Постановления, с соблюдением правил той процессуальной стадии, в которой находится производство по соответствующему делу.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения и действует непосредственно.

6. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона

«О Конституционном суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Собрании законодательства Российской Федерации» и «Российской газете». Постановление должно быть также опубликовано в «Вестнике Конституционного суда Российской Федерации».

*Конституционный суд
Российской Федерации*

Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 15 января 2002 г. № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Траспова

Конституционный суд Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 15 января 2002 г. № 1-П

по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Траспова¹.

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституционный суд Российской Федерации в составе председательствующего Б. С. Эбзеева, судей Н. С. Бондаря, Н. В. Витрука, Г. А. - Гаджиева, А. Л. Кононова, Т. Г. Морщаковой, Ю. Д. Рудкина, А. Я. Сливы, О. И. Тиунова, В. Г. Ярославцева

с участием гражданина А. М. Траспова, постоянного представителя Государственной думы в Конституционном суде Российской Федерации В. В. Лазарева, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук А. С. Автономова и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном суде Российской Федерации М. А. Митюкова, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации,

¹ Опубликовано в изданиях «Российская газета» (2002. 22 янв. № 12), «Собрание законодательства РФ» (2002. 11 февр. № 6. Ст. 626), «Вестник Конституционного суда РФ» (2002. № 3).

пунктом 3 части первой, частями второй и третьей статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционно-го закона «О Конституционном суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации». Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина А. М. Траспова на нарушение указанными положениями его конституционных прав.

Заслушав сообщение судьи – докладчика Ю. Д. Рудкина, объяснения сторон и их представителей, выступления приглашенных на заседание представителей: от Верховного суда Российской Федерации – судьи Верховного суда Российской Федерации В. Ю. Зайцева, от Центральной избирательной комиссии Российской Федерации – Р. Т. Биктагирова, от уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – Г. Г. Никитина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный суд Российской Федерации

УСТАНОВИЛ:

1. Гражданин А. М. Траспов оспаривает конституционность пункта 3 статьи 64 Федерального закона от 19 сентября 1997 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пункта 3 статьи 92 Федерального закона от 26 июня 1999 г. «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» в части, касающейся правомочия суда соответствующего уровня отменять решения избирательной комиссии об итогах голосования, результатах выборов в избирательном округе, в том числе в случае таких нарушений избирательного законодательства, как незаконный отказ в регистрации кандидата, только если вследствие этого невозможно с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей.

Как следует из представленных материалов, решением Ставропольского краевого суда от 19 октября 1999 г. была удовлетворена жалоба гражданина А. М. Траспова об отказе окружной избирательной комиссии Ставропольского одномандатного избирательного округа № 55 в регистрации его кандидатом в депутаты при проведении в 1999 г. выборов в Государственную думу. Однако окружная избирательная комиссия, на которую тем же решением возлагалась обязанность в срок до 24 октября 1999 г. рассмотреть вопрос о регистрации А. М. Траспова кандидатом в депутаты, своим постановлением от 22 октября 1999 г. вновь отказала ему в этом.

Жалоба А. М. Траспова на данное постановление окружной избирательной комиссии решением Ставропольского краевого суда от 17 декабря 1999 г. оставлена без удовлетворения. Верховный суд Российской Федерации

определением от 1 февраля 2000 г. удовлетворил кассационную жалобу А. М. Траспова на это судебное решение частично, а Президиум Верховного суда Российской Федерации, рассмотрев дело 24 мая 2000 г. в порядке надзора, отменил указанные решения и направил дело на новое рассмотрение в Ставропольский краевой суд, который 4 июля 2000 г. признал постановление окружной избирательной комиссии от 22 октября 1999 г. недействительным с момента его принятия.

Поскольку к этому времени выборы в Государственную думу уже состоялись, А. М. Траспов обратился в Ставропольский краевой суд с требованием признать результаты выборов по Ставропольскому одномандатному избирательному округу № 55 недействительными, однако данное требование было оставлено без удовлетворения на том основании, что неправомерный отказ в регистрации его кандидатом в депутаты не повлиял на достоверность определения результатов волеизъявления избирателей, принявших участие в голосовании 19 декабря 1999 г. Это решение Ставропольского краевого суда оставлено Верховным судом Российской Федерации без изменения.

В своей жалобе в Конституционный суд Российской Федерации А. М. Траспов утверждает, что при отказе гражданину в регистрации кандидатом в депутаты определить в ходе выборов волеизъявление избирателей нельзя в принципе; следовательно, оспариваемые положения, в силу которых итоги голосования, результаты выборов могут быть признаны судом недействительными только ввиду невозможности достоверного определения результатов состоявшегося волеизъявления избирателей, исключают для гражданина при незаконном отказе в регистрации реализацию им права быть избранным в органы государственной власти, а потому противоречат статье 32 (часть 2) Конституции Российской Федерации и международным актам о правах человека.

2. Пункт 3 статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пункт 3 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» предусматривают, что суд соответствующего уровня может отменить решение избирательной комиссии об итогах голосования, результатах выборов на избирательном участке, территории, в избирательном округе в случае нарушения правил составления списков избирателей, порядка формирования избирательных комиссий, порядка голосования и подсчета голосов (включая воспрепятствование наблюдению за их проведением), определения результатов выборов, других нарушений избирательного законодательства, в том числе при незаконном отказе в регистрации кандидата, если эти действия (бездействие) не позволяют с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей.

Положение, устанавливающее в качестве условия отмены решения из-

бирательной комиссии об итогах голосования, результатах выборов невозможность с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей, содержится, кроме того, в пункте 2 статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и в пункте 2 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации». Эти положения в совокупности с пунктом 1 статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пунктом 1 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» закрепляют открытый перечень оснований отказа в регистрации кандидата и ее отмены, допускающий наступление указанных правовых последствий при наличии как перечисленных в этих нормах, так и других нарушений.

Таким образом, предметом рассмотрения по настоящему делу являются содержащиеся в пункте 3 статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и пункте 3 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» положения, в силу которых в случае нарушения избирательного законодательства (в том числе и при незаконном отказе гражданину в регистрации кандидатом либо ее аннулировании) в качестве безусловной и единственной предпосылки отмены судом решения избирательной комиссии об итогах голосования, результатах выборов в избирательном округе требуется подтверждение невозможности достоверного определения результатов состоявшегося волеизъявления избирателей, принявших участие в голосовании.

Вместе с тем само по себе полномочие избирательной комиссии аннулировать регистрацию кандидатов, как не оспариваемое заявителем, Конституционным судом Российской Федерации в настоящем деле не рассматривается.

3. Права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, являющимся составной частью ее правовой системы, и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 15, часть 4; статья 17, часть 1 Конституции Российской Федерации).

Согласно Конституции Российской Федерации высшим непосредственным выражением власти народа наряду с референдумом являются свободные выборы; граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти, органы местного самоуправления (статья 3, часть 3; статья 32, часть 2). Эти конституционные нормы корреспондируют положениям Международного пакта о гражданских и политических правах, в соответствии с которыми каждый гражданин должен иметь право и возможность без какой бы то ни было дискриминации и без

необоснованных ограничений голосовать и быть избранным на подлинных и периодических выборах, проводимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей (пункт «b» статьи 25), и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с которой свободные выборы должны проводиться в условиях, обеспечивающих свободное волеизъявление народа (статья 3 Протокола № 1).

Подлинно свободные демократические выборы, осуществляемые на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, определяют, в частности, право любых лиц, отвечающих установленным избирательным законодательством условиям и выполнивших предусмотренные им требования, участвовать в выборах в качестве кандидатов, и право других лиц свободно выражать свое отношение к ним, голосуя «за» или «против». Соответственно незаконное лишение гражданина возможности участвовать в выборах в качестве кандидата приводит к искажению характера выборов как свободных не только для кандидатов, но и для избирателей, свобода волеизъявления которых может ограничиваться самим фактом лишения права голосовать за любого из законно выдвинутых кандидатов.

Устанавливая правовые последствия незаконного отказа в регистрации в качестве кандидата или исключения из списка зарегистрированных кандидатов и в связи с этим определяя способы и формы судебной защиты нарушенного права, закон должен гарантировать охрану как активного, так и пассивного избирательного права, а также ответственность избирательных комиссий за неправомерные действия, препятствующие надлежащему осуществлению названных прав. Решение суда о восстановлении нарушенного пассивного избирательного права, в том числе о регистрации в качестве кандидата, не может во всех случаях интерпретироваться как нарушающее активное избирательное право граждан, принявших участие в голосовании, а напротив, служит его защите. Такая защита должна быть эффективной не только когда нарушения права быть избранным выявляются до начала голосования, но и впоследствии и, следовательно, не исключает также – в качестве способа восстановления права – отмену итогов голосования, результатов выборов, с тем чтобы обеспечивались подлинно свободные выборы.

Между тем согласно оспариваемым законоположениям подразумевается, что реализация избирательных прав в ходе состоявшихся выборов сама по себе признается достаточным основанием для фактического игнорирования существенных нарушений прав отдельных кандидатов и избирателей в избирательном процессе. Именно из такого его понимания исходили правоприменительные органы – окружная избирательная комиссия и суды – в деле гражданина А. М. Траспова.

Данный подход не согласуется с требованиями, вытекающими из статей 17 и 55 Конституции Российской Федерации, которые в их взаимосвязи предполагают, что целью обеспечения прав других может обуславливаться толь-

ко устанавливаемое Федеральным законом соразмерное ограничение права. Вместе с тем ни законодатель, ни правоприменитель не вправе исходить из того, что этой целью может быть оправдано какое-либо существенное нарушение права, а также отказ в его защите, поскольку тем самым фактически допускалось бы умаление права как такового.

Искаженное представление законодателя и правоприменителя о целях, которым должна служить оспариваемая норма, приводит к умалению как избирательных прав, так и права на судебную защиту (статья 3, часть 3; статья 32, части 1 и 2; статья 46, части 1 и 2 Конституции Российской Федерации).

4. Как видно из состоявшихся судебных решений по делу А. М. Траспова, окружная избирательная комиссия и суды не обеспечили свое-временную и эффективную защиту пассивного избирательного права заявителя, в результате чего он был неправомерно лишен возможности участвовать в выборах в качестве кандидата в депутаты.

Между тем решение суда должно служить средством эффективной защиты нарушенного права: в силу статьи 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и пункта 3 статьи 63 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» судебное решение является обязательным, в том числе для избирательных комиссий, и служит достаточным основанием для регистрации (восстановления регистрации), не требуя какого бы то ни было подтверждения с их стороны.

Такой подход, основанный на принципах самостоятельности судебной власти и обеспечения правосудием прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на судебную защиту (статьи 10, 18 и 46, часть 1 Конституции Российской Федерации), корреспондирует толкованию, которое дается Европейским судом по правам человека праву на доступ к суду и принципу справедливого правосудия, закрепленному в пункте 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В решении от 19 марта 1997 г. по делу «Хорнсби (*Hornsby*) против Греции» Европейский суд по правам человека подтвердил неоднократно выражавшуюся им позицию, согласно которой «право на суд» стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства позволяла, чтобы окончательное обязательное судебное решение оставалось неисполненным, поскольку исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть права на судебную защиту в смысле статьи 6 Конвенции.

5. Окружная избирательная комиссия, не устранив в отношении заявителя до начала голосования такое нарушение его избирательных прав, как незаконный отказ в регистрации, и суды, не прибегавшие к отмене результатов выборов в избирательном округе, исходили из того, что оспариваемое положение предполагает возможность отмены результатов выборов лишь при условии доказанности влияния выявленного нарушения избирательных прав

на достоверность результатов волеизъявления избирателей. Между тем в условиях незаконного отказа кандидату (кандидатам) в регистрации такое доказывание практически неосуществимо. Поэтому суды ориентируются не на обеспечение реальных условий для подлинного свободного волеизъявления избирателей в ходе первоначальных или повторных выборов, а лишь на формальную проверку характеристик подлинности бюллетеней, правильности голосования и его количественных итогов, т. е. на проверку результатов состоявшегося голосования. Однако к этому не сводится оценка адекватности отражения в результатах выборов действительной воли избирателей, и отмена результатов выборов возможна также в других случаях – если не были обеспечены необходимые условия, существенно влияющие на свободное волеизъявление избирателей.

Таким образом, использованная в законе формулировка «достоверность результатов волеизъявления избирателей» позволяет правоприменителю отказываться при рассмотрении соответствующих споров от установления влияния обнаруженных существенных нарушений в ходе выборов на адекватное отражение действительной воли избирателей в итогах голосования, результатах выборов, что фактически приводит к отказу в эффективной судебной защите избирательных прав граждан и, следовательно, противоречит Конституции Российской Федерации.

6. В соответствии с частью четвертой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» в тех случаях, когда признание нормативного акта противоречащим Конституции Российской Федерации создает пробел в правовом регулировании, подлежит непосредственному применению Конституция Российской Федерации, в том числе закрепленный в ней принцип соразмерности (пропорциональности), обусловленный природой Российской Федерации как правового государства (статья 1, часть 1; статья 55, часть 3 Конституции Российской Федерации). Исходя из этого принципа суды должны находить адекватные формы и способы защиты пассивного и активного избирательного права и не могут, признавая незаконным отказ в регистрации лица кандидатом, ограничиваться одной только констатацией нарушения избирательных прав. Иное не согласуется также с требованием статьи 18 Конституции Российской Федерации об обеспечении правосудием непосредственного действия прав и свобод.

При этом принцип соразмерности требует использования в каждом конкретном случае нарушений избирательных прав соответствующего способа восстановления или компенсации, учитывающего их специфику, связанную с тем, что, будучи индивидуальными, эти права реализуются в процессе выборов, предполагающих выявление общей воли избирателей, принявших участие в голосовании. Это, однако, не должно приводить к отказу от использования компенсаторных механизмов для устранения последствий обнаруженных нарушений, а также исключать ответственность допустив-

ших эти нарушения субъектов избирательного процесса, включая избирательные комиссии.

При наличии предусмотренных законом оснований суд вправе признать невозможным проведение повторных выборов в целях восстановления пассивного избирательного права гражданина. Однако во всяком случае негативные последствия, явившиеся результатом незаконных действий (или бездействия) избирательных комиссий, которые обладают, по сути, публично-властными функциями, должны быть компенсированы, а доброе имя гражданина – восстановлено на основе вытекающего из статьи 53 Конституции Российской Федерации признания и возмещения государством причиненного вреда, что как универсальный способ защиты нарушенных прав предполагает государственные гарантии от любого претерпевания, причиненного лицу публичной властью.

7. Обеспечение своевременного, до проведения голосования, восстановления нарушенных избирательных прав – с тем, чтобы в дальнейшем предотвращалась необходимость признания итогов голосования, результатов выборов недействительными, – требует дополнительных законодательных мер, которые препятствовали бы необоснованному отказу в регистрации кандидата в депутаты либо аннулированию уже осуществленной регистрации.

Такие меры могут состоять в том числе в уточнении оснований для отказа в регистрации, соответствующих полномочий избирательных комиссий и их ответственности, в совершенствовании судебных процедур, служащих своевременному, до проведения выборов, восстановлению пассивного избирательного права, а также в разработке адекватных компенсаторных механизмов восстановления прав, нарушенных вследствие незаконного отказа в регистрации.

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации», Конституционный суд Российской Федерации

ПОСТАНОВИЛ:

1. Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 3 (части 1, 2 и 3), 32 (части 1 и 2) и 46 (части 1 и 2), содержащиеся в пункте 3 статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и в пункте 3 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» положения, которые при незаконном отказе в регистрации кандидата ограничивают полномочия суда по отмене итогов голосования, результатов выборов и выявлению адекватности отражения в них реальной воли избирате-

лей, подменяя такое выявление формальным «определением достоверности результатов волеизъявления избирателей», принявших участие в голосовании, чем умаляются и ограничиваются избирательные права и право граждан на судебную защиту.

2. В соответствии с правовыми позициями, изложенными в настоящем Постановлении, и частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» гражданин А. М. Траспов вправе обратиться в суд общей юрисдикции за защитой своих нарушенных прав.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и в официальных изданиях органов государственной власти Ставропольского края. Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного суда Российской Федерации».

*Конституционный суд
Российской Федерации*

Информационное письмо Высшего арбитражного суда РФ от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие»

Высший арбитражный суд Российской Федерации

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341

Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие¹.

Правовой основой организации и деятельности Европейского суда по правам человека (далее – Европейский суд) является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция) от 4 ноября 1950 г. и последующие протоколы к ней.

В настоящее время эти международно-правовые документы обязательны для Российской Федерации. В Федеральном законе от 30 марта 1998 г. «О ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» содержится заявление о признании обязательными для Российской Федерации как юрисдикции Европейского суда по правам человека, так и решений этого суда, а также заявлений о праве российских граждан на обращение в названный суд за защитой своих нарушенных прав в течение шести месяцев после того, как исчерпаны внутригосударственные средства защиты этих прав.

В результате присоединения к юрисдикции Европейского суда российские механизмы судебного контроля за соблюдением имущественных прав участников экономического оборота в Российской Федерации получили поддержку в виде международного судебного контроля. Это означает, что компетенция арбитражных судов по рассмотрению имущественных споров и компетенция Европейского суда по рассмотрению жалоб на нарушение имущественных прав взаимосвязаны.

Связь базируется на необходимости решения единой задачи международного и внутригосударственного судопроизводства – защите

¹ Опубликовано в издании «Вестник ВАС РФ» (2000. № 2).

имущественных прав частных лиц при надлежащей охране общественного порядка, что вытекает из статьи 6 Европейской конвенции, статьи 1 Протокола № 1 к этой конвенции (1952).

При этом следует учитывать, что общая идеология Европейского суда не допускает произвольного вмешательства в результаты правосудия в государствах – членах Совета Европы.

Судебные решения национальных органов правосудия подвергаются критике в прецедентах Европейского суда в исключительных случаях – при наличии нарушения в судебных актах основополагающих норм Европейской конвенции, а также положений, сформулированных Европейским судом и направленных на защиту имущественных прав и права на правосудие.

К таким положениям относятся следующие:

1. Имущественные права носят частный (гражданско-правовой) характер*

* См. статью 1 Протокола № 1: «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права».

Преыдушие положения не ущемляют права государства обеспечить выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

Статья 1 Протокола № 1 относится лишь к тем правам и обязанностям физических и юридических лиц, которые по своей сути являются частными, носят гражданско-правовой характер.

Частные лица имеют право беспрепятственно пользоваться своей собственностью.

Государство в целях защиты публичного порядка должно контролировать условия использования собственности, не допуская при этом нарушения имущественных прав частных лиц.

При этом Европейский суд подчеркивает, что нарушение имущественных прав возможно путем неоправданного наложения государственными органами административных, уголовных и гражданско-правовых санкций применительно к частным лицам, а также в связи с бездействием государственных органов, призванных контролировать условия использования собственности в конкретном государстве.

При установлении нарушения частных прав Европейский суд принимает во внимание: фактическое наличие имущественных прав у заявителя об их защите лица; законность происхождения этих имуществен-

ных прав; серьезность, реальность и последствия их нарушения; отсутствие гарантированной защиты от правонарушения частных прав со стороны государства – члена Совета Европы.

2. Соблюдение баланса публичного и частного интереса при разрешении имущественного спора*

* См. статью 1 Протокола № 1: «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права».

Предыдущие положения не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

Это положение означает, что Европейский суд при решении вопроса о защите имущественных прав оценивает, насколько взвешенно разрешает акт, принятый национальным судом, вопрос о защите прав частного лица и интересов общества.

Принцип баланса частных и публичных интересов применяется Европейским судом к защите имущественных прав как физических, так и юридических лиц.

При этом судебной оценке подвергается не только действие (бездействие) государственных органов (в том числе и судов), но и выполнение своих обязательств частными лицами.

Европейский суд допускает, что государство может в исключительных случаях ограничивать частные имущественные права во имя подержания публичного общественного порядка.

Такие ограничения не должны носить фискальный характер.

В большинстве случаев ограничения частных имущественных прав допустимы лишь при условии возмездности.

3. Доступ к суду

Имущественным правам частных лиц должна быть обеспечена судебная защита.

Отказ в правосудии запрещен.

В ряде решений Европейский суд определил, что заинтересованное лицо должно иметь возможность добиться рассмотрения своего дела в суде – органе государственной системы правосудия.

Рассмотрению спора не должны препятствовать чрезмерные правовые или практические преграды: усложненные или формализованные процедуры принятия и рассмотрения исковых заявлений; высокие ставки судебных пошлин; недоступность адвокатской помощи; отсутствие

упрощенных процедур для рассмотрения несложных дел, а также дел о правах, требующих оперативной (быстрой) защиты; и т. д.

При этом Европейский суд допускает в исключительных случаях возможность ограничения доступа к суду частных лиц: для душевнобольных во время лечения; для лиц, склонных к сутяжничеству; для потребителей в случаях объединения исков в одно производство (коллективные иски).

4. Разрешение любого имущественного спора независимым судом

Судом признается орган государственного правосудия, созданный на основе закона и компетентный рассматривать данную категорию имущественных споров, в равной степени независимый как от законодательной и исполнительной власти, так и от сторон, участвующих в споре, способный профессионально оценивать юридические факты и толковать нормативные акты.

В этих целях государство – член Совета Европы обязано гарантировать судьям достаточный срок полномочий. В то же время члены суда гарантируют сторонам соблюдение законодательно установленной судебной процедуры разрешения споров.

Нарушение данного принципа констатируется Европейским судом по результатам изучения состава суда, порядка и способа назначения судей в конкретном деле, определения срока их полномочий, ходатайств об отводе судей, определений о разрешении таких ходатайств, заявлений о самоотводе судей и т. д.

5. Разрешение любого спора беспристрастным судом

Суды должны беспристрастно оценивать юридические факты. Члены суда, как лица, принявшие спор к рассмотрению в объективном порядке и не имеющие личной заинтересованности в исходе разбирательства, должны внушать доверие участникам процесса и всему обществу.

Непредвзятость членов суда должна быть видимой, явной, исключать какие-либо сомнения в их беспристрастности.

При малейшем сомнении судья обязан взять самоотвод. Нарушения принципа беспристрастности устанавливаются посредством изучения: эффективности порядка принятия заявлений к рассмотрению; объективности способов распределения дел в конкретном суде; отсутствия случаев произвольного и необоснованного объединения (разъединения) дел; передачи дел из одного судебного подразделения в другое, от одного судьи к другому; и т. д.

6. Справедливость судебного разбирательства любого имущественного спора

Судебное разбирательство признается справедливым при условии обеспечения равного процессуального положения сторон, участвующих в споре.

Для подтверждения соблюдения этого принципа Европейский суд устанавливая отсутствие процессуальных и фактических привилегий у сторон, проверяет: фактическую состязательность сторон в процессе; независимость и законность назначения экспертов и экспертиз; законность методов получения доказательств; мотивированность решения; порядок и фактическую возможность обжалования судебного решения сторонами, а также невозможность вмешательства в порядок обжалования судебных решений лиц, не участвующих в споре и чьи права не затронуты судебным актом; фактическую возможность участия сторон на всех стадиях рассмотрения дела.

7. Возможность быть выслушанным судом

Лицо, защищающее свои частные права, должно: фактически подробно уведомляться на понятном ему языке о времени и месте судебного заседания; иметь возможность защищать свои права лично или через своих представителей, адвокатов, а также получать помощь переводчиков; свободно представлять доказательства, подтверждающие его права; и т. д.

8. Разумность сроков разбирательства имущественных споров

В срок разбирательства имущественного спора входит весь срок рассмотрения претензий лица, защищающего свои права как в административных, так и в судебных органах государства – члена Совета Европы, а также срок фактического исполнения решения.

Разумность срока применительно к судебному разбирательству устанавливается в зависимости от конкретных обстоятельств спора, сложности дела, поведения сторон в процессе, добросовестности судебных структур, рассматривающих спор и выдающих исполнительные документы.

При этом Европейский суд, как правило, исключает из этого срока периоды, когда затягивание разбирательства происходило по инициативе частного лица (изучаются ходатайства, заявлявшиеся частным лицом, причины смены его адвоката, причины немотивированного отсутствия сторон в судебном процессе и т. д.).

Неоправданные действия государственных органов (по затягиванию рассмотрения жалоб), а также судов (по отказу в приеме исковых заявлений, необъективному распределению дел, неоправданному объединению дел, смене судей, отложению и приостановлению рассмотрения и т. д.) расцениваются как факты, свидетельствующие о нарушении принципа разумности срока разбирательства имущественного спора.

Европейский суд, как правило, признает, что для рассмотрения спора, вытекающего из административных правоотношений, требуется значительно меньше времени, чем для разбирательства спора гражданско-правового характера.

9. Открытость разбирательства спора, публичность объявления судебного решения

Данное положение обеспечивает возможность проведения разбирательства в присутствии всех лиц, защищающих свои права, а также лиц, заинтересованных в присутствии на судебном заседании.

При этом Европейский суд настаивает на позиции, утверждающей, что вопросы фактических обстоятельств спора должны рассматриваться только в присутствии спорящих сторон и других заинтересованных в исходе спора лиц.

В то же время с позиций Европейского суда обсуждение судом вопросов права возможно и при отсутствии спорящих сторон.

Представители общественности и средств массовой информации не допускаются в судебное заседание при рассмотрении фактических обстоятельств лишь с мотивировкой такого запрета моральными обоснованиями и нормами, защищающими государственную тайну.

Независимо от этого обстоятельства соблюдение требования публичности обязательно в стадии вынесения мотивированного судебного решения по имущественному спору.

Европейский суд настаивает на публичном объявлении судебного решения и передаче его в канцелярию суда для ознакомления заинтересованных лиц. При этом особо приветствуется обеспечение возможности открытого ознакомления с судебными решениями через средства массовой информации.

Прошу принять во внимание изложенные положения при осуществлении правосудия в арбитражных судах Российской Федерации.

*Председатель
Высшего арбитражного суда
Российской Федерации
В. Ф. Яковлев*

**Резолюция ДН (81)8 Комитета
министров Совета Европы**

**Совет Европы
Комитет министров**

РЕЗОЛЮЦИЯ ДН (81)8¹

Комитет министров, в соответствии с положениями статьи 54 Конвенции по защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция);

принимая во внимание решение Европейского суда по правам человека по делу Эйри от 9 октября 1979 г. и 6 февраля 1981 г. и в тот же день переданного в Комитет министров;

принимая во внимание и то, что решение было вынесено на основании жалобы миссис Джоаны Эйри, ирландки по национальности, против Ирландии, рассмотренной Европейской комиссией по правам человека в соответствии со статьей 25 на нарушение части 1 статьи 6, статей 1, 8, 13 и 14 Конвенции;

принимая во внимание, что дело было передано в Суд Европейской комиссией по правам человека;

9 октября 1979 г. Суд:

1. Отверг единогласно возражение Правительства о явной необоснованности жалобы.

2. Отверг шестью голосами против одного первую часть возражения Правительства о том, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны.

3. Присоединил единогласно к рассмотрению по существу вторую часть возражения, но шестью голосами против одного отверг его после рассмотрения по существу.

4. Постановил пятью голосами против двух, что была нарушена часть 1 статьи 6 Конвенции, взятая в отдельности.

5. Постановил четырьмя голосами против трех, что нет необходимости рассматривать дело в свете статьи 14 в сочетании с частью 1 статьи 6.

6. Постановил четырьмя голосами против трех, что была нарушена статья 8.

¹ Перевод выполнен юристом Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека Е. В. Романовой.

7. Постановил четырьмя голосами против трех, что нет необходимости рассматривать дело в свете статьи 13.

8. Постановил единогласно, что вопрос о применении статьи 50 еще не готов для решения.

В соответствии с решением от 6 февраля 1981 г. Суд единогласно:

– утвердил соглашение, заключенное между Правительством и заявителем относительно размера расходов в национальных судах;

– отклонил требования заявителя относительно транспортных расходов и издержек, понесенных в Страсбурге;

– постановил, что Ирландия обязана выплатить заявителю в соответствии с предъявленными им требованиями сумму в три тысячи сто сорок (3140) ирландских фунтов.

принимая во внимание Правила, принятые Комитетом министров, на основании статьи 54 Конвенции;

предлагая правительству Ирландии информировать обо всех мерах, предпринятых во исполнение решения в соответствии с обязательством по статье 53 Конвенции;

на основании чего во время нахождения дела в Комитете министров правительство государства-ответчика предоставляло Комитету информацию обо всех предпринятых мерах для достижения вышеуказанной цели (данная информация содержится в приложении к данной резолюции);

удостоверившись, что 27 июля 1998 г. правительство государства-ответчика в срок выплатило заявителю денежную компенсацию в соответствии с решением Суда от 6 февраля 1981 г.,

заявляет, принимая во внимание информацию, предоставленную правительством Ирландии, что она выполнила свои обязательства по статье 54 Конвенции по этому делу.

Приложение к резолюции ДН (81)8

Информация, предоставленная правительством Ирландии, во время нахождения дела Эйри в Комитете министров

К моменту вынесения решения Европейским судом по правам человека от 9 октября 1979 г. в Ирландии существовала система правовой помощи по уголовным делам, и Правительство приняло решение создать систему правовой помощи по гражданским делам. В декабре 1979 г. министр юстиции Ирландии представил палатам парламента Ирландии структуру правовой помощи по гражданским делам и назначил независимый орган, Правовое управление, для руководства этой структурой. Система правовой помощи включает помощь по семейным делам, в том числе дела о выплате алиментов и раздельном проживании супругов, однако не касается отдельных категорий семей-

ных дел. В соответствии со сложившейся практикой она включает в себя оказание правовой помощи при рассмотрении дела по существу и расходы по ведению дела. Первые центры по правовой помощи были открыты 15 августа 1980 г., и в настоящее время действует семь подобных центров, а также планируется их расширение. План по введению системы правовой помощи был реализован, а также было введено в действие руководство министерства и внесены поправки, которые позволили улучшить этот план, обеспечить доступ к правовой помощи более широкого круга людей и максимально снизить размер затрат.

Правительство Ирландии считает, что принятием указанных мер оно полностью выполнило свои обязательства по исполнению решения в отношении части 1 статьи 6 и статьи 8 Конвенции и приняло решение о том, что нет необходимости принимать иные меры. Однако правительством были предприняты дополнительные меры с целью упростить процедуру рассмотрения дела в суде. 15 октября 1980 г. министр юстиции представил парламенту закон о судах 1980 г., включающий положения, согласно которым была расширена юрисдикция районных и окружных судов по рассмотрению гражданских дел, и им были переданы семейные дела. Кроме того, закон содержит положение, согласно которому окружному суду были переданы полномочия по рассмотрению всех дел о расторжении браков. Внесение данных изменений в закон обеспечивает более быстрый и менее затратный доступ к правосудию.

Что касается исполнения решения Суда от 6 февраля 1981 г. в соответствии со статьей 50 Европейской конвенцией, то 4 марта 1981 г. правительство Ирландии выплатило заявителю сумму, установленную Европейским судом, в размере трех тысяч ста сорока ирландских фунтов.

**Резолюция ДН (95)254 Комитета
министров Совета Европы**

**Совет Европы
Комитет министров**

РЕЗОЛЮЦИЯ ДН (95)254¹

Решение Европейского суда по правам человека от 24 ноября 1994 г. по делу Бьюмартин против Франции (принято Комитетом министров 20 ноября 1995 г. на 549-м собрании министров).

Комитет министров в соответствии с положениями статьи 54 Конвенции по защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция),

принимая во внимание решение Европейского суда по правам человека по делу Бьюмартина, вынесенное 24 ноября 1994 г. и в тот же день переданное в Комитет министров;

принимая во внимание и то, что решение было вынесено на основании жалобы мистера Пьера Бьюмартина и его двух сестер, Джин Дроин и Полл Тибот, французскими подданными, жалоба № 15287/89 против Франции, рассмотренной Европейской комиссией по правам человека 19 июня 1989 г. в соответствии со статьей 25 Конвенции и признанной Комиссией приемлемой в части требований о разумности срока рассмотрения дела в административном суде и справедливости судебного разбирательства в Совете d'Etat, когда суд при вынесении решения находился под влиянием позиции министра иностранных дел по толкованию международного соглашения;

принимая во внимание, что 9 сентября 1993 г. дело было передано Комиссией в Суд;

24 ноября 1994 г. Суд в своем решении единогласно:

- признал, что часть 1 статьи 6 Конвенции применима в этом деле;
- признал, что имело место нарушение части 1 статьи 6 в части нарушения требований о разумном сроке судебного разбирательства;
- признал, что имело место нарушение части 1 статьи 6 в той части, что дело не было рассмотрено независимым «трибуналом», имеющим соответствующую юрисдикцию;

¹ Перевод выполнен юристом Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека Л. М. Чуркиной.

– обязал государство выплатить заявителям в течение трех месяцев 100 000 французских франков за понесенный ущерб и 80 000 французских франков за расходы и издержки;

– отказал в присуждении сумм в качестве справедливой компенсации;

принимая во внимание Правила, принятые Комитетом министров, на основании статьи 54 Конвенции;

предлагая правительству Франции информировать обо всех мерах, предпринятых во исполнение решения от 24 ноября 1994 г. в соответствии с обязательством по статье 53 Конвенции;

на основании чего во время нахождения дела в Комитете министров Правительство Франции предоставляло Комитету информацию о мерах, предпринятых во исполнение решения, которая содержится в настоящей резолюции;

удостоверившись, что 1 апреля 1995 г. правительство Франции выплатило заявителям денежную компенсацию в соответствии с решением от 24 ноября 1994 г.,

заявляет, принимая во внимание информацию, предоставленную правительством Франции, что оно выполнило свои обязательства по статье 54 Конвенции по этому делу.

Приложение к резолюции ДН (95)254

Информация, предоставленная Правительством Франции во время нахождения дела Бьюмартина в Комитете министров

Во-первых, что касается юридических вопросов толкования международных соглашений, правительство Франции напоминает, что до решения от 29 июня 1990 г. Совет d'Etat в пленарном заседании практиковал передачу на рассмотрение Министерству иностранных дел вопроса о толковании международных соглашений, текст которых не ясен и может быть неоднозначно истолкован. В настоящее время Совет d'Etat самостоятельно дает толкование международным соглашениям, а в случае, если по делу требуется узнать позицию исполнительной власти, то он не оказывается под влиянием этой позиции (см. п. 20 и 38 решения суда, сер. А, № 296-В).

Во-вторых, правительство Франции проводит реформу системы административных судов в соответствии с решением парламента от 31 декабря 1987 г. с целью разрешения проблемы рассмотрения дел Советом d'Etat и продолжительности процедуры, необходимой для вынесения решения.

Центральное место в проведении реформы занимает апелляционная инстанция административных судов – вышестоящая инстанция для административных судов и нижестоящая для Совета d'Etat.

Статья 1 Закона предусматривает создание пяти межрегиональных апелляционных судов, которые имеют ту же компетенцию, что и Совет d'Etat: «апелляционная инстанция пересматривает решения административных судов, за исключением вопросов компетенции, споров, касающихся муниципальных и кантональных выборов и обжалования нормативных актов».

Закон от 8 февраля 1995 г. завершил эту реформу. С 1 октября 1995 г. апелляционной инстанции административных судов были переданы полномочия по обжалованию действий государственных органов, в том числе и обжалование нормативных актов.

На сегодняшний день апелляционная инстанция административных судов взяла на себя роль Совета d'Etat. В 1988 г. вновь созданные апелляционные суды были обеспечены важными средствами формирования персонала, материальной базы и предпосылок развития.

Эти средства в дальнейшем были усовершенствованы Законом от 6 февраля 1995 г., Законом правосудия на следующие пять лет, которые предусматривали в период до 1999 г. реформирование 180 магистратов и создание 200 участков административных судов первой и второй инстанции.

На сегодняшний день компетенция Совета d'Etat состоит в следующем.

1. Компетенция суда первой и последней инстанции, которая в настоящее время выносит 10–12 % решений от прежнего числа вынесенных решений до создания апелляционной инстанции административных судов. Главное значение имеет рассмотрение дел особой национальной важности (по делам против постановлений и нормативных актов министерств).

2. Компетенция суда апелляционной инстанции для административных трибуналов по делам о нарушении избирательных прав и вопросов компетенции.

3. Компетенция суда кассационной инстанции для апелляционной инстанции административных судов, что в настоящее время и составляет главную функцию Совета d'Etat.

Кроме того, основания для рассмотрения дела Советом d'Etat в качестве кассационной инстанции проверяется специальной комиссией. Фактически статья 11, п. 1 Закона от 31 декабря 1987 г. содержит процедуру решения вопроса о приемлемости рассмотрения дела в кассационной инстанции, критерии приемлемости содержатся в постановлении от 2 сентября 1988 г. Комиссия вправе решать вопрос о приемлемости жалобы в соответствии с критериями, изложенными в постановлении, и может отказать на том основании, что жалоба не отвечает требованиям приемлемости или не имеет шансов на успех, вынеся об этом мотивированное решение.

Применение указанных мер общего характера оказало положительное влияние на сроки рассмотрения дел.

С момента создания апелляционной инстанции административных судов количество дел, рассматриваемых Советом d'Etat, снизилось на 5000, указанные дела были переданы на рассмотрение других судов. В период, когда произошла передача дел из одних судов в другие, соблюдался определенный баланс между поступающими и уже рассмотренными делами с учетом того, что общее число поступающих дел возросло.

В результате перераспределения компетенции начиная с 1 октября 1995 г. ситуация с Советом d'Etat изменилась в лучшую сторону. Количество рассмотренных дел возросло в период с 1993 по 1994 г. на 10 % и достигло 11 314.

**Резолюция ДН (76)35 Комитета
министров Совета Европы**

**Совет Европы
Комитет министров**

РЕЗОЛЮЦИЯ ДН (76)35¹

Комитет министров,

принимая во внимание статью 54 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция);

касающуюся решения Европейского суда по правам человека от 25 мая 1998 г. по делу Голдер от 21 февраля 1975 г. и в тот же день переданное в Комитет министров;

принимая во внимание то, что решение было вынесено на основании жалобы мистера Сидней Элмер Голдера, гражданина Соединенного Королевства, против Соединенного Королевства, рассмотренной Европейской комиссией по правам человека в соответствии со статьей 25 Конвенции;

принимая во внимание, что 27 сентября 1973 г. жалоба была передана в Суд Правительством Соединенного Королевства на основании статьи 48 Конвенции;

В своем решении суд

– постановил девятью голосами против трех, что имело место нарушение части 1 статьи 6 параграфа 1 Конвенции;

– постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;

– постановил единогласно, что необходимо присуждение справедливой компенсации в соответствии со статьей 50 Конвенции;

принимая во внимание Правила, принятые Комитетом министров, на основании статьи 54 Конвенции;

предлагая Правительству Соединенного Королевства информировать обо всех мерах, предпринятых во исполнение решения в соответствии с обязательством по статье 53 Конвенции;

¹ Перевод выполнен юристом Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека Л. М. Чуркиной.

на основании чего во время нахождения дела в Комитете министров, Правительство государства-ответчика предоставляло Комитету информацию обо всех предпринятых мерах для достижения вышеуказанной цели (данная информация содержится в приложении к данной резолюции);

заявляет, принимая во внимание информацию, предоставленную Правительством Соединенного Королевства, что оно выполнило свои обязательства по статье 54 Конвенции по этому делу.

Приложение к резолюции ДН (76) 35

Информация, предоставленная Правительством Австрии, во время нахождения дела Голдер в Комитете министров

1. В обращении, прозвучавшем в Парламенте 5 августа 1975 года, министр внутренних дел заявил, что в Англии и Уэльсе исполнение решения будет в основном осуществляться путем принятия административных мер и внесения изменений в Правила мест лишения свободы, действующие в Англии и Уэльсе с 1964 года, путем внесения соответствующих законопроектов в парламент. 6 августа 1975 года всем учреждениям мест лишения свободы в Англии и Уэльсе были даны разъяснения относительно новой процедуры. В случае, если какой-либо заключенный обратится с заявлением к должностному лицу с просьбой предоставить ему возможность получить помощь адвоката, проконсультироваться относительно подачи жалобы в порядке гражданского судопроизводства или после получения соответствующей консультации возбудить соответствующую процедуру, ему должна быть предоставлена эта возможность. Что касается обращения с жалобой на действия Министерства внутренних дел (а также любого министра или должностного лица) и касающегося условий лишения свободы заключенного, данная возможность должна быть предоставлена только после использования внутренних средств (например, путем подачи жалобы в Министерство внутренних дел или подачи заявления в Совет посетителей или должностному лицу министерства). На руководстве мест лишения свободы лежит ответственность за немедленное предоставление данной возможности; заключенному должно быть предоставлено указанное право после завершения внутреннего расследования.

2. 10 ноября 1975 г. подобные разъяснения получили учреждения Шотландии. Внесение изменений в соответствующие Правила, действующие на территории Шотландии, не требуется. Министерство Северной Ирландии сделало аналогичные разъяснения учреждениям Северной Ирландии.

Значение новых разъяснений состоит в том, чтобы исключить дейст-

вующее ранее требование, по которому заключенный должен был обратиться с соответствующим прошением к министру для того, чтобы получить консультацию адвоката относительно гражданского иска, возбуждения соответствующей процедуры или подачи искового заявления. Должностные лица получили текст данного сообщения с целью информирования заключенных относительно новых правил.

**Европейские стандарты права
на справедливое судебное разбирательство
и российская практика**

Редактор *Т. А. Федорова*

Верстка *Л. А. Хухаревой*

Ответственная за выпуск *Т. Г. Мусина*

Подписано в печать 16.07.2004. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 15,04. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ

Издательство Уральского университета.

620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в типографии «Чароид».

623751, Свердловская обл., г. Реж, ул. О. Кошевого, 16.